

ЛЕНА ЛЕТНЯЯ

АКАДЕМИЯ МАГИИ

МАГИЧЕСКИЙ
СПЕЦКУРС
ВТОРОЙ СЕМЕСТР

Первый семестр спецкурса для детей магов, покинувших магический мир, закончился ужасно плохо: я узнала, что кто-то с самого моего рождения пытается меня убить, а уже на следующее утро проснулась призраком. Значит ли это, что неизвестный враг сумел добраться до меня и теперь все кончено? Если бы не поддержка преподавателя Темных ритуалов и заклятий, я бы точно опустила руки. Но когда он рядом, мне любое море по колено. Вот только будет ли он рядом со мной всегда?

Лена Летняя

Магический спецкурс. Второй семестр

Он сказал: это всего на год. Он сказал: ничего сложного. Он сказал: ты просто научишься паре полезных фокусов и узнаешь историю мира, который мы покинули. Пожалуй, еще никогда я не была так зла на родного отца, как в первый день каникул. А вы бы не злились, если бы накануне узнали, что вас, оказывается, с младенчества пытаются убить? А если бы уже на следующий день проснулись бесплотным духом?

Когда родители внезапно объявили мне, что они маги, покинувшие свой мир ради жизни среди людей, я сначала решила, что они спятили. Когда они отправили меня в Орту — университет магии — для прохождения годового спецкурса, я решила, что они ужасно безответственные. Ведь они отправили меня сюда, не обеспечив минимально необходимые условия для учебы — не дали мне базовый фокусирующий артефакт, который бы направил мой магический поток и, собственно, сделал из меня мага.

Теперь я знала, что в их молчании на протяжении всей моей жизни и нежелании как-то подготовить меня к обучению в Орте имелся тайный смысл. Они не хотели, чтобы я возвращалась за Занавесь — в мир магов, но были вынуждены меня туда отправить.

Хорошо, предположим, пока мой отец был старшим легионером столицы — то есть руководил силами магического правопорядка в славном городе Алария — он успел кому-то крупно насолить. Настолько, что эти люди попытались его убить вместе со всей семьей — то есть со мной и мамой. Одного я не понимала: я-то тут причем? Почему именно на меня нацелились неизвестные враги? И почему родители ни словом мне об этом не обмолвились? Почему я обо всем узнала от постороннего по сути человека? Может быть, знай я все с самого начала, сейчас бы не металась по опустевшему общежитию, проходя сквозь стены.

В глубине души я понимала, что знание мне не помогло бы. Ведь я действительно узнала обо всем еще вчера, но почему-то сегодня все равно была... Что? Мертва? Развоплощена? Каждый раз, как я доходила до этого вопроса в своих сумбурных мыслях, мой мозг стопорился, не в силах осознать происходящее. Пока я понимала одно: мне срочно нужна помощь.

Я выбежала из общежития в заснеженный внутренний двор. Небо магического мира сегодня из зеленоватого превратилось в изумрудное, что обычно предвещало осадки. Зима здесь была гораздо мягче, чем в Москве, но снег все равно сыпался и укрывал землю тонким слоем. Холода я не ощутила, хотя температура определенно опустилась ниже нуля, раз снег не таял.

В учебном корпусе царила тишина. Орта и так никогда не наполнялась шумом и суетой, ее строили с расчетом на большее количество студентов, нежели посещало сейчас. Во время выходных она и вовсе вымирала, а тут еще и у нашего спецкурса начались каникулы. Однако мне повезло: через главный холл к порталам как раз направлялся профессор Нот. Не совсем тот человек, чьей помощи я бы хотела попросить, но начать можно и с него.

Я не успела и рта раскрыть, как преподавателя Боевой магии окликнула профессор Карр — куратор нашего спецкурса.

— Вилл! Хорошо, что я тебя застала. Подожди секунду.

Профессор Нот остановился, обернулся и удивленно посмотрел на коллегу. Почему-то он не обратил на меня никакого внимания. Даже не кивнул, хотя обычно начинал флиртовать, едва я попадала в поле его зрения. Не заметил он меня, что ли?

— В чем дело, Ирида? Я тороплюсь, меня ждут в городе.

— Я тебя не задержу надолго, — она подошла к нему ближе, также игнорируя мое присутствие.

Я понимала, что не бог весть какая важная персона, но хоть кивнуть-то они мне могли? Если уж их не удивляло, что я все еще тут.

— Я внимательно слушаю, — тем временем заверил профессор Нот.

— Одна из моих студенток, по словам ее соседки по комнате, сегодня не ночевала у себя. И утром тоже не появилась, когда остальные отправлялись домой. Я хотела бы спросить: ты что-нибудь знаешь об этом?

Судя по выразительному взгляду, она намекала, что эта самая студентка сегодня ночевала в комнате профессора Нота. Кажется, он все-таки выбрал себе новую фаворитку со спецкурса. Интересно, кого? Я ставила на Жюли: француженка была необычно хорошенькой на мой взгляд. Единственное, что меня удивляло, — это то, что профессор Карр не стеснялась задавать эти вопросы в моем присутствии. Хотя я, конечно, не подходила близко, деликатно дожидаясь в сторонке, пока они решат свои вопросы и обратят на меня внимание. Тогда бы я их и огорошила своим странным состоянием.

— Твои намеки просто оскорбительны, — фыркнул Нот, но в его голосе слышалось скорее самодовольство, чем обида: ему явно льстило, что студентку искали в его спальне. — Я сегодня ночевал один. А кто хоть потерялся?

— Да эта, самая бедовая у меня, — вздохнула Карр. — Ларина. Вечно с ней одни неприятности...

От удивления у меня совершенно натурально отвалилась челюсть. Так они меня потеряли? Они меня не видят?

— Эм, профессор Карр! — позвала я, но ни один из преподавателей даже не шелохнулся.

Нот только рассмеялся и теперь сам выразительно посмотрел на моего куратора.

— Эту студентку, Ирида, я бы рекомендовал тебе искать в спальне Яна.

И он туда же! Я, конечно, знала, что после того, как профессор Норман едва не отправился на тот свет, спасая меня из лап низших, о нас ходили разные слухи. Только не думала, что преподаватели могут подобные слухи обсуждать на полном серьезе. Это заявление заставило меня на мгновение забыть о своей проблеме. Впрочем, ненадолго.

— Эй, профессор Нот, профессор Карр, я здесь, посмотрите на меня!

Я подошла к ним вплотную и едва не проорала эти слова им на ухо. Помахала руками перед их лицами. Ноль реакции. Карр только нахмурилась в ответ на предположение Нота.

— Думаешь, между ними действительно что-то есть? Это не похоже на Яна. Он же не ты, для него студентки всегда были табу. Я вообще какое-то время думала, что женщины его не интересуют.

Я так удивилась, что перестала орать и махать руками. Внезапно стало очень интересно, что еще они скажут про Яна Нормана. Вопрос, могу ли я интересоваться его как женщина, а не как непутевая студентка, уже какое-то время интересовал и меня. И сейчас он интересовал меня даже сильнее, чем мое состояние. Что странно.

— А ты видела, как они танцевали на Балу Развоплощенных? — со смешком поинтересовался Нот. — Честно говоря, я тогда и похоронил свои надежды в отношении милойшей Тани, — он театрально вздохнул.

— Да, видела, конечно, — Карр продолжала хмуриться, — но все равно сомнительно.

Он действительно чрезмерно внимателен к этой девочке, это все заметили. Но я не думаю, что он потащил бы ее в постель. Не до конца учебного года. Он очень щепетилен в этих вопросах.

— О, Ирида, ты так наивна, что в твоём возрасте даже странно, — Нот снова нахально рассмеялся. — Эти девочки со спецкурса нашим дадут сто очков форы. Seriously, уж я-то знаю. Они куда более раскрепощены. Так что Ларина вполне могла проявить инициативу. А Ян всего лишь мужчина, мог не устоять. Щепетилен он был, когда депо касалось меня, а не его.

— Ах ты сволочь, — выдохнула я без всякого стеснения. Раз он все равно не может меня слышать, я хоть выскажусь. — Прав был Ян, когда предупреждал меня на твой счет.

Нот, естественно, даже ухом не повел. Вместо этого он изобразил нетерпение.

— В общем, Ларину я последний раз видел на утреннем занятии, когда они сдавали зачет. Даже на обеде с ней не пересекался. Если это все, то меня ждут в Апарин, — напомнил он.

— Ладно, иди. Придется зайти к Яну, вдруг ты прав.

И они разошлись в разные стороны: Нот к порталам, а Карр пошла наверх, к учебным аудиториям. Видимо, личные комнаты профессора Нормана были где-то там.

На меня же навалилось осознание происходящего. Я бесплотный дух, меня никто не видит и не слышит. И что мне теперь делать? И надо ли еще что-то делать или, как говорится, уже «поздняк метаться»?

— Норман, — вслух решила я. — Мне нужен Норман.

Как минимум меня интересовало, что он скажет профессору Карр в ответ на ее вопросы.

* * *

Едва я подумала о Нормане, как оказалась у дверей его рабочего кабинета. У моего состояния только что обнаружился огромный бонус. Вот только почему я у кабинета? Не может же он быть в кабинете? Я зажмурилась и прошла сквозь дверь. Пока я не решалась делать это с открытыми глазами. Боялась.

В кабинете было тихо, темно и пусто. Я решила проверить и личный кабинет, но результат оказался тем же.

Интересно, а где Норман живет? Когда его выписали из лазарета, я сразу решила, что не пойду навещать его в личные комнаты. Поэтому вопрос, где они находятся, меня тогда не взволновал. А зря, сейчас бы пригодилось.

Преподаватели совершенно точно не жили в корпусе общежития. Ректор жил там же, где находился его рабочий кабинет: несколько месяцев назад я из него попала прямоком в гостиную, где он от всей души отрывался под мою же музыку. Может быть, у Нормана так же?

Я огляделась по сторонам и действительно нашла взглядом неприметную дверь в углу. Зажмурившись еще раз, прошла и сквозь нее.

И оказалось в небольшой, но довольно уютной гостиной. Окна были зашторены, источниками света служили горящий камин и небольшой светящийся шар, зависший над диваном. Откуда-то с потолка пилась едва слышная музыка, как обычно, инструментальная. Песен в этом мире почему-то почти не было.

Норман нашелся здесь же. Он лежал на диване, подложив под голову подушку, и увлеченно читал какую-то толстую книгу. Время от времени он запускал руку в небольшую миску, стоящую на низком столике у дивана. Подойдя ближе, я разглядела, что в миске лежат какие-то орехи в карамели. Вместо уже надоевшей преподавательской формы на Нормане были надеты футболка с коротким рукавом и какие-то удобные штаны из мягкой, немнущейся ткани. Сам он выглядел таким расслабленным и увлеченным содержанием книги, что я расплылась в улыбке. Еще ни разу мне не доводилось видеть его таким... домашним. Судя по небольшой щетине на щеках и подбородке, в честь выходного он решил этим утром пропустить бритье.

Я бы с удовольствием полюбовалась на него еще, но, переворачивая страницу, он оторвал взгляд от текста и скользнул им по мне. В следующую секунду он так дернулся, что едва не опрокинул диван.

— Ларина?! Какого демона? Как вы сюда попали? И что вы здесь делаете?

Я вздрогнула от его крика, растерявшись и перепугавшись, как будто меня застали за чем-то неприличным, но потом обрадовалась.

— Вы меня видите? Seriously? И слышите?

Его брови удивленно взметнулись вверх. Он сел, опустив босые ноги на ковер, и отложил книгу в сторону. Мне захотелось прочитать название и автора, но с моего места разглядеть это было трудно, а подойти ближе я не решилась.

— Извольте объяснить ваши вопросы, — чуть спокойнее попросил Норман, все еще гневно глядя на меня. Мне показалось, что этим гневом он старается прикрыть смущение. Ему явно не понравилось, что я застала его в таком виде.

— Понимаете, я сегодня почему-то проснулась очень поздно, Хильды уже не было, — путанно начала объяснять я. — Почему-то она не разбудила меня, когда сама собиралась домой. Мне это сразу показалось странным, а еще более странным — то, что я спала в одежде. Причем не помню, почему я спала в одежде и как я ложилась...

— Госпожа Ларина, вы не могли бы сразу перейти ближе к делу? — резко перебил он.

Я обиженно насупилась. Как будто это было так легко объяснить! Я скрестила руки на груди и посмотрела на него исподлобья.

— Ближе к делу? Как скажете, профессор Норман. Кажется, я умерла.

На самом деле я так не думала. То есть, изо всех сил старалась верить в то, что это не так, и моему состоянию есть другое объяснение. Но его резкий тон и обращение по фамилии меня задела. Не он ли еще вчера звал меня Таней, предупреждал об опасности, которая мне грозит, и обещал защитить? Подумаешь, помешала ему читать! Не от хорошей же жизни... Мог бы быть и повежливее.

Заметив, как резко побледнело его лицо, я поняла, что слегка переборщила. В его глазах появился такой ужас, что я испугалась за его здоровье. Еще сердце прихватит, и что я буду тогда делать?

— Что вы сказали? — вмиг пересохшими губами переспросил он. Голос его прозвучал едва слышно.

— Пожалуйста, не пугайтесь так, — жалобно попросила я. — Я точно не знаю, это одна из версий. Просто понимаете... — я не нашла подходящих слов, поэтому просто подошла к краешку дивана и помахала рукой, демонстрируя, как она проходит сквозь спинку. — Вот...

Все еще смертельно бледный, Норман медленно встал, неотрывно глядя туда, где только что была моя рука. Он подошел ближе и попытался коснуться моего плеча, но его рука

прошла сквозь меня, из-за чего я непроизвольно вздротнула. А мое внимание в это же время привлекла небольшая татуировка на его бицепсе, чуть выше локтевого сгиба. Какой-то незнакомый мне символ. Захотелось спросить, что это такое, но Норман задал вопрос первым:

— Что произошло?

— Я не знаю, — честно сказала я. — Ничего не помню. Последнее, что помню, — это как разговаривала с вами, а вы предупреждали о том, что меня хотят убить. А потом вдруг проснулась в своей комнате уже такая. Не помню даже, как мы с вами расстались. Когда я поняла, что я... бесплотна, я попыталась попросить о помощи. Но профессора Карр и Нот меня не увидели и не услышали, хотя я стояла прямо перед ними и кричала им в уши. И потом я пошла к вам. И оказалось, что вы меня видите. Кстати, профессор Карр сейчас тоже идет к вам, — добавила я в конце, выразительно закатив глаза.

Я думала, что это уже невозможно, но Норман удивился еще больше.

— Зачем?

— Затем, что Нот посоветовал ей поискать меня в вашей спальне, — фыркнула я.

— Каждый судит по себе, — недовольно проворчал Норман.

— Вы знаете, у него хватило наглости заявить, что я могла вас соблазнить, а вы просто не устоять. Конечно, разве же можно устоять передо мной? — последние мои слова были чистым сарказмом, от которого я не удержалась из-за общей нервозности.

У Нормана они вызвали улыбку. Он окинул меня оценивающим взглядом и тихо заметил, как мне показалось, совершенно серьезно:

— Конечно же нет.

Я бы с удовольствием зацепилась за эти слова и заставила его сказать больше, но в этот момент в дверь постучали. Не в ту, через которую вошла я. Оказывается, тут была еще одна.

— Заходи, Ирида, — Норман пропустил в гостиную моего куратора, поглядывая то на нее, то на меня, как будто ждал, как она прореагирует на мое присутствие в его личных комнатах. Как и следовало ожидать, профессор Карр никак не прореагировала, снова в упор меня не видя. — Чем обязан?

— У меня студентка потерялась, — издалека начала Карр, как бы между делом скользя взглядом по гостиной. Интересно, что она искала? — Татьяна Ларина.

— И ты пришла поискать ее у меня?

Норман как будто забыл, что он в домашней одежде, небритый и босиком. Разговаривая с Карр, он стоял так же прямо, как обычно, сцепив руки за спиной, и взирал на коллегу с едва заметной улыбкой. Как всегда спокойный и уверенный в себе, он не походил на человека, пойманного на месте преступления. Несмотря на всю сложность ситуации, я невольно залюбовалась им.

— Ты же не будешь отрицать того, что у вас сложились довольно... теплые отношения? — Карр выразительно посмотрела на Нормана. — А остальные варианты я уже проверила.

— Когда она пропала?

— Вчера во время вечеринки в гостиной спецкурса. Ее подруга сказала, что ближе к концу вечера потеряла ее из вида. Думала, она пошла в комнату, но когда сама добралась до нее, оказалось, что Лариной там нет.

— Почему она сразу ничего не сказала?

— Ты что, не знаешь студентов? — настала очередь профессора Карр смотреть на него

со снисходительной улыбкой. — Она решила, что подруга просто задержалась где-то с мальчиком.

— Странная беспечность для госпожи Хильды, — немного резко заметил Норман. — С учетом того, что недавно на ее подругу напали, пытались изнасиловать и едва не убили.

— Думаешь, повторилось что-то подобное? — на лице Карр появился испуг. — Но ведь Корду Чест арестовали...

— О, пожалуйста, Ирида, — недовольно воскликнул Норман, перебивая ее. В мок сторону он даже не смотрел, словно я и для него вдруг стала невидимкой. — Мы оба знаем, что на Таню напал Кролл.

— Я не думаю, что он решился бы повторить это, — Карр поджала губы.

— Я тоже, — уже спокойнее выдохнул Норман. — Случилось что-то другое. Что-то, о чем я не узнал, — пробормотал он, вдруг снова садясь на диван.

Положив руку на стол, он закрыл глаза. Его губы зашевелились в беззвучных заклинаниях, а пальцы принялись вычерчивать по поверхности столика какие-то невидимые символы, один над другим.

— Что ты делаешь? — удивилась Карр, наблюдая за ним. — Это поисковое заклятие?

— Да, — через несколько секунд ответил Норман, снова открывая глаза и переставая чертить. — Перстень, который я ей подарил... Я всегда могу найти его, но... не сейчас. Ничего не понимаю. Она его потеряла? Нет, я бы все равно нашел сам перстень...

Я посмотрела на руку: перстень все еще был на моем пальце. По крайней мере, в таком же бесплотном варианте, как и я сама. О чем я не преминула сообщить Норману. Он едва заметно повернул голову на мой голос и кивнул, давая понять, что услышал. Кажется, ему не хотелось афишировать то, что он меня видит и что я здесь.

— Ирида, я думаю, тебе стоит связаться с ее родителями. Во-первых, уточнить, вдруг она все-таки вернулась домой раньше, чем имела право. Во-вторых, если ее нет и там, ее родители имеют право знать о том, что она пропала.

— Согласна, — вздохнула Карр.

— Я пойду к ректору, объясню ему ситуацию. Надо с ним посоветоваться.

— Ты не обязан этим заниматься, она не твоя подопечная.

— Я знаю, — Норман кивнул, — но я этим займусь.

— Как хочешь, — профессор Карр тоже кивнула и вдруг положила руку ему на плечо и слегка сжала его. Этот неожиданный жест поддержки удивил Нормана даже больше, чем меня. — Мы найдем ее, Ян. Не волнуйся.

— Конечно.

Когда за профессором Карр закрылась дверь, я снова подала голос:

— Мы идем к ректору?

— Да, — Норман встал и направился к третьей двери, которая, как я догадалась, вела в остальные его комнаты, — только мне надо переодеться. — Он задержался на пороге и серьезно посмотрел на меня. — Очень вас прошу: оставайтесь тут, не разгуливайте по моему жилью.

Пока он об этом не попросил, у меня и мысли такой не возникало, а теперь, конечно, нестерпимо захотелось. Однако я подавила это некрасивое желание: я умела уважать чужие границы.

— Я буду ждать вас здесь, — пообещала я.

На переодевание у Нормана ушло секунд тридцать. Правда, в гостиную он вернулся, на ходу застегивая многочисленные пуговицы сюртука. Бритьем он заморачиваться не стал.

Когда мы добрались до кабинета ректора, тот уже ждал нас, от профессора Карр зная, что я пропала. То есть ждал он, конечно, не нас, а только Нормана.

— Как так получилось, что ты ничего не почувствовал? — спросил он вместо приветствия.

Норман бросил на меня быстрый взгляд, молча дошел до кресла посетителя и сел, взглядом предлагая мне занять второе кресло. Ректор, как ни странно, заметил это.

— Ян, что происходит?

— Она здесь, ректор Ред.

— Кто?

— Таня Ларина, — он кивнул на кресло, в которое села я. — Только она не во плоти.

Ректор внимательно посмотрел на меня — то есть, на кресло, потому что меня он не видел — а потом перевел взгляд на Нормана.

— Я не стал говорить этого при Ириде, потому что понимаю, как это выглядит со стороны, — поторопился добавить тот. — Но это действительно так.

— А ты ее, значит, видишь, да? — уточнил ректор. Смотрел он на Нормана, наверное, примерно так же, как я на родного отца, когда тот рассказывал мне о том, что мы маги. — Уверен, что не путаешь ее с собственными фантазиями?

Норман закатил глаза и покачал головой.

— Эйб, ты ставишь меня в очень неудобное положение, заявляя при моей студентке, что я могу фантазировать на ее счет, — проникновенно заметил он. — Конечно, я не путаю ее ни с какими фантазиями. Потому что я не представляю, с чего вдруг стал бы фантазировать о том, как она приходит и говорит: «Здравствуйте, профессор, кажется, я умерла».

В его голосе под конец фразы мне почудилось слишком много эмоций. Наверное, мне действительно не стоило делать таких резких заявлений.

— Я бы не стал такое придумывать хотя бы потому, что знаю: ни люди, ни маги после смерти не становятся призраками, это выдумки.

— Но развоплощенные являются, — тихо заметил ректор.

Норман дернулся так, как будто его ударили. Наверное, вспомнил в этот момент о Роне Риддик, развоплотившейся перед своей страшной смертью. Он ведь до сих пор ее любил, хоть жизнь давно их разлучила.

Мне вдруг стало очень грустно, как будто я только сейчас по-настоящему осознала, что мое состояние, вероятно, необратимо.

— Я не умею развоплощаться, — буркнула я, скрестив руки на груди и непроизвольно ссутулившись.

— Никто не умеет, — отмахнулся Норман. — Никто до сих пор не знает, как это происходит и почему. Но депо не в этом. Развоплощенные являются не так. Все, кто стал свидетелем подобного явления, описывали это иначе. И потом обычно развоплощенные являются родственникам, чтобы попрощаться и пообещать вернуться однажды.

— Родственникам или супругам, — поправил ректор, все еще недоверчиво косясь на Нормана. — Ты и сам знаешь, что Рона явилась Гордону.

Норман стиснул зубы. Да, и к Гордону он до сих пор ревнует, хоть прах того давно истлел.

— Да какая разница, я же все равно ему не жена, — от внезапно вспыхнувшего раздражения я обратилась напрямую к ректору, хотя тот меня не слышал. Осознав это, я повернулась к Норману и повторила уже ему: — Я же вам не жена.

— Я в курсе, госпожа Ларина, — с непередаваемым сарказмом ответил тот. — Видимо, ректор Ред об этом забыл.

— Ты же понимаешь, что не обязательно имеется в виду официальный брак, — ничуть не смутился ректор. Он подался вперед, опираясь локтями на стоп, и положил подбородок на сцепленные руки.

— Рогатый демон, Эйб, и ты туда же? — недовольно проворчал Норман, разглядывая собственные руки, как будто видел их впервые.

— Хорошо, я готов выслушать твой вариант, если мои ты уверенно отвергаешь. Что с ней случилось? Почему она явилась не во плоти? Почему ее видишь только ты?

Норман какое-то время молчал, как будто прокручивал в голове возможные варианты, а потом выдал собственную версию:

— Она где-то в ловушке. Возможно, без сознания или беспомощна. Ей удалось интуитивно создать астральную проекцию и отправить ее сюда. Ее магический потенциал пока не до конца раскрыт, поэтому поток недостаточно силен. Проекция получилась слабой, я воспринимаю ее, потому что я темный. И даже когда я не использую темную магию, мой светлый поток фокусируется легче, поэтому я более восприимчив.

Ректор несколько секунд переваривал его слова, а потом медленно кивнул.

— Что ж, версия не хуже других. Правда, я сомневаюсь, что умение создавать астральную проекцию входит в программу спецкурса. Интуитивное создание проекции — редкое явление.

— А Таня — редкая девушка, — заметил Норман без тени смущения.

При других обстоятельствах, услышав такое из его уст, я бы обязательно покраснела как рак. Сейчас же я не почувствовала даже учащения сердцебиения. Видимо, астральные проекции не испытывают подобных проблем.

— Да, я заметил, что ты так считаешь, — хмыкнул ректор.

— Предвидение — еще более редкий дар, — Норман едва заметно поморщился: очередной намек ректора ему не понравился. — У меня есть и другие причины считать, что в ней есть что-то особенное, но эти причины не романтического характера.

А вот разочарование астральные проекции испытывать умели, как выяснилось. Мои плечи, наверное, снова заметно поникли после этих слов. Я попыталась напомнить себе, что в мои планы на жизнь не входил роман с преподавателем магического университета, который по возрасту был ближе к моим родителям, чем ко мне, но разочарование все равно никуда не делось.

— Раз ты сидишь тут, а не бежишь ее спасать, я так понимаю, ты не можешь ее найти, несмотря на перстень?

— Увы. Не понимаю, что не так.

— Все ты понимаешь, просто верить не хочешь, — мрачно пробормотал ректор. Очень мне не понравилось это его замечание. — А сама Таня что говорит?

Норман посмотрел на меня, словно надеялся, что я сообщу ему нечто новое, но я только покачала головой и пожала плечами.

— Она ничего не помнит. Даже того, что была на вечеринке.

— И что ты собираешься делать?

— Вообще-то я надеялся, что ты мне что-нибудь подскажешь, — заметил Норман, нахмурившись.

Ректор не успел ничего ответить: после формального стука, дверь в его кабинет распахнулась и в него влетел мой родной отец. Судя по скорости, с которой он появился в Орте, он уже искал меня на той стороне портала. На секунду я так обрадовалась, что вскочила с кресла и едва не бросилась ему на шею. Остановил меня его встревоженный вопрос:

— Где моя дочь? Вам уже что-нибудь удалось выяснить?

У меня тут же опустились руки: он тоже меня не видел. Как и остальные. Наверное, Норман прав и дело в том, что он темный маг.

— То, что нам удалось выяснить, вам не очень понравится, господин Ларин, — со вздохом ответил ректор. — Простите, я не знаю, как вас звали до ухода за Занавесь.

— Это не имеет значения, — отмахнулся папа. Еще бы, если верить Норману, его в этом мире считают погибшим. Как и меня. — Лучше расскажите, что вам уже известно.

— Вы присаживайтесь, — ректор сделал приглашающий жест в сторону кресла, в котором еще недавно сидела я. Он, видимо, про это тоже вспомнил и с сомнением посмотрел на Нормана. — Или там все еще сидит Таня?

— Нет, она встала, — очень ровным тоном ответил тот, ни на кого не глядя.

— Что вы несете? — возмутился папа, переводя взгляд с Нормана на ректора и обратно. Садиться он, конечно, не стал.

Норман то ли из уважения, то ли ради собственного удобства тоже поднялся на ноги и повернулся к нему.

— Ваша дочь сейчас здесь, но не во плоти, а в виде, как мы предполагаем, астральной проекции. Возможно, ее похитили или с ней случилось какое-то другое несчастье. Я предполагаю, что с помощью этой проекции она пытается дать знак, где ее искать. К сожалению, сама она при этом ничего не помнит...

— Что за чушь вы несете? — непочтительно перебил его папа. — Вы вообще кто?

— Ян Норман, преподаватель Темных ритуалов и заклятий. Ваша дочь занимается у меня в рамках специализации.

— А, я вас знаю, — почему-то голос отца прозвучал зло. — Вы дали ей перстень, она упоминала.

— Да, все верно, — сдержанно согласился Норман, наверняка заметив недовольный тон.

— Вот у меня и появилась возможность поинтересоваться: вы считаете нормальными подобные одолжения студенткам?

Я поняла, что сейчас начнутся разборки. Странно, но первые несколько месяцев папа спокойно относился к перстню. Только после того, как подарил мне другой фокусирующий артефакт стал активно настаивать на том, чтобы я его вернула, всячески давая понять, что я и б рать-то его была не должна. Как будто у меня были альтернативы!

— Я считаю ненормальным отправлять дочь в университет магического мира, не вручив ей то, без чего она не сможет в нем учиться, — холодно заметил Норман. И я была с ним согласна.

— А артефакта попроче у вас не нашлось, да? — не успокаивался папа.

Норман снова стиснул зубы, кажется, начиная злиться. Глупо было надеяться, что они подружатся.

— Что было, то и дал. Не понимаю, какие у вас могут быть претензии? Особенно сейчас, когда ваша дочь пропала и, возможно, находится в смертельной опасности!

— Вот, кстати, объясните мне, как так произошло? — папа снова повысил голос. — Что у вас тут за бардак?

— Господин Ларин... — попытался вмешаться ректор, но Норман его перебил, тоже начиная говорить громче и жестче:

— Нет, это вы объясните, почему вашу дочь неприятности так и преследуют?

Я тут же активно замахала руками.

— Ян, пожалуйста, не рассказывайте ему все, они же меня потом сюда больше не пустят!

Но он, кажется, меня не услышал. Они с отцом стояли лицом к лицу, сверлили друг друга гневными взглядами — кто кого переглядит — и бросались взаимными обвинениями. Двое самых важных мужчин в моей жизни кричали друг на друга, совершенно забыв обо мне.

Я не могла это слушать. Не могла и не хотела. А потому в следующее мгновение оказалась в корпусе общежития посреди тишины общей гостиной спецкурса.

* * *

В первую секунду я вновь испытала шок от такого стремительного перемещения. Потом напомнила себе, что для астральной проекции это нормально. Я собиралась придерживаться версии Нормана о том, почему я такая вся бесплотная, потому что версия ректора мне категорически не нравилась.

Пустая гостиная, в которой не горел ни один световой шар, выглядела непривычно, но неожиданно уютно. Я прошлась между кресел и диванчиков, замечая, что за окном уже тоже начинает темнеть. Потом села в мое самое любимое кресло, которое стояло в углу. Его любили многие, поэтому посидеть в нем мне удавалось нечасто.

Я подумала, что это странно: ни одну дверь я открыть не могу, спокойно могу пройти сквозь любое из этих кресел, но когда сажусь, никуда не проваливаюсь. Но и кресла под собой как такового не чувствую. И оно не продавливается под моим весом, потому что у меня и веса-то никакого нет. Погладив ручку ладонью, я убедилась, что и шероховатой поверхности обивки тоже не ощущаю.

Не чувствовала я и прикосновения рук друг к другу, а вот перстень на пальце почему-то ощущала. Интересно, почему? Продолжая исследовать свое состояние, я принялась, пытаясь уловить знакомые запахи общежития, но ощутила только слабый запах хвои. Он не принадлежал общежитию, и я не понимала, откуда он взялся. Был еще какой-то незнакомый запах, но я не могла его ни с чем проассоциировать.

Я оглянулась по сторонам, мысленно переносясь во вчерашний день. Точнее, пытаюсь перенестись. Я помнила разговор с Норманом, но только до определенного момента. Я спросила, почему он меня защищает, а он ответил, что для него это искупление. Искупление чего? Что он такого сделал, в чем винит себя и в чем может перестать чувствовать свою вину, если поможет мне? Относится ли это к чему-то, что он сделал уже как Ян Норман, или он преследует его еще с тех пор, как он был Нордом Сорроу? Надо будет все-таки как-нибудь

спросить у него, как ему удалось так хорошо сохраниться за пять веков.

Мысли уплыли куда-то не туда, пришлось тряхнуть головой, чтобы снова повернуть мозги в нужную сторону.

Итак, Норман сказал, что помощь мне воспринимает как искупление. А что было дальше? Я закрыла глаза, воскрешая в памяти тот момент. Мы стояли друг напротив друга, очень близко. Он только что снова надел мне на палец перстень, а потом сжал руку в своих ладонях. Они были теплыми, кожа — немного грубой. От кожи бывшего короля ожидаешь большей мягкости. Вот только король был еще и воином, привыкшим держать в руках тяжелый меч. В сильных руках...

Пришлось тряхнуть головой еще раз. Я разозлилась на себя. Сколько можно уже? Я ведь всегда умела контролировать собственные мысли и эмоции, мысли о мужчинах... ну, или мальчиках никогда не затмевали собой все на свете. Почему сейчас, когда мне так надо сосредоточиться на спасении своей жизни, я не могу перестать думать о Яне Нормане и его руках?

Что же все-таки было дальше?

— *Искупление?* — я продолжала смотреть в серые глаза, будучи не в силах отвести от них взгляд. — *Что вы имеете в виду?*

— *Однажды ты сама все поймешь,* — он улыбнулся и выпустил мою руку. — *Но сейчас не время и не место для этого разговора. Пока, пожалуйста, будь осторожна. И носи перстень.*

— *Почему вы не можете просто сказать мне правду? Всю правду — не сдавалась я. Он пожал плечами.*

— *Может быть, я просто стыжусь ее? Не обо всем можно говорить с собственной студенткой.*

Я открыла глаза, чувствуя, что начала замерзать. Как будто уснула у открытого окна. Но зато хотя бы немного продвинулась в восстановлении воспоминаний. После этих его слов я смутилась, скомкано попрощалась до следующего семестра и ушла.

А что было потом? Очевидно, я вернулась в комнату, переоделась для вечеринки, потом какое-то время веселилась на ней.

Веселилась ли? Или сидела в углу, переваривая слова Нормана? Или делала вид, что веселюсь, а сама переваривала?

Я снова закрыла глаза, пытаюсь представить себя в этой гостиной и надеюсь на новое озарение. Однако в этот раз что-то пошло не так, я провалилась куда-то не туда.

В богато украшенном зале передо мной стоял красивый светловолосый мужчина. Его лицо перекосило от ужаса, он испуганно пятился назад, а над нами гремел незнакомый женский голос:

— *Пока я существую, ни ты, ни твой род никогда не будете править этим миром...*

Я резко вдохнула, снова чувствуя себя заледеневшей, распахнула глаза и подскочила на ноги. Это еще что такое было? Точно не мои воспоминания. Это же не могут быть мои воспоминания?

Почему мне становится холодно каждый раз, как удастся что-то вспомнить? Ну, или не вспомнить, а *увидеть*. Ответа на этот вопрос я не знала, но через какое-то время решила снова закрыть глаза и попробовать погрузиться в воспоминания.

На этот раз в голове промелькнуло всего несколько «кадров».

Хильда рассмеялась, и я попыталась улыбнуться, чтобы как-то поддержать ее

веселье, но все мысли крутились вокруг предупреждения Нормана, иногда сбиваясь на его последние слова. В гостиной было слишком жарко и невыносимо шумно. Я поднесла к губам стакан с каким-то сладким напитком. После событий Бала Развоплощенных вина мне не хотелось, поэтому я выбрала какой-то местный лимонад. У лимонада были незнакомые запахи и вкус, что-то фруктовое, наверное, местная экзотика...

Стоп! Я снова разомкнула веки, соединяя в голове сразу несколько точек. Мороженное, которое я ела в компании Нота, и лимонад, который пила на вечеринке, были сделаны из одного и того же фрукта. И именно этот запах я чувствовала несколько минут назад, когда принималась. Почему я чувствовала этот запах сейчас, ведь никакого лимонада поблизости нет?

Однако этот вопрос быстро забылся под натиском еще одного воспоминания: спасаясь от жары забитой до предела гостиной, я вышла на лестницу, села прямо на ступеньки. Вместе с этим лимонадом? Да, я держала в руках большой стакан, наполненный почти до краев.

И потом я увидела поднимающегося по лестнице Нота.

Я не помнила, что произошло дальше. Разговаривал ли он со мной или просто прошел мимо. Не помнила, куда он шел и зачем, если вообще успела это узнать. Но это не имело значения.

Он сказал профессору Карр, что не видел меня после утреннего занятия. Почему он так ей сказал?

Я не знала причин, но это выглядело как зацепка, с которой я могла пойти к Норману. Оставалось надеяться, что они с папой не подрались, пока я работала над воспоминаниями в гостиной спецкурса.

Через секунду меня перенесло обратно в кабинет ректора. Однако Нормана тут уже не было, остались только ректор и мой отец. И никто из них, конечно, меня по-прежнему не видел.

— Владимир, вы простите профессора Нормана. Он порой бывает чрезмерно эмоционален.

Папа сидел в кресле, в котором до этого села я, сильно хмурясь и стараясь унять дрожь в руках. Слова ректора вызвали у него недобрую ухмылку.

— Можно подумать, у него дочь пропала, а не у меня.

— Норман по-своему привязан к Тане. После того случая в подземельях...

Отец шумно вздохнул и разочарованно покачал головой.

— Не могу поверить, что она нам ничего не сказала. Если бы сказала, возможно, сейчас бы была дома, в безопасности.

— Вероятно, именно этого она и боялась, — пожал плечами ректор.

— Вы найдете ее?

— Норман ее найдет, — уверенно заявил ректор. — Так или иначе. Он упрям и не умеет сдаваться. Даже если только ее тело, все равно найдет.

Папа вздрогнул, с силой стиснул зубы и посмотрел на ректора.

— Думаете, ее уже нет?

— Все на это указывает. Норман не хочет верить, поэтому убедил себя в истории с астральной проекцией. Но вам, я думаю, стоит быть готовым к худшему.

— Как же так... — убитым голосом пробормотал папа. — Неужели все было впустую? Это несправедливо. Все не может так закончиться.

— Справедливости не существует, господин Ларин. Я боюсь, все уже закончилось.

Эти слова прозвучали как приговор. Все уже закончилось. Так зачем же я до сих пор тут? Мне хотелось заплакать, но я не могла: проекции, видимо, не плачут.

Как и почему я снова оказалась в гостиной Нормана, сама толком не поняла. После слов ректора у меня опустились руки. Стало очень жалко родителей. А себя — еще больше. В голове скакали мысли на тему: «Как же так? А как же все мои планы?» В глубине души я понимала, что люди умирают, несмотря ни на какие планы. В любом возрасте. И часто совершенно внезапно, когда кажется, что ничто не предвещало. И все же я никогда не думала, что смерть оставляет так много времени для сожалений.

Наверное, в том, что я снова оказалась здесь, был некоторый смысл. С самого начала моего обучения в Орте Норман стал тем человеком, который помогал мне в сложных ситуациях, принося с собой покой и уверенность в том, что все разрешится. С того самого дня, как студенты спецкурса впервые полезли к нам в коридоре, а Марек Кролл зажал меня у стены. Норман всегда появлялся в нужный момент, чтобы спасти меня. Поговорить со мной. Вселить в меня надежду и уверенность в себе. Это могло быть что-то мелкое вроде комплимента на Приветственном балу. Или что-то очень значимое, вроде спасения моей жизни. Каждое мгновение отчаяния заканчивалось тем, что он помогал мне. Последние несколько месяцев мои мысли были наполнены им даже тогда, когда я верила навету Ротта. Вполне логично, что сейчас я явилась искать утешение в его комнаты. И пусть его самого тут не оказалось, им была пропитана вся гостиная. Оставалось только пожалеть, что я не чувствую ни прикосновений, ни запахов и не могу обнять его подушку и вообразить, что обнимаю его.

Я прошлась по комнате, села на диван, на котором он лежал, когда я появилась тут впервые. Наконец я могла разглядеть книгу, которую он читал. Меня тут же разобрал смех, несмотря на всю трагичность ситуации. Профессор Норман читал Гарри Поттера. Гарри, мать его, Поттера читал бывший властитель королевства Рейвен, первый канцлер Первой Республики, преподаватель Темных ритуалов и заклятий в настоящем магическом университете.

— Я очень рад, что вам весело, госпожа Ларина, — раздалось у меня за спиной.

Голова как-то сама собой втянулась в плечи, я снова почувствовала себя пойманной на чем-то недостойном. Я не обернулась на голос только потому, что мне стало стыдно встречаться с Норманом взглядом.

— Я ищу вас по всей Орте. Что вы делаете в моей гостиной?

Он подошел к дивану и грозно навис надо мной, скрестив руки на груди. Странно, ректору удалось убедить меня в том, что я умерла, но почему-то мне все равно было неловко за это вторжение. Разве так бывает?

— Страдаю, — честно ответила я, не глядя на него.

— Вот как? — в его голосе отчетливо слышалось удивление. Он неожиданно сел рядом со мной. — По какому поводу?

— А вам кажется, что у меня нет повода? — возмутилась я, наконец посмотрев на него.

— Мне кажется, что у вас нет на это времени.

— Ректор считает, что все уже кончено, — тихо заметила я, разглядывая его лицо. У него первый шок и растерянность уже прошли. Он снова выглядел собранным и уверенным в себе, спокойным. Если бы не легкая щетина, я бы сказала, что он выглядит как обычно. — Я появилась в его кабинете, искала вас. А он как раз говорил моему папе, что ему стоит

готовиться к худшему. Что ваша теория с астральной проекцией — это просто от нежелания поверить в очевидное.

— Ректору Реду не мешало бы хоть иногда думать, что он говорит, — недовольно процедил Норман.

— Мне он показался убедительным, — я перевела взгляд на огонь в камине. Слова ректора так и звучали у меня в голове, лишая всякой надежды.

— Таня, послушайте меня, — настойчиво потребовал Норман. — Забудьте, что сказал ректор. Никогда не смейте сдаваться только потому, что остальные вас уже похоронили. Боритесь за себя до конца. Если бы все было кончено, вас бы здесь не было. Но вы здесь, вы говорите со мной, я слышу вас. Это что-то значит. Это шанс. Пусть он мизерный. Пусть никто из нас толком не понимает, что произошло. Пытайтесь использовать все возможности, которые вам даются. Не тратьте время на то, чтобы жалеть себя.

Его голос звучал жестко, как отповедь. Было обидно. И стыдно. Стыдно за то, что ему опять приходится объяснять мне такие простые вещи. Всего несколько слов — простых и понятных, до которых я могла бы додуматься и сама, — а мое настроение тут же изменилось. Может быть, перепады настроения в моем состоянии — это нормально?

— Как вам это удается?

— Что?

— Вдохновлять меня, — я снова посмотрела на него. — Каждый раз, когда мне кажется, что все ужасно и у меня нет сил с этим бороться, приходите вы и вставляете мне мозги на место. И заражаете оптимизмом. Заставляете устыдиться собственной слабости.

— Вам нечего стыдиться, Таня, — возразил он уже мягче. На его губах снова появилась едва заметная улыбка, которую я успела полюбить. — Вы ведь до сих пор жили в покое и комфорте, окруженная заботой и любовью родителей, с вами никогда не происходило ничего из ряда вон выходящего. Никогда не случалось ничего плохого. Ведь так?

Он дождался моего кивка и продолжил:

— А потом вы попали в Орту, и все пошло наперекосяк. Жизнь начала подсовывать вам испытания — одно сложнее другого. Не удивительно, что вы порой впадаете в отчаяние. Это нормально. Это не стыдно. Главное, что каждый раз вы находите, чем вдохновиться... Ну, или кем вдохновиться. Вы решаете проблему. Пусть с моей помощью, но вы справляетесь. Каждый раз становитесь чуточку сильнее. Так и закаляется характер.

— Думаете, однажды он станет таким же закаленным, как у вас? — я улыбнулась ему, чувствуя себя уже намного лучше, увереннее.

— Я бы вам не пожелал этого, — он покачал головой. Его улыбка стала немного грустной. — Мой характер начали закалять слишком рано. Вы обязательно станете сильнее, но вы все же еще совсем юная девушка. Нежность и хрупкость вам к лицу. Не потеряйте их в процессе. Пусть по-настоящему сильным будет мужчина, которого вы выберете в спутники жизни.

Несмотря на то, что я была всего лишь бесплотным существом, у меня вдруг перехватило дыхание от его слов, а еще больше от тона, которым они были сказаны. Хотелось прямо здесь и сейчас, не сходя с места, заявить ему прямо в лицо, что я уже выбрала себе такого мужчину. Вот прямо сейчас и решила окончательно. Если бы только он смог увидеть во мне нечто большее, чем просто бедовую студентку. Но, конечно, я не стала этого говорить. Постаралась сохранить улыбку и изобразить легкий тон, когда предложила:

— Тогда в следующий раз, прежде чем толкать речь, которая закалит мой характер,

потратьте хотя бы пятнадцать секунд на то, чтобы пожалеть нежную, хрупкую девочку.

— Я обязательно это сделаю. Приду, пожалею вас, подержу за руку, — пообещал он. — Но потом. Когда вы будете в безопасности. И во плоти.

Я склонила голову набок, потакая внезапно проснувшейся игривости. Ведь пока я была в этом подвешенном состоянии, я могла позволить себе немного больше, чем обычно. Потом всегда смогу сделать вид, что ничего не помню.

— И на плече поплакать разрешите?

— Если очень хорошо попросите. И если будете умницей и поможете мне найти вас.

— Да, я же шла вам сказать, — я едва не подпрыгнула на месте, вспомнив, что у меня есть зацепка. — Я кое-что вспомнила.

Он театрально закатил глаза и тяжело вздохнул.

— Нет, ну вы посмотрите на нее! Страдать она тут собралась. Выкладывайте.

Я рассказала ему о том, как копалась в собственных воспоминаниях, сидя в гостиной, и что именно мне удалось вспомнить. Не стала упоминать только про ощущения и запахи, сочтя это не самой важной информацией. Станным посторонним видением с мужчиной и угрожающим женским голосом Норман не заинтересовался. Зато когда я сказала про Нота, он выразительно посмотрел на меня.

— Только не говорите, что после всех своих приключений вы снова куда-то пошли с этим... с Нотом.

— Между прочим, в прошлый раз Нот был ни при чем, — обиженно напомнила я. Норман только раздраженно фыркнул в ответ. — Но тем не менее, профессору Карр он сказал, что не видел меня после утреннего занятия. Не понимаю, почему он соврал.

— А мы сейчас пойдем и спросим у него, — с ощутимой угрозой пообещал Норман, собираясь встать.

— Он отправился в Аларию, — поспешила сообщить я, поскольку физически удержать его не могла.

Впрочем, словами тоже не получилось. Норман все равно встал.

— Возможно, он уже вернулся. Вы идете?

— Да, — я тоже поднялась, но остановилась, не в силах противостоять искушению.

— Профессор Норман... Ян!

Он обернулся, вопросительно глядя на меня, а меня распирала самая искренняя на свете улыбка.

— Вы читаете Гарри Поттера.

Это не было вопросом, просто констатацией факта. Он на мгновение перевел взгляд на книгу, потом снова на меня.

— Я знаю.

— Почему? Это же глупое детское фэнтези.

— Во-первых, не вижу в нем ничего глупого, — оскорбился Норман. — Во-вторых, люблю книги вашего мира, фантазирующие на тему магии. Они очень... забавные. Такая вот у меня слабость. Как и арахис в карамели, — он кивнул на мисочку, стоящую рядом с книгой.

— Ничто человеческое вам не чуждо, — пробормотала я, в который раз попадая под гипнотическое воздействие его взгляда.

— Вы даже представить себе не можете, насколько сейчас правы, — неожиданно серьезно согласился он.

Нот действительно успел вернуться. Судя по тому, что на стук Нормана дверь он открыл в той же одежде, в которой я видела его ранее в холле, вернулся он недавно. Не дожидаясь приглашения, Норман уверенно прошел в гостиную, а я незаметно просочилась за ним.

— Ян, какой сюрприз, — голос Нота прозвучал грубой пародией на вежливость и гостеприимство. — Проходи, располагайся. Могу тебе что-нибудь предложить?

— Лучше расскажи мне, чем закончилась твоя вчерашняя встреча с Лариной, — строго потребовал Норман, окидывая гостиную беглым взглядом и поворачиваясь к ее хозяину. Руки он как обычно сцепил за спиной.

— Я ее вчера видел только на занятиях, я уже говорил Ириде, — Нот расслабленно пожал плечами, засовывая руки в карманы брюк. Он спокойно подошел к своему гостю ближе, выглядя уверенно и немного нагло.

— Ложь, — лаконично констатировал Норман. — Ты был в корпусе общежития накануне вечером, во время вечеринки студентов спецкурса. Столкнулся с ней на лестнице.

По лицу Нота пробежала едва заметная тень.

— Откуда такая информация? — поинтересовался он.

— Один из студентов спецкурса видел, как вы разговаривали, — глазом не моргнув, солгал Норман. Похоже, он не хотел афишировать перед Нотам, что может общаться со мной. — И это последнее, что известно о ней. Я хочу знать, что было дальше.

— А тебе поручили ее поиски? — удивился Нот, а потом неприятно ухмыльнулся. — Или ты сам вызвался?

— Что было дальше? — спокойно переспросил Норман, игнорируя ужимки коллеги.

— А я не обязан тебе ничего рассказывать.

— Не заговоришь сам, я заставлю тебя заговорить.

— О, неужели, — Нот рассмеялся. — Интересно как?

Вместо ответа Норман стремительно выбросил руку вперед, посылая в Нота ударный импульс. Это было относительно безопасное боевое заклятие, мы его проходили. В моей личной классификации оно входило в группу «сражение на уровне мордобоя».

Нот выставил щит и отразил заклятие.

— Ты надо мной смеешься? — поддразнил он. — Я преподаю боевую магию, ты забыл?

Норман не удостоил его ответом. Он снова выбросил руку вперед. Один раз, другой, третий. Удар следовал за ударом. Так стремительно, что я не успевала их осознать. Огненный шар сменился ледяным потоком, а за ними снова последовал ударный импульс, который неожиданно пробил щит Нота и отбросил его к стене. Я успела только испуганно ойкнуть, как Норман применил захват: заклятие, тугими тисками сжимающее противника. В данном случае оно было нацелено на горло Нота. Он тут же захрипел.

— Я повторяю еще раз свой вопрос: что было дальше? — делая ударение чуть пи не на каждом слове, отрывисто произнес Норман.

— Пусти, сволочь, — прохрипел Нот. — Убьешь...

Норман, словно опомнившись, чуть ослабил хватку, но не отпустил его. Нот перестал хрипеть и задыхаться и теперь мог говорить.

— Я просто спросил, как у нее дела. Она была вся в расстроенных чувствах. Я ее немного развеселил. Мы посмеялись, пофлиртовали. Я спросил, почему она не на вечеринке,

она объяснила, что устала от шума и жары. Я пригласил ее в свой кабинет, сказал, что у меня действительно есть кофе, как ей и обещали в той злополучной записке. Она рассмеялась, сказала, что больше она на кофе не покупается, но я ее уболтал.

Норман опустил руку, освобождая Нота от захвата. Тот облегченно вдохнул полной грудью и потер горло, недовольно глядя на него.

— Интересно, как ты ее *уболтал*? — в голосе Нормана мне почудилось недоверие.

— Ой, да это не так сложно, как тебе кажется. Особенно с девочками со спецкурса, — Нот снова мерзко усмехнулся. — Ты думаешь, у меня какие-то секретные техники по обольщению? Да ничего подобного! Молодые девушки сами ищут развлечений. И любой опытный мужчина, который достаточно хорош собой, им годится. Почему я так легко их соблазняю? Да потому что они сами заранее готовы соблазниться. Вот и весь секрет, Ян. И расчудесная Таня твоя, о которой ты так печешься, точно такая же, как и остальные. Ей точно так же льстило мое внимание, как и остальным. Хотя не спорю, захоти ты взять ее первым, она дала бы тебе.

От такой наглости я потеряла дар речи, а Норман на этот раз даже не стал утруждать себя магией: просто ударил Нота кулаком. Одним быстрым, четким движением.

Нот вскрикнул от неожиданности. От удара из носа у него потекла кровь, но он не разозлился, а только рассмеялся.

— Это у тебя от длительного воздержания крышу сносит или ты все-таки имел на нее планы? Ну извини, друг, опоздал. Знал бы, позвал бы тебя к нам присоединиться. Хотя... Вряд ли ты стал бы делить со мной женщину, да? Ты же у нас считаешь себя лучше всех. Ходишь тут с лицом наследного принца. Думаешь, остальные — просто грязь у тебя под ногтями.

Норман молчал, но я слышала, что дыхание его стало более глубоким и частым: он злился. Злился и отчаянно старался это скрыть. А я настолько растерялась, что не знала, как поступить. Я не понимала, зачем Нот все это говорит, ведь ничего из его слов не могло быть правдой.

Нот же тем временем подошел к зеркалу, висящему в углу, осмотрел в нем нос, а потом провел по нему рукой, убирая кровь и останавливая кровотечение.

— Что было дальше? — упрямо поинтересовался Норман, как только смог совладать с голосом.

— Дальше? Как и обещал, угостил ее кофе. С коньяком. Она расслабилась и еще больше раскрепостилась. А дальше сам додумай. Я не настолько люблю хвастаться своими победами, чтобы рассказывать тебе все в деталях.

— Почему ты соврал Ириде?

— Потому что у меня не было желания обо всем этом распространяться. Мы же все пока делаем вид, что в нашем университете преподавателям запрещено спать со студентками.

— Как долго она пробыла у тебя?

Мне не нравились эти вопросы Нормана, а еще больше не нравился тон, которым он их задавал. Холодный, отстраненный. И на меня ни разу не взглянул. А я могла только беззвучно качать головой, отрицая все, что говорил Нот. Не была я с ним. Я даже не помнила, чтобы пила с ним кофе, а все остальное и вовсе не могло быть правдой. Ни при каких обстоятельствах.

А вот Норман, похоже, ему верил.

— Да я не помню. Но до утра не оставалась. Ушла посреди ночи. Была в тот момент цела и невредима. И вполне довольна.

— Ты не проводил ее до общежития? — в тоне Нормана промелькнуло возмущение.

— Я предлагал ей остаться, но она почему-то очень хотела к себе в комнату. Я не настолько рыцарь, чтобы посреди ночи одеваться и тащиться на заснеженную улицу.

Норман брезгливо скривился, а Нот самодовольно усмехнулся. Ему явно нравилась реакция коллеги на этот рассказ. Он снова подошел ближе, рискуя нарваться на еще один удар.

— Сочувствую, Ян. Кажется, я разрушил светлый образ, к которому ты успел привязаться? Не расстраивайся. Она и до меня девочкой не была.

Норман посмотрел на него волком, а потом с тихой яростью в голосе пообещал:

— Имей в виду, Нот, если я узнаю — а если это было так, я узнаю — что в эту ночь ты прикоснулся к ней против ее воли или воспользовавшись ее состоянием после своего коньяка, я тебя в порошок сотру.

— Валяй, Ян. Я тебя не боюсь. Все было исключительно по обоюдному согласию.

— Да он все врет! Не было ничего! — у меня наконец прорезался голос.

Однако Нот меня, естественно, не услышал, а Норман едва повернул голову в мою сторону, но так и не посмотрел на меня. Просто молча направился к двери, а потом с силой ее за собой захлопнул. Мне пришлось опять проходить насквозь.

Я чувствовала себя вывалянной в грязи. Внутри все клокотало от злости, обиды и чувства беспомощности. Норман шел так быстро, что мне удалось догнать его только у лестницы, на приличном расстоянии от комнат Нота. Я звала его и раньше, но он то ли не слышал меня, то ли игнорировал.

— Ян, да постойте же вы! — очередной раз потребовала я. — Послушайте меня хотя бы пять секунд. Нот все врет. Я не знаю, зачем ему это, но он врет!

Норман наконец остановился, но ко мне не обернулся. Я тоже замерла на месте, как вкопанная, почему-то боясь увидеть его лицо.

— Госпожа Ларина, меня не касаются ваши отношения с Вильямом Нотом, — отрезал Норман, так и стоя ко мне спиной.

Мне захотелось заколотить по его спине кулаками. Зачем снова этот официоз? Зачем холод в тоне? Я понимала, что он злится. После всех его предупреждений и убеждений я, как он считал, все же упала в объятия местного ловеласа. Уж не знаю, почему его это так бесило. Может быть, потому что, по словам профессора Карр, он был очень щепетилен в этих вопросах. Или его воспитание требовало от девушки более осмотрительного поведения. Не стоит забывать, что он родился и вырос больше пятисот лет назад. Магический мир и так заметно отставал от обычного в плане свободы нравов, а как дела обстояли пять веков назад, я вообще слабо себе представляла. Я не собиралась извиняться перед ним за то, что было в моей жизни, но брать на себя лишние «грехи» тоже не хотела.

— Послушайте меня, — настойчиво попросила я, чувствуя, что голос дрожит от непролитых слез. Наверное, будь я во плоти, уже рыдала бы от несправедливости происходящего. — Посмотрите на меня. Я не спала с Нотом. Поверьте мне.

Он резко повернулся ко мне, и я наконец увидела его лицо. И внезапно поняла, что он не злится. Я все еще не могла определить, какое именно чувство заставляло его убегать от меня, как от рогатого демона, но это определенно была не злость. Обида? Разочарование?

— Мне плевать, спали вы с ним или нет, — он попытался сказать это спокойно, но не

справился с голосом. — Как вы верно заметили однажды, я вам не отец, чтобы следить за вашей нравственностью. Я вам не муж и даже не любовник, чтобы требовать верности. Я вам никто. Вы не обязаны отчитываться передо мной. Не обязаны оправдываться. С кем вы проводите свободное время и что делаете в его обществе, меня никоим образом не касается.

И тут меня осенило. Я поняла, какое чувство сейчас плескалось в его глазах. Не обида и не разочарование, а ревность. Обыкновенная мужская ревность, которой он то ли стеснялся, то ли боялся, не давала ему снова прийти в спокойное, невозмутимое состояние.

Это открытие вызвало у меня противоречивые чувства. То, что он меня ревнует, означало, что какие-то романтические чувства ко мне у него все-таки есть, хоть он это и отрицает. И это вселяло надежду, пусть я пока и не очень понимала, на что, собственно, хочу надеяться. В то же время ревность всегда считалась плохим советчиком. А мне сейчас было нужно, чтобы Норман сохранял трезвый ум.

— Вижу я, как вам наплевать, — я постаралась сказать это спокойно. — Если вы такой, когда вам наплевать, страшно представить, что происходит, если вам не наплевать.

Я неуверенно улыбнулась ему, надеясь, что его спокойная натура возобладает. И оказалась права: он глубоко вдохнул, медленно выдохнул, смущенно потер лоб рукой, словно прогоняя из головы лишние мысли. Через пару секунд передо мной снова стоял невозмутимый профессор Норман, готовый к конструктивному общению.

— Простите мне мою вспышку, — виновато попросил он. — Я не имел на нее права. А вы действительно не обязаны мне ничего объяснять. И оправдываться тоже.

— Я знаю, — заверила я его с нажимом. — Ян, послушайте, если бы все это было правдой, я бы вам так и сказала. Честно. Но между нами ничего не было. Он врет и надс понять, почему и зачем он это делает.

— Зачем он это сделал, как раз понятно, — Норман вздохнул и поморщился. — Он хотел вывести меня из себя, что ему прекрасно удалось. Вопрос только в том, хотел ли он меня разозлить из-за нашей давней взаимной неприязни или чтобы помешать моим поискам.

— Интересно, как он собирается потом оправдываться?

Норман так посмотрел на меня, что мне стало не по себе.

— Думаете, он уверен, что ему не придется? Что я уже никогда его слова не опровергну?

— Вероятно, — Норман мрачно кивнул. Немного помолчав, он поинтересовался: — Почему вы так уверены, что он врет? Вы вспомнили что-то еще?

— Немного, — призналась я. — Я помню, что мы действительно какое-то время сидели вместе на ступеньках, разговаривали. Ему и правда удалось развеселить меня...

— Конечно, он же такой забавный, — раздраженно процедил Норман. В его тоне снова прорывались ревнивые нотки.

Я улыбнулась и покачала головой. Наверное, именно эта ревность, которую он все пытался, но никак не мог скрыть, побудила меня сказать:

— Знаете, Ян, я бы тоже предпочла, чтобы вчера со мной на той лестнице сидели вы. Чтобы вы разговаривали со мной. У вас бы куда лучше получилось меня успокоить и развеселить. Я уже не говорю про то, что ваше приглашение на кофе я бы точно не отвергла. Даже если бы вы пригласили меня на прокисшее молоко, я бы все равно пошла с вами. Но у вас же *принципы*. Вы спокойно дарите девушке для защиты артефакт, который стоит целое состояние, готовы ради нее сражаться с монстрами, даже умереть, но потом... — я слишком разволновалась, и голос в конце концов меня подвел. — Потом вы просто делаете вид, что

ничего не произошло. И избегаете лишних встреч. Вывалив на мою голову правду о том, кто я, вы клянетесь защитить, объясняете это каким-то непонятым искуплением — и все! И теперь вы злитесь на меня за то, что я разговаривала с Нотам и смеялась над его шутками? А какой у меня был выбор? От вас-то *приглашения на кофе* не дождешься.

Я наконец заставила себя заткнуться, понимая, что несколько перегнула палку. На лице Нормана раздражение уже давно сменилось удивлением. И даже после того, как я замолчала, он не сразу нашел, что сказать.

— Знаете, кофе противопоказан магам, — заметил он после продолжительного молчания. — Дестабилизирует магический поток.

— Господи, Ян, да причем здесь вообще кофе?

Кажется, это замечание окончательно сбило его с толку. Он тряхнул головой, на мгновение прикрыв глаза, а потом решил, что пора бы уже вернуться к более важным вопросам, а этот оставить на потом.

— Ладно, с кофе потом разберемся. Что было дальше? Вы разговаривали с Нотам, нечем на самом деле закончился ваш разговор?

— Не знаю, — вынуждена была признаться я. — Дальше ничего не помню, но точно знаю, что я никуда с ним не ходила и между нами ничего не было.

Он смотрел на меня со смесью надежды и сомнения. Сомнение, к сожалению, побеждало.

— Как вы можете это знать, если вы не помните?

Я открыла рот, но тут же закрыла его. Как объяснить ему, что причина моей уверенности в нем самом? Я могла придерживаться сколько угодно свободных взглядов на отношения полов, стараясь соответствовать современным стандартам общества, в котором выросла, но спать с одним мужчиной, мечтая о другом, точно не стала бы.

Однако признаться в любви одному преподавателю, доказывая этим, что не спала с другим, я не могла. После такого признания я уже никогда не смогу смотреть ему в глаза, лучше уж мне тогда действительно оказаться мертвой. А намек в моей страстной тираде он, судя по всему, не уловил.

— Я это просто знаю, — как можно увереннее заявила я. — И если у вас есть ко мне хотя бы капля уважения, вы должны мне поверить.

На лице Нормана отразилась внутренняя борьба, но в конце концов он кивнул.

— Простите меня, Таня. Я действительно проявил к вам неуважение, безоговорочно поверив Ноту. Постарайтесь вспомнить что-нибудь еще. Может быть, вы вспомните, когда и куда пошли потом? Возможно, что-то случилось с вами, когда Нот ушел и вы остались в одиночестве.

Я снова прикрыла глаза, стараясь уловить за хвост ту пару вспышек, которые промелькнули у меня в голове во время разговора Нормана и Нота.

Мы сидим на лестнице, Нот что-то рассказывает, активно жестикулируя. В конце концов задевает стакан, который я держу, и лимонад выплескивается мне на джинсы.

— Простите, я увлекся, — смеется Нот.

— Ничего страшного, нас уже учили решать такие проблемы

Я ставлю стакан на ступеньку между нами и направляю магический поток на очищение и высушивание одежды. Нот снова протягивает мне лимонад, и я машинально делаю несколько больших глотков.

Нот начинает рассказывать другую историю, я наслаждаюсь его легким, веселым

тоном, но слова пропускаю мимо ушей. Мои мысли сейчас совсем в другом кабинете и с другим преподавателем. А голос Нота звучит все дальше и дальше...

— Таня! Таня, очнитесь!

Окрик Нормана вытащил меня из воспоминания. Я вновь ощутила ужасный холод и, кажется, даже задрожала, а потом открыла глаза. И обнаружила, что лежу на полу. Норман застыл надо мной в странной позе, как будто хотел меня поднять, но вспомнил, что не может ко мне прикоснуться. На его лице читался неподдельный ужас.

— Что случилось? — спросила я, садясь и стуча зубами от холода.

— Вы... упали, а потом... начали становиться прозрачной. Почти исчезли. Только когда пришли в себя, снова стали выглядеть по-прежнему. Что с вами было?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Каждый раз, когда пытаюсь вспомнить, со мной происходит это. Становится холодно, и я как будто проваливаюсь в сон. В остальное время я ничего не ощущаю: ни текстур, ни запахов.

— А в такие моменты? — уточнил Норман.

— Чувствую холод. И слышу запахи.

— Почему вы раньше мне этого не сказали? Какие запахи вы слышите?

— Свежести. Хвои. И какого-то фрукта, я его не знаю.

— Откуда вы знаете тогда, что это фрукт?

— Да я не уверена, — я нахмурилась. Его тон меня пугал. — Просто еще когда ела мороженое, подумала, что это какой-то фрукт.

— Мороженое? Какое еще мороженое?

— Ну... — я замаялась. — Помните, когда нас отправили в торговый центр для покупки платьев к Балу Развоплощенных? Нот пригласил меня в кафе и угостил мороженым.

По лицу Нормана снова пробежала тень. Я боялась, что он сейчас опять выйдет из себя, но он быстро справился с собственным недовольством.

— Помню.

— Так вот, там было такое мороженое, синенькое, — продолжила объяснять я. — Очень вкусное, но совершенно мне незнакомое. Я тогда подумала, что это какой-то местный фрукт. На вечеринке, кстати, я пила лимонад с таким же вкусом. И он тоже был синий. Я пролила его на себя, разговаривая с Нотом. Пока убирала пятно, стакан стоял на ступеньке между нами. Нот подал его мне, а потом... Ян, мне кажется, что никакого «потом» для меня уже не было.

Он разглядывал мое лицо, сосредоточенно хмурясь и как будто связывая в голове разрозненные факты. Когда он задал следующий вопрос, голос его звучал непривычно взволнованно:

— Таня, пожалуйста, постарайтесь вспомнить точно: вы полностью убрали пятно? Не может быть такого, что запах, который вы чувствуете, от этого пятна?

— Ян, на кой черт мне синее пятно на светлых джинсах? — я выразительно посмотрела на нежно-голубую ткань. — Учитывая, что за выведение пятен на бытовой магии я получила высший балл! Конечно, я свела пятно полностью!

— Хорошо, тогда еще один вопрос: темно-синий или светло-синий?

— Что?

— Мороженное и лимонад были темно-синего или светло-синего цвета?

— Скорее темно-синего. Это важно?

Он несколько секунд молчал, как будто боялся поверить самому себе, а потом

улыбнулся и кивнул.

— Очень. Потому что теперь я знаю, где вас искать.

* * *

— На самом деле это не фрукт, а ягоды, — на ходу объяснял мне Норман, периодически переходя с быстрого шага на бег.

Я семенила рядом, отчаянно жалея, что у меня не было времени научиться летать. Наверняка же можно летать, если ты бесплотна, а значит не имеешь ни массы, ни веса?

— Ягоды эти непростые, — продолжал Норман, уже выбегая на улицу через дверь, которой раньше я никогда не пользовалась. Что было неудивительно: мы оказались за стенами Орты. То есть там, куда студенты спецкурса выходить не имели права.

— Они не принадлежат этому миру. Маги вывели их лет двести назад, наверное. Поэтому я ни разу про них не подумал: я знаю не так много. Сами понимаете почему.

Я кивнула. Конечно, если что-то не было частью твоего мира, пока ты рос и обучался, держать это в голове сложно. Меня озадачивало другое: куда мы бежим и почему.

— Как эти ягоды связаны с тем, где я?

— Это зимняя ягода. Специальная магическая зимняя ягода. Скажем так, сейчас для нее самый сезон, — пояснил Норман, направляясь в лес.

Здесь снега было больше, чем во внутреннем дворе Орты. Ни одеваться, ни переобуваться Норман не стал, и ему, в отличие от меня, наверняка было холодно и мокро, потому что легкие ботинки, в которых он ходил по Орте, никак не годились для прогулок по снегу.

— Ия чувствую ее запах, потому что нахожусь где-то рядом с ней? — наконец догадалась я.

— Думаю, вы в центре больших зарослей этих ягод, — уточнил Норман, уверенно шагая между деревьями. — Потому что именно в большом количестве они создают магический фон, который может блокировать заклинание, наложенное на перстень.

— Магический фон? — в моей памяти что-то шевельнулось, но очень смутно.

— Да, я же уже сказал: ягода была выведена специально. С использованием магии. Именно для того, чтобы расти и плодоносить зимой, когда нет других свежих ягод. Без магии она бы не смогла расти в таких условиях. Подобных растений не так много в нашем мире, но там, где они растут, заколдованные вещи часто дают сбой.

И тогда я вспомнила, что мы проходили это. Правда, как раз тогда Ротт убедил меня, что Норман монархист, который хочет меня убить. Я так и не смогла толком вникнуть в понятие «магического шума», поскольку слишком много думала о другом. Что ж, теперь узнала на практике. Но главным было другое: он знает, где я, он меня найдет и спасет. Снова.

— И вы знаете, где здесь есть подобные заросли?

— Да, я хорошо знаю территорию вокруг Орты. Есть несколько таких мест, но я знаю только одно, где растут еще и ели.

Больше я не успела задать ни одного вопроса, поскольку мы внезапно пришли. Об этом я догадалась по тому, как настороженно притормозил Норман.

Перед нами раскинулось целое зеленое море: скинувшие листву деревья здесь

перемежались с высокими и низкими елями, а по земле и стволам некоторых деревьев ползли стебли вьюнка, усыпанные крупными ягодами, похожими на мелкую синюю клубнику. Норман меньше минуты шарил взглядом по зарослям, постепенно продвигаясь вглубь, а потом что-то заметил и стремительно бросился к своей находке.

Я поспешила за ним, но в нескольких шагах от того места, где он упал на колени, застыла в немом ужасе.

Было странно смотреть на себя со стороны. Странно и страшно. Мое тело лежало на земле, в той же одежде, в которой я вчера была на вечеринке и в которой сегодня проснулась уже в виде проекции: в джинсах и тонком вискозном свитере. Руки, ноги, торс опутывал вьюнок, как будто я пролежала здесь пол года, а не меньше суток. С лица вьющиеся стебли Норман уже успел сорвать и теперь продолжал освобождать меня от них, не обращая внимания на рассыпающиеся в разные стороны ягоды. Стебли под его пальцами не просто рвались, а как будто сгорали. Я смотрела на свое почти синее лицо, на спутавшиеся кудрявые волосы, в которых застряли мелкие веточки и хвоя, и испытывала первобытный, суеверный ужас. А что если я не смогу вернуться в тело? Что если оно уже... мертво?

В этот момент Норман полностью освободил меня от зеленых пут, быстро провел над моим телом рукой, а потом положил ладонь мне на грудь. Не знаю, что он сделал, но я вдруг почувствовала такой мощный удар, как будто меня лягнула лошадь. Боль оказалась настолько сильной, что сознание предпочло провалиться в темную дыру беспомощности.

Но ненадолго.

В одну секунду мне стало очень холодно и очень плохо. Я по-прежнему почти не чувствовала тело, но осознавала, что лежу на холодной земле. Кто-то приподнял меня, держа за плечи, я ощутила прикосновение горячей ладони к щеке. И услышала над собой голос, который звучал едва громче шепота:

— Давай же, Таня, возвращайся ко мне... Пожалуйста.

Я хотела открыть глаза, сказать, что уже все в порядке, просто мне холодно, но не смогла пошевелиться. Однако волну тепла, накрывшую меня с головой, почувствовала. И как меня взяли на руки и подняли с земли — тоже. А после все на какое-то время исчезло.

Я не знала, сколько времени прошло на самом деле. Для меня — всего одно мгновение. Но глаза я открыла, уже находясь в лазарете Орты. Рядом с кроватью сидел не только папа, но и заплаканная мама.

Тело все еще казалось чужим и не желало меня слушаться. Даже веки все время стремились сомкнуться, язык не ворочался, о том, чтобы встать, и речи не шло. Однако мне удалось выдавить из себя улыбку и чуть сжать мамину руку, которая держала мою.

— Господи, Танечка... — пробормотала она. — Володя, она пришла в себя.

— Я вижу, вижу... — папа облегченно выдохнул. — С возвращением, Котенок. Ну и напугала же ты нас.

Папа не называл меня Котенком лет с тринадцати, кажется. Тогда у меня начался переходный возраст, и я потребовала относиться ко мне как к взрослой. Сейчас от этого детского прозвища у меня потеплело на душе. Как хорошо быть живой! Как хорошо видеть перед собой близких людей...

Я пошарила взглядом по сторонам, откашлялась и все-таки смогла задать один очень волновавший меня вопрос. Я бы даже сказала, самый главный на тот момент:

— А где Ян?

Родители переглянулись, на их лицах было написано недоумение. Папа пожал плечами,

а мама, снова повернувшись ко мне, уточнила:

— Детка, какой Ян?

Мне бы смутиться, но я почему-то испытала раздражение. Даже на то, чтобы просто дышать и держать глаза открытыми, у меня уходила куча сил. Они вот-вот грозили кончиться, а они не понимают таких простых вещей! Как минимум папа знает, что Нормана зовут Яном.

— Профессор... Норман, — эти два простых слова отняли у меня львиную долю сил, но я продолжала хвататься за ускользающее сознание. Мне отчаянно хотелось увидеть его. Он же обещал прийти и подержать меня за руку. Норман должен был сдержать свое обещание.

Папа недовольно нахмурился, а мама мягко ответила:

— Мы его не видели. Нас вызвала профессор Карр, твой куратор. А когда мы пришли сюда, здесь были только доктор, медсестра и ректор Ред.

Медсестру она помянула совершенно некстати. Та тут же появилась в поле моего зрения с каким-то крохотным стаканчиком.

— Ларина, давайте-ка выпьем это, — с поддельным энтузиазмом заявила она, поднося к моим губам стаканчик.

Оттуда мне в рот вылилось что-то до того мерзкое, что я побоялась приступа тошноты и поспешила проглотить это. Зато я сразу ощутила прилив сил и перестала проваливаться в забытие. Медсестра с чувством выполненного долга удалилась.

— Зачем тебе профессор Норман? — поинтересовался папа. Что-то в его тоне мне не понравилось. Все-таки жаль, что они не подружились.

— Он спас меня, — пояснила я. — Хотела сказать ему «спасибо».

— Мы передадим ему, если увидим, — пообещала мама, бросив на папу странный взгляд.

Я вздохнула и закрыла глаза. Объяснять, что хотела бы сказать это лично, не стала. Скажу, как только появится такая возможность.

— Таня, что произошло? — спросил папа. — Как ты оказалась в том лесу?

— Профессор Нот. Он меня... там оставил.

— *Профессор* Нот? — недоверчиво переспросил папа. — Зачем ему это было нужно?

— У него спроси...

— Легион разберется, — услышала я до боли знакомый голос.

— О, нет, опять вы, — застонала я, не желая открывать глаза. Геллерта Ротта я и так себе хорошо представляла.

— Увы, госпожа Ларина, мне нужны ваши показания, — кажется, он улыбался. Не представляю, чему именно.

Интересно, почему он все время сам сюда таскается? Других легионеров нет, что ли?

— Вот вам мои показания: убить меня пытался Нот, Норман меня спас. Так и запишите, только смотрите, не перепутайте! Подробности — когда высплусь.

Я повернулась на бок, натянула одеяло на голову и действительно моментально провалилась в сон.

Проснулась я глубокой ночью, чувствуя себя намного лучше. Лишь голову наполнял туман, мешавший думать, да сердце колотилось так, словно я бежала от кого-то. Возможно, мне приснился кошмар или какой-то шорох напугал сквозь сон.

Я села на кровати и огляделась по сторонам. Ни родителей, ни медсестры рядом не было. Вообще никого. Я снова лежала одна посреди общей палаты лазарета. В огромном помещении висела могильная тишина.

Интересно, какому умнику пришло в голову оставить меня тут одну? После покушения на мою жизнь. Второго покушения. Я ведь даже не знала, внял ли господин старший легионер столицы моим словам насчет Нота. И в любом случае не чувствовала себя здесь в безопасности. Хоть бы в бокс положили, как Нормана.

Мысль о преподавателе вызвала болезненный спазм в груди. Интересно, он хоть заходил меня навестить?

Я посмотрела на левую руку: перстень все еще красовался на безымянном пальце. Я погладила внушительный камень, отчаянно желая, чтобы Норман прямо сейчас оказался здесь. Мне не просто хотелось с ним повидаться. Мне было жизненно необходимо его увидеть. Это чувство пугало меня: за всю жизнь я еще ни в ком так отчаянно не нуждалась. Кроме родителей, конечно. Даже Ингу — самую близкую подругу — я хоть и любила, но вполне нормально переносила разлуку с ней. В совсем уж плохие моменты жизни мне не хотелось видеть даже ее.

А вот Нормана хотелось. Я понимала, что сейчас выгляжу из рук вон плохо: наверняка бледная, с волосами, похожими на мочалку, в убогой больничной ночнушке. Но все равно я умирала от желания увидеть его. Хотя бы на пару минут — как сделать поток свежего воздуха. Интересно, что будет, если я сбегу отсюда и заявлюсь к нему посреди ночи в таком виде? Едва ли кто-то оценит этот порыв.

Однако и лежать я больше не могла, тем более что спать совершенно не хотелось. Я отбросила в сторону одеяло, спустила ноги с койки, нащупала в темноте босыми ступнями тапочки и неуверенно сделала несколько шагов вперед, зябко поежившись. Пожалуй, в одной ночной сорочке по лазарету особо не погуляешь.

Я все-таки прошла между двумя рядами пустых коек и подошла к окну. Там, на улице, ярко светила луна и падал снег. Намело уже прилично. Я вдруг подумала: «Как хорошо, что меня успели найти, а то засыпало бы совсем».

Теперь я лучше помнила все произошедшее и точно знала, что Нот не случайно задел стакан и пролил на меня лимонад. Когда я отвлеклась на устранение последствий, он, скорее всего, что-то подсыпал или подлил мне в напиток. Потому что буквально через пару минут мои воспоминания меркли. Очень резко. Видимо, я отключилась, а он отнес меня в лес. Уж не знаю, как он никому не попался на глаза: повезло или магия помогла. Сути это не меняло: он отнес меня туда, где Норман не мог меня найти, а холод должен был убить. Видимо, для магии легионеров это тоже выглядело бы как несчастный случай. Глупая студентка перебрала на вечеринке и отправилась бродить в лес. Ягоды собирать. В итоге заблудилась или просто уснула и замерзла.

А ведь я с первых дней в Орте повелась на его шарм. Считала, что он просто безобидный ловелас, с которым можно безопасно флиртовать развлечения ради. Стыдно

было теперь это вспоминать. Норман предупреждал меня, но я все равно не видела в нем ничего угрожающего. И ничего подлого. Напротив, он казался мне довольно прямолинейным и весьма милым. Если бы в момент нашего разговора на лестнице кто-то сказал мне, что через несколько часов он выставит меня дешевой шлюхой, я бы покрутила пальцем у виска. Слова, которые он говорил Норману, никак не вязались у меня в голове с тем образом, который он создавал несколько месяцев.

Ректор оказался прав: я действительно ничего не успела понять, испугаться тоже не успела. Просто в одно мгновение голос Нота для меня стих. Потому перстень и не предупредил Нормана. Нот все предусмотрел.

Я обхватила себя руками за плечи, ежась от холода. Скорее всего, приключение в подземельях тоже организовал он. Не знаю, имел ли он отношение к появлению там низших, но Кордой легко мог манипулировать. Ведь она была давно влюблена в него. И записку эту он мог ей продиктовать. Почему раньше я ни разу не задумалась о том, откуда Корда знает про кофе? Дура, полная дура.

Я так злилась на себя, что даже не чувствовала, как меня бьет крупная дрожь. Зато я почувствовала иллюзию теплого пледа, легшего на плечи. Губы моментально расплылись в счастливой улыбке.

— Ян...

— Почему-то так и думал, что вы не спите.

Я обернулась: он шел ко мне по проходу между пустыми койками, как обычно сцепив руки за спиной, расправив плечи, едва заметно улыбаясь. На нем была привычная форма, но после того, как я видела его последний раз, он успел побриться.

— И поэтому решили меня навестить?

— Я же обещал, что приду пожалеть вас и подержать за руку.

— Но почему ночью?

— Потому что весь день тут были ваши родители. — Он подошел ко мне и остановился на приличном для наших статусов расстоянии. Мне хотелось, чтобы он подошел ближе. — А у меня, знаете, как-то сразу не очень заладилось с вашим отцом.

— Да, я заметила, — я продолжала улыбаться, глядя на него. — Очень жаль.

Он пожал плечами, как бы говоря: «Что тут теперь сделаешь?»

— Как вы себя чувствуете?

— На удивление хорошо для человека, пролежавшего почти сутки в снегу. До сих пор не понимаю, почему вы нашли меня живой, а не в виде окоченевшего трупа.

— Магия, Таня. Привыкайте к тому, что вы маг. Мы можем направлять свой поток на разные вещи. Как я сейчас согреваю вас, так и вы можете согревать себя.

— Но меня этому не учили, — возразила я. Меня тревожил этот факт. — Как не учили создавать проекции. Так как я могла все это сделать?

Несколько бесконечных секунд он просто молча смотрел на меня, словно снова искал что-то в моих глазах, а потом покачал головой.

— Я не знаю. В экстренных ситуациях люди способны на многое. В конце концов, поток — единственное, что вам нужно для чуда. Все, чему учат в наших школах и университетах, — это правильно его направлять и фокусировать. Амулеты, артефакты, слова заклятий, ритуалы — просто мишура, помогающая это делать. Но если есть сильное желание, очень сильное, вы можете сделать то, чему вас не учили. А у вас, Таня, очень сильная воля к жизни.

— Угу, еще бы мозги к этой воле — цены бы мне не было, — проворчала я. — Знаете, после того случая... Ну, когда Марек напал на меня. Я решила, что в следующий раз должна быть готова. Быть сильнее. Знать полезные заклятия. Я много тренировалась и занималась последние два месяца, — глаза защипали слезы, и я шмыгнула носом. — И все равно оказалась не готова. Не готова к тому, что меня попытаются взять не силой, а хитростью.

— Это придет со временем, — заверил Норман со вздохом. — К сожалению, вместе с этим уйдут наивность и легкое отношение к жизни. Вы станете осмотрительнее, но разучитесь доверять людям.

— Знаете по личному опыту?

Он кивнул, улыбка на несколько секунд пропала с его лица, уступив место задумчивому выражению: ему определенно вспомнилось что-то неприятное. Однако это быстро прошло.

— Если вы все еще хотите поплакать у меня на плече, я к вашим услугам.

Я рассмеялась. Шутником Нормана назвать было сложно, но ему всегда удавалось вызвать у меня улыбку. Даже слезы отступили.

— Вы знаете, как ни странно, плакать как раз не хочется, — призналась я. А потом набрала в легкие побольше воздуха и выпалила, как в омут с головой кинулась: — Но я была бы признательна вам, если бы вы просто меня обняли.

Я испугалась собственных слов еще тогда, когда их говорила, поэтому в конце они прозвучали едва слышно. Но даже почувствовав, что краснею, я так и не смогла отвести взгляд от его глаз.

— Если вы изволите...

Я даже не успела осознать его ответ, а он уже сделал шаг ко мне. Еще через мгновение я оказалась в кольце теплых сильных рук, крепко прижатая к его груди. Положив голову Норману на плечо и уткнувшись лицом в изгиб шеи, я наконец ощутила себя в безопасности. Теперь все было по-настоящему хорошо и правильно. Он едва ощутимо гладил меня по голове, перебирая спутавшиеся волосы, а я замерла, боясь спугнуть это прекрасное мгновение.

— Вы заставили меня поволноваться, Таня, — тихо признался он.

— Простите, — так же тихо ответила я. — Но вы верили, что меня можно спасти. Спасибо вам за это. Без вас я бы сдалась.

— Я не верил, — огорошил он меня еще одним признанием. — Я просто не видел смысла раньше времени верить в обратное. Такие вещи лучше знать наверняка, а до тех пор отрицать.

— Хорошая позиция, — признала я. — Мне бы такую рассудительность.

На этот раз рассмеялся он.

— Успеете набраться. Я все-таки вас немного старше.

— Немного, да, — хмыкнула я, уже удивляясь тому, что он так и держит меня в своих объятиях и как будто не собирается отпускать.

— Лет на пятнадцать? — неожиданно продолжил он свою мысль. — Или на двадцать?

— Я не знаю. Не знаю, сколько вам лет. Я думала, уже слегка за пять сотен...

— Не говорите глупостей, — оскорбленно фыркнул он. — Маги столько не живут. Дайте подумать, я уже и сам сбился... Мне было почти тридцать, когда я... покинул свое время. С тех пор прошло... почти одиннадцать. Значит, мне сорок один. Или скоро будет.

— Если верить вашей теории, то мне скоро исполнится двадцать три. Правда, я точно не знаю, когда.

— Восемнадцать лет, — вздохнул он. — Разве это не слишком много?

Мое сердце замерло от такого вопроса и тона, которым он был задан. Я искала им какое-то другое объяснение, не то, которое пришло мне в голову в первую секунду, но не находила. И все же я боялась ошибиться. Это будет очень стыдно.

— Смотря для чего, — осторожно ответила я.

Норман молчал. Одна рука продолжала обнимать меня за плечи, другая — перебирать мои волосы. Он наклонил голову, и лицо его оказалось рядом с моим, я чувствовала его дыхание на своей щеке. Оно было тяжелым, неровным. Норман старался его контролировать, но получалось плохо.

Отчаянно боясь все испортить, я все-таки немного отстранилась. Ровно настолько, чтобы заглянуть в его лицо. Это мое движение словно пробудило его: он наклонился к моим губам и поцеловал. Или это я дотянулась до его губ первой? В голове все спуталось, и я уже ни в чем не могла быть уверена. Кроме того, что он снова целовал меня. На этот раз все было иначе: в этом поцелуе не чувствовалось страстного отчаяния обреченных на смерть. Зато было столько нежности, сколько я даже не могла предположить в Яне Нормане. Он выпустил меня из объятий, но только для того, чтобы взять мое лицо в ладони, погладить подушечками больших пальцев вмиг вспыхнувшую кожу щек. Поцелуй был медленным, тягучим, как густой горячий шоколад. И таким же сладким. Но несмотря на эту неспешность, я задыхалась, как от быстрого бега. Сердце билось с такой скоростью, что, казалось, в любую секунду могло не выдержать. И в данный момент мне было совершенно наплевать на то, много восемнадцать лет или мало. Меня целовал король, черт побери. Пусть бывший, оболганный историей и лишившийся всего. От этого он не переставал быть тем, кем родился.

Внезапный шорох и приглушенный грохот заставили нас вздрогнуть и отпрыгнуть друг от друга. Я думала, нас застукали. Ожидала увидеть отца или ректора, но лазарет оставался пуст. Какая-то тень прошмыгнула по полу. Я присмотрелась и поняла, что это один из тех мохнатых колобков, что в этом мире заменяли кошек: такие же пушистые и своенравные, но на коротких лапках и с коротким туловищем, они сновали по Орте, всегда гуляя сами по себе. Никому не принадлежали, но иногда давали себя погладить. Этот, кажется, был совсем маленьким. Не знаю, что он сшиб по пути, но его это не сильно расстроило. Он продолжал свой путь, лишь ненадолго замешкавшись рядом с нашими ногами. Я его не привлекла, а вот на ботинок Нормана он попытался порычать. Однако стоило тому приподнять ногу, как коlobка словно ветром сдуло.

Мы с Норманом посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись. У него был такой красивый смех, что я могла бы слушать его часами, но он очень быстро затих. Лицо Нормана снова стало серьезным. Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но я успела прижать пальцы к его губам.

— Пожалуйста, не надо, — торопливо попросила я. — Не извиняйтесь, не говорите, что это было неуместно, вам не следовало и все такое прочее.

Он так выразительно посмотрел на меня, что я испуганно отдернула руку.

— Вообще-то я собирался сказать, что хотел сделать это с тех пор, как поцеловал тебя в первый раз. И что в этот раз не собираюсь извиняться.

Я облегченно выдохнула, физически ощущая тепло, разливающееся в груди после этих слов.

— О, ладно, тогда говорите, — снова улыбаясь, предложила я.

— Я только что это сказал.

— А, ну да, — разочарованно протянула я, но тут же нашлась: — Можете сказать еще раз? Я не успела насладиться.

Кажется, в голове у меня что-то замкнуло от счастья, раз я снова начала говорить глупости. Норман это понял, снова рассмеялся и, вместо того чтобы повторить слова, притянул меня к себе и поцеловал еще раз. Я не возражала против такого варианта.

Но и на этот раз поцелуй длился недостаточно долго. Норман отстранился, но уже не выпустил меня из объятий.

— Убедительно, — выдохнула я. — Но если вы этого хотели... Почему только сейчас? К чему были все эти разговоры о неуместном и неподобающем? Вы же видели, что я хотела этого не меньше. Не могли не видеть...

— Просто это действительно неуместно, — спокойно перебил он, поглаживая кончиками пальцев кожу на моей щеке и осторожно заправляя непослушный локон за ухо. — Этим я нарушаю не только правила Орты, но и законы нашего мира.

— Что за бред? — я нахмурилась. — Я уже взрослая, могу целоваться, с кем пожелаю.

— Не в нашем мире. Ты же помнишь, что по нашим законам ты пока несовершеннолетняя?

Я смутно припоминала, как он рассказывал про это. Но тогда речь шла о допросе в Легионе, и мое положение как бы несовершеннолетней меня вполне устраивало. Теперь же оно мне мешало. Мои пальцы, перебиравшие короткие волосы на его затылке, напряженно замерли. Я снова заглянула в его глаза, но не увидела там ни сомнений, ни желания отступить назад, снова сделать вид, что ничего не произошло.

— Но если я все еще несовершеннолетняя, если закон все еще против... Что изменилось?

Может быть, темнота лазарета и неверный свет луны сыграли со мной злую шутку, но на мгновение мне показалось, что в его глазах промелькнула боль, которую он моментально постарался скрыть. И все же голос его прозвучал хрипло, когда он ответил:

— Ты появилась посреди моей гостиной со словами: «Кажется, я умерла». — Он тяжело сглотнул и добавил уже почти шепотом: — Если бы ты только знала... если бы только могла представить себе, что со мной было в тот момент.

Мне стало так стыдно, как, наверное, не было еще ни разу в жизни. И при этом так хорошо, что это только усиливало стыд, но я ничего не могла с собой поделать. Ведь это значило, что я ему по-настоящему дорога. Что еще это могло значить?

Я погладила его по щеке, порывисто прижалась к губам на несколько мгновений, потом снова крепко обняла.

— Простите меня, я не хотела вас так пугать. Я просто... я сама была напугана...

— Я знаю, знаю, — заверил он меня, уже снова беря себя в руки и подавляя излишнюю эмоциональность. Он даже улыбнулся, глядя на меня. — Наверное, это к лучшему. В тот момент я поклялся себе, что если ты все-таки окажешься жива, никакой закон не помешает мне... сделать то, что я сделал. Я слишком многое в жизни упустил, дожидаясь подходящего момента. Я не готов снова так рисковать.

— Надо будет сказать спасибо Ноту, — я нервно рассмеялась.

Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я уже начала подозревать, что сплю, накачанная какими-нибудь магическими наркотиками, и вижу чертовски реальный сон. Но если так... я не хотела просыпаться.

Я снова коснулась кончиками пальцев его лица, словно желая убедить себя в том, что он настоящий, а не плод моего воображения. Тонкие губы, гладко выбритая кожа щек и подбородка, в уголках глаз уже заметна сеточка морщин. Восемнадцать лет... Когда я только родилась, он уже правил страной.

Впрочем, нет, страной он правил пять веков назад. Он сказал, что появился в этом времени почти одиннадцать лет назад. А что же происходило с ним тогда, когда я родилась?

— Может быть, вы все-таки расскажете мне, как все было? Ну, то есть... Как мы с вами оказались в одном времени.

Он недовольно скривился. И чуть ослабил объятия. Видимо, я сказала что-то не то, не отступить было поздно.

— Это длинная, скучная и грустная история, — попытался уклониться он. — Зачем тебе она?

— А такой закон есть в моем мире, — попыталась пошутить я. — Хочешь целовать девчонку, сначала расскажи ей, как путешествовал во времени.

Моя уловка удалась: он снова рассмеялся, его лицо разгладилось, появившееся напряжения ушло. Он еще на одно мгновение прижал меня к себе и быстро поцеловал, а потом неожиданно подхватил на руки и куда-то понес.

— Что вы делаете? — удивилась я, даже не обращая внимания на то, что так и говорю ему «вы».

— К сожалению, не совсем то, что хотел бы, — хмыкнул он, а потом осторожно опустил меня на кровать, на которой я лежала до его прихода. — Если я собираюсь рассказывать тебе свою историю, тебе лучше лечь в постель и не мерзнуть лишнего.

Норман заботливо укрыл меня одеялом и сел рядом. Я поудобнее устроила голову на подушке, неотрывно глядя на него. Он молчал, снова хмурясь.

— Трудно понять, с чего стоит начать такой рассказ, — признался он.

— Тогда просто начните с начала, — предложила я.

— Нас было трое наследников примерно одного возраста: я, Рона и Гордон. Мы знали друг друга с детства, потому что наши государства были самыми крупными в магическом мире и находились рядом. Из нас троих меньше всего шансов на престол имел я, поскольку передо мной в очереди шел старший брат, которому уже подобрали невесту. Да и наш отец был еще довольно молод и крепок. Однако по странной прихоти судьбы именно я первым стал королем. Моя... — он тяжело сглотнул. — Всю мою семью убили, когда мне было тринадцать лет. Я выжил случайно. Это был заговор среди приближенных отца, которые решили свергнуть наш род. Но когда выяснилось, что я остался жив, им пришлось посадить меня на престол. Никто бы не поверил во второй подряд несчастный случай, могли начаться волнения. Тот, кто возглавлял заговор, стал при мне регентом. Двоюродный брат моей матери — самый близкий из оставшихся родственников. Я понимал, что жить мне позволят максимум до совершеннолетия. Поэтому в пятнадцать добился самостоятельного правления, а заговорщиков вместе с дядей... впрочем, про это вам расскажут на Истории. Когда мне исполнилось двадцать, свой престол заняла Рона. Ее отец был немолод, она родилась в его втором браке, а других детей он не нашёл. Ей самой тогда было девятнадцать. Еще через год внезапно заболел и сошел в могилу и отец Гордона. Тогда я не придавал этой смерти значения, хотя стоило. Но вот мы втроем стали самыми влиятельными людьми в магическом мире. Другие государства так или иначе зависели от кого-то из нас.

Он замолчал, о чем-то задумавшись, а потом признался:

— Я никогда не хотел быть королем. Меня устраивал тот, факт, что это бремя будет нести брат. Но и оставить власть тем, кто уничтожил мою семью, я не мог. Я понимал из-за чего возник заговор. Мой отец был жестоким и своенравным. Его жестокость распространялась не только на подданных, но и на меня, и на мою мать. На брата нет, тот был таким же, как и он. Ни одного из них я не назвал бы достойным правителем, но они были моей семьей. Мне сложно оценить объективно, каким королем был я сам. Норд Сорроу остался в истории как довольно жестокий правитель, достойный своего отца. Уверен, мой отец очень удивился бы, услышав это. Он никогда не считал меня достойным.

Он сказал это довольно спокойно, как будто просто упоминал ничего не значащий факт, но мне почему-то показалось, что детская обида на отца все еще живет где-то внутри него. Может быть, очень глубоко, настолько, что он сам ее не осознает, но живет. Возможно, я придумывала на пустом месте, но мне отчаянно захотелось взять Нормана за руку, как-то выразить свою поддержку. Однако он сидел так, что мне было не дотянуться до его руки.

Норман тем временем продолжал:

— За те шесть лет, что я правил самостоятельно, бремя власти начало меня тяготить. Я делал, что мог, отдавал себя Рейвену без остатка, но я знал, что не смогу так всю жизнь. Однако Рейвен я любил и чувствовал ответственность за его судьбу. Я не мог просто отречься от престола и бросить страну на произвол судьбы. Я мог отдать власть только кому-то достойному. А помня о печальной судьбе своей семьи, я мечтал о менее кровавом способе менять власть...

— Республика была вашей идеей? — неожиданно догадалась я. — Не Роны Риддик.

— Да, — он кивнул. — Между мной и Роной с самого детства существовала определенная симпатия, но только в пятнадцать я взглянул на нее иначе. Не как на друга, а

как на женщину. И почему-то с тех пор мне казалось, что со временем она предпочтет мне Гордона. Он был красивым, веселым, беззаботным, в то время как я становился все более угрюмым. Мне приходилось принимать тяжелые решения, к тому же я учился контролировать своего демона. Все это сказывалось на моем поведении и характере. Я видел, что Гордон тоже в нее влюблен. Когда он занял свой престол, я решил, что их свадьба — вопрос времени. Это неизбежно привело бы к объединению их государств. Собственно, три наших в свое время выросли в основном на подобных браках и лишь иногда — на войнах. Тогда я поделился с ними идеей объединения в федеративную республику. Фактически я предлагал присоединить к их будущему общему государству и мое, оставив себе только часть полномочий. Рона сразу горячо меня поддержала, а Гордон... полагаю, он просто не хотел ее разочаровывать, а потому тоже согласился. Вот только все пошло не так, как я рассчитывал. Согласившиеся присоединиться к нам менее крупные государства в основном входили в сферу моих экономических интересов. Благодаря им я и стал первым канцлером. Это обязало меня править еще пять лет государством, увеличившимся почти в четыре раза.

— И как к этому отнесся Гордон Геллерт? — поинтересовалась я. У меня уже голова шла кругом от того, как все переиначили в официальной истории. Это о многом заставляло задуматься.

— Тогда спокойно. Я поручил им с Роной проект Орты, что его вполне устраивало. Он полагал, что станет следующим канцлером, а пока наслаждался свежим воздухом и флиртом с Роной. О нашем начавшемся примерно тогда же романе он не знал.

— Почему вы его скрывали?

— Именно для того, чтобы он не ревновал. Я ставил благополучие Первой Республики выше личного счастья. Недостаточно высоко, чтобы отказаться от Роны и толкнуть ее в объятия Гордона, конечно. Но он имел достаточно влияния, чтобы на почве ревности развалить то, что я пытался создать. Роне не нравилась тайная внебрачная связь, такое в то время крайне порицалось в нашем обществе, но она согласилась на нее. Мы встречались редко. Здесь, в Орте. Я приезжал раз в несколько месяцев на два-три дня. Якобы посмотреть, как идет дело. Днем мы изображали вежливое равнодушие, а по ночам встречались в хорошо известной тебе тайной комнате.

Я немного смутилась, вспомнив записи в дневнике Роны, где она описывала эти встречи. А потом смутилась еще больше, когда поняла, что он наверняка знает о том, что я их читала. Однако сам Норман выглядел спокойным: то ли его это не смущало, то ли он уже давно смирился с этой мыслью.

— И так пять лет? — недоверчиво уточнила я. Мне бы такое не пришлось по душе. На месте Роны, я бы, наверное, закатывала ему истерики каждый раз. Или вообще послала бы куда подальше.

Он снова встретился со мной взглядом, и я поняла, что никуда бы его не послала. Если бы была Роной, конечно. Меня саму после нескольких месяцев знакомства тянуло к нему, как магнитом. Рона же знала его целую жизнь. И ей он наверняка успел дать куда больше поводов восхищаться собой. В конце концов, мы с ним пока что только целовались...

От этой мысли у меня моментально загорелись щеки, и я отвела взгляд.

— Поверь мне, я считал дни до конца срока своего правления. Я надеялся, что Гордон действительно станет новым канцлером и это как-то смягчит для него удар, когда я объявлю Рону своей невестой. Но все опять пошло не так. Он узнал о нас до того, как прошли перевыборы. Ивзбесился, конечно. Вся затея с республикой вдруг перестала ему нравиться.

Он заявил, что выборов быть не должно. Требовал, чтобы я просто передал ему власть. Полагаю, после этого он попытался бы стать пожизненным канцлером. Произошло то, чего я так боялся: начались смута и разлад. Республика и так была нестабильна, а он начал расшатывать ее еще больше.

— Забавно, что в учебниках все написано с точностью до наоборот, — нахмурилась я. — Почему так?

— Историю пишут победители, — по губам Нормана скользнула печальная улыбка.

— А Гордон, как мне ни горько это признавать, меня обыграл. По всем пунктам. Он спровоцировал меня на дуэль... То есть, я позволил себя спровоцировать. Меня подвела моя самоуверенность. Ведь светлый маг — а Гордон всегда был светлым — не может победить темного. Мы по определению сильнее, потому что демоны сильнее людей. Но Гордон оказался хитер. Понимая, что не может меня убить, он решил избавиться от меня другим способом. Расставил ловушку и сбросил меня во временной поток.

— Во временной поток? — я не представляла, что это такое.

— Сложно объяснить, — Норман виновато пожал плечами. — Сначала маги научились пронзать пространство, чтобы экономить время на перемещении. Так у нас появились порталы. Потом мы захотели большего: пронзать еще и время. И даже нашли способ, его назвали погружением во временной поток. Однако оказалось, что с его помощью можно путешествовать во времени только вперед. Движение назад невозможно, прошлое... выбито в камне, оно неизменно. Поэтому временной поток как открыли, так и забыли. А Гордон вспомнил, открыл временной портал и сбросил меня в него. Выбраться я смог уже только в этом времени. Все, что я знал о мире, в одно мгновение устарело. Все, кого я знал, перестали существовать. Я даже не успел попрощаться с Роной. Она не знала о нашей дуэли и так никогда и не узнала, куда я делся. А я в одно мгновение из главы государства превратился в пустое место. Та, кого я любил больше всего на свете, — в давно истлевшие останки. Вот так это и произошло.

Он замолчал, и я тоже не знала, что сказать. Норман был прав как минимум в одном: история показалась мне очень грустной. Мне было отчаянно жаль его. По его рассказу выходило, что у него не было ни одного по-настоящему светлого периода в жизни. Детство отравил отец, в юности пришлось быстро взрослеть и бороться за свою жизнь. Даже роман с любимой женщиной складывался не так, как им обоим хотелось. А потом его и вовсе лишили всего и оболгали, перевернув события тех лет с ног на голову. Ректор говорил мне, что в тот момент он был сломлен. Я не могла себе представить, как это выглядело, да и не хотела представлять, но теперь верила.

Я села на кровати, придвинулась ближе, провела рукой по его лицу и осторожно поцеловала в лоб, пытаюсь разгладить залегшую между бровей складку.

— Мне очень жаль, — прошептала я. — То есть... Мне жаль, что вы прошли через все это, но... — я не знала, как сформулировать. — Но я сейчас эгоистично счастлива от того, что вы здесь.

— Все это было уже давно, — отмахнулся он. Складка между бровей разгладилась, и улыбка перестала быть печальной. — Прошло почти одиннадцать лет. Я смирился со своей судьбой, научился жить в новом для меня мире. И жизнь эта мне даже нравится. Ректор Ред, каким бы странным он ни был, очень мне помог. Дал мне новое место и новый смысл жизни. Орта, — он поднял глаза к потолку, а потом обвел взглядом помещение лазарета, — стала мне домом. Когда-то это был наш с Роной проект: моя задумка, ее воплощение.

Совместное детище. Единственное хорошо знакомое мне место, что осталось с тех времен. И единственное, что мне осталось от нее.

Что-то больно кольнуло в груди, настала моя очередь хмуриться. Во рту появился горький привкус и к горлу подкатил ком. Черт побери, с кем я собралась тягаться? С королевой, героиней, великой женщиной и магом, святой и непогрешимой великолепной Роней Риддик? Той, которую он знал с детства, рядом с которой вырос, которую любил большую часть жизни? Смешно. Что я, Таня Ларина, могла ему предложить? Странно, что он вообще обратил внимание на мое существование. И то, видимо, только потому, что я за полгода обучения в Орте уже три раза чуть не погибла.

— Вы ее очень сильно любили, да? — я с неожиданным интересом смотрела на собственные колени и нервно мяла руками край одеяла.

— Очень, — не стал спорить он, но после небольшой паузы добавил: — Но она умерла. Очень давно. Я смирился с этим. Тоже уже давно.

Он коснулся пальцами моего подбородка и приподнял лицо, так чтобы я посмотрела на него. Я упрямо смотрела вниз, не желая встречаться с ним взглядом. Не хватает только, чтобы он понял сейчас, как я завидую Роне Риддик, будь она трижды проклята. Норман ничего не стал говорить, просто еще раз наклонился к моим губам, едва касаясь их в поверхностном поцелуе. Словно предлагая мне самой решить, чего я сейчас хочу больше: дуться и ревновать к женщине, чей прах давно истлел, или целоваться с ним. Надо ли упоминать, что именно я выбрала? Может быть, я уступала Роне Риддик во всем и никогда не смогу значить для него столько же, сколько значила она, но у меня перед ней имелось одно большое и важное преимущество: я пока была жива.

Его поцелуи распалили меня все больше, я уже забыла о том, что мы вообще-то находимся в общедоступном месте и всюю тут нарушаем закон. Мне отчаянно хотелось нарушить его уже целиком и полностью, но Норман, как и следовало ожидать, настолько сильно голову не терял.

— Тебе нужен отдых. Ложись-ка ты спать. Завтра будет непростой день: Ротт жаждет допросить тебя. Он внял твоим словам насчет Нота и приставил к нему охрану, но пока не арестовал его. Нот будет отпираться. Тебе потребуются силы. Нам всем они потребуются.

Я тяжело вздохнула, признавая его правоту. Не хотелось, чтобы он уходил. Я боялась, что завтра при свете дня все это окажется сном или моей больной фантазией. Я еще раз жадно прижалась к его губам, хотя понимала, что нацеловаться впрок все равно не получится, и покорно легла обратно. Он снова заботливо укрыл меня одеялом. Как ребенка, честное слово! Однако уходить он как будто не собирался.

— Вы останетесь здесь? — недоверчиво поинтересовалась я.

— А ты хочешь, чтобы я ушел?

— Нет! Конечно, нет. Мне здесь одной страшно до ужаса...

— Вот я и побуду здесь, чтобы ты не боялась. Не для того я тебя спасал, чтобы снова подвергать твою жизнь опасности.

Я улыбнулась и закрыла глаза. Не знаю, сидел ли он со мной всю ночь или ушел, как только я провалилась в сон, но уснула я быстро и проспала до самого утра безмятежно.

Утром в лазарете я снова оказалась одна, гадая, действительно ли он приходил или все это было только сном.

Когда родители объявили мне, что Геллерт Ротт желает устроить общее разбирательство с участием Нота, Нормана, ректора и меня с моим официальным представителем, я твердо потребовала, чтобы мне дали сначала привести себя в порядок. Не хотелось опять показываться перед Норманом не пойми в чем и с бардаком на голове, хотя эту причину я вслух озвучивать не стала. Папа и так недовольно поинтересовался, почему на мне до сих пор перстень Нормана. Я объяснила как есть: пыталась отдать, но Норман не взял. Папа недовольно поджал губы, но ничего не ответил.

Поскольку к моему состоянию претензий ни у кого не было, мне разрешили вернуться в комнату в общежитии и привести себя в божеский вид. Я быстро приняла душ и почти так же быстро уложила волосы заклинанием, которое осваивала с самого Бала Развоплощенных. Немного застопорилась, выбирая одежду. Хотелось выглядеть хорошо, но в то же время я понимала, что иду не на свидание. А на разбирательство, касающееся попытки меня убить, между прочим. В итоге я решила, что узкие джинсы и свободный длинный свитер с высоким воротом будут уместнее всего: в них я смотрелась хорошо, но при этом не выглядела нарядной. С макияжем тоже не стала усердствовать.

Когда мы с папой подходили к кабинету, который ректор выделил для разбирательства, сердце мое колотилось так быстро, что я за него испугалась. В последнее время оно испытывало все большие перегрузки. Меня била заметная дрожь, но, к счастью, момент был достаточно нервным, чтобы это не выглядело подозрительным. Хотя Нот и грядущее разбирательство меня уже мало волновали. Я боялась первой встречи с Норманом. Как мне себя вести? Как поведет себя он? Понятно, что афишировать ничего нельзя, но он хотя бы даст мне какой-то знак? Крошечный намек на то, что я ничего не выдумала, а он с наступлением утра не пожалел о том, что сделал.

Норман и ректор подошли к кабинету через пару минут после того, как у его двери остановились мы. Ректор сразу поздоровался с папой, потом со мной. Я проворчала в ответ что-то невразумительное, с удивлением обнаружив, что злюсь на него. За те слова, что подслушала случайно. За то, что он пытался убедить папу в моей смерти. И за то, что он на какое-то время убедил в ней меня.

Только переварив эту бурю эмоций, я осмелилась посмотреть на Нормана. Он выглядел как обычно. Ни следа недосыпа на лице, гримаса недовольства, как будто ему не очень нравится то, где он находится и с кем. Они холодно, но вежливо поздоровались с папой, потом он как обычно поприветствовал меня. Я снова только кивнула, промычав что-то невразумительное, и тут же отвела взгляд в сторону. Сердце билось уже так, что становилось почти больно.

— Дорогая, ты, кажется, накануне хотела что-то сказать профессору Норману, — неожиданно напомнил папа. Когда я удивленно посмотрела на него, он уточнил: — Хотела поблагодарить.

— А... да, — я с трудом сглотнула и посмотрела на Нормана исподлобья. Со стороны, должно быть, казалось, что я его боюсь. — Спасибо, профессор Норман. Вы спасли меня. Опять.

— Да не за что, госпожа Ларина, — со вздохом ответил он. — Безопасность студентов Орты — мой долг.

По его губам скользнула улыбка, но в этот момент дверь кабинета распахнулась, и помощник Ротта пригласил нас внутрь. Первым вошел ректор, мой отец последовал за ним. Я замешкалась, но Норман деликатным жестом предложил мне войти перед ним. Я сделала шаг вперед и неожиданно почувствовала прикосновение руки к плечу. Это выглядело абсолютно невинно и уместно, как будто он просто подталкивал меня вперед, навстречу своему обидчику, но я поняла, что это и есть тот самый знак. За весь первый семестр я ни разу не видела, чтобы он касался кого-то из студенток. Он никогда не шел на физический контакт, а руки и вовсе предпочитал держать за спиной. Исключения составляли наш танец на балу и передвижения по подземельям, когда он держал меня за руку.

Я улыбнулась, чувствуя, как успокаивается сердце и выравнивается дыхание. Дрожь отпустила, и теперь я была готова к любому разбирательству. Потому что знала: Норман рядом.

Нот выглядел спокойным и уверенным. Настолько спокойным, что даже улыбнулся мне и доброжелательно кивнул, как ни в чем не бывало. Я проигнорировала его приветствие и села рядом с папой.

В кабинете квадратом поставили четыре стола. За одним сидели Ротт и его помощник, который собирался вести записи. За столом напротив них расположился Нот, за его спиной стоял охранник. Мы с отцом заняли стол по правую руку от старшего легионера столицы, а за столом напротив нас сели ректор и Норман.

Первой версию событий предложили изложить мне. Я, конечно, с первых же предложений запуталась в показаниях, начав не с того места. Ротт как будто специально сбивал меня с мысли, задавая провокационные вопросы вроде: «Как часто вы по-дружески беседуете с профессором Нотом?» или «Вы раньше бывали в личных комнатах профессора Нормана?» У меня создалось впечатление, что он изо всех сил пытается выставить меня не в лучшем свете. Я видела, что папа хмурится и злится все сильнее, но не могла понять, вызваны ли эти эмоции поведением Ротта или он недоволен мной.

После того, как я с горем пополам рассказала свою историю, Ротт обратился к Норману: — Господин Норман, как все это выглядело с вашей стороны? — его тон прозвучал неожиданно вежливо.

— Студентка Ларина появилась в моей гостиной вскоре после полудня. Предвосхищая ваш вопрос: нет, ранее она никогда не была в моих личных комнатах, не считая личного кабинета. Поэтому я был очень удивлен ее появлением, а когда она показала мне, что бесплотна, — шокирован. Вскоре после этого появилась профессор Карр, и от нее я узнал, что студентка Ларина пропала...

— С какой целью профессор Карр решила сообщить вам об этом? — невинно поинтересовался Ротт. — Ведь студентка Ларина — не ваша забота.

— Профессор Карр, как я понял, опрашивала всех преподавателей, пытаюсь понять, куда Ларина делась. Студенты к тому времени уже разбежались из Орты.

Я в который раз восхитилась его выдержкой: даже на секунду его лицо не выдало, что вопрос Ротта мог его смутить, хотя профессор Карр пришла искать меня в его постели.

— Хорошо, продолжайте. Вы сказали профессору Карр, что видите студентку Ларину? — Нет.

— Почему?

— Мне не хотелось тратить время на объяснения. Я попытался найти Ларину, используя наложенное на ее перстень заклятие...

— Перстень, который подарили ей вы? — снова перебил Ротт.

— Все верно, — Норман вновь не продемонстрировал и капли смущения.

— Вы многим студенткам делаете подобные подарки?

— Нет, до сих пор не возникало такой необходимости, — в этот раз Норман бросил быстрый взгляд на моего отца. — Но я не понимаю, какое отношение это имеет к делу?

— Простое любопытство, — Ротт улыбнулся. — Продолжайте.

Норман быстро пересказал, что ему не удалось найти перстень, как мы вместе отправились к ректору, как потом я вспомнила, что столкнулась во время вечеринки с Нотом.

— И вы пошли его допрашивать? — уточнил Ротт, опираясь на мой рассказ.

— Я пошел его спросить, — поправил Норман. — Профессор Нот признал, что видел студентку Ларину вечером. Далее он заявил, что пригласил ее на кофе, а потом она... осталась у него и ушла только посреди ночи. Сама Ларина утверждала, что ничего такого не было. Пока она пыталась вспомнить, что произошло на самом деле, у нее на короткое время установилась связь с ее физическим телом. По совокупности ощущений, которые она мне описала, я догадался, где ее искать.

— В процессе разговора с господином Нотом всплывали какие-то факты, которые натолкнули бы вас на мысль, что это он опоил Ларину снотворным и бросил в лесу умирать?

— Вы имеете в виду, кроме его гнусного оговора госпожи Лариной? — едко уточнил Норман.

— Послушай, да я просто тебя дразнил, — внезапно вклинился Нот, усмехаясь. — Господин Ротт, я каюсь, это было неуместно и недостойно с моей стороны, но я не понимал серьезности ситуации. Ни для кого не секрет, что мы с Яном не ладим. Я просто хотел его позлить.

— Вы считали, его разозлит тот факт, что госпожа Ларина... — Ротт замялся, подбирая слова, — ночевала у вас?

— О, они его разозлили, — Нот снова усмехнулся. Господи, как я могла считать его приятным? — Он меня даже ударил.

— Это так? — поинтересовался Ротт у Нормана.

— Да, это так, — спокойно подтвердил тот.

— Почему? — Ротт изобразил удивление. — У вас какие-то... особые чувства в отношении госпожи Лариной?

Нот презрительно фыркнул, папа непроизвольно сжал кулаки, я забыла, как дышать. А Норман только едва заметно приподнял бровь.

— Мои *чувства* Легион никак не касаются. Но в данном контексте поясню: любой уважающий себя мужчина разозлится, когда в его присутствии в столь оскорбительном ключе отзываются о женщине. Я не сдержался, я это признаю. Но поскольку все его слова оказались ложью, я считаю это подтверждением обвинений госпожи Лариной.

— Почему?

— Полагаю, профессор Нот считал, что госпожи Лариной или уже нет в живых, или скоро не будет, то есть она не сможет опровергнуть его клевету. Или предъявить претензии.

— Это смешно, — фыркнул Нот. — Зачем мне ее убивать? Она мне нравится. Славная девушка, вам любой скажет, что у меня к ней никогда не было претензий.

Это было правдой. Настолько правдой, что я сама на мгновение засомневалась. Вдруг я зря его оговариваю? Вдруг в тот вечер произошло что-то еще? Может быть, мы расстались с

Нотом, а напали на меня уже потом, но воспоминания об этом почему-то стерлись?

— Хорошо. Господин Нот, какова ваша версия?

— Я действительно встретил Таню на лестнице в общежитии. Она была такой грустной, как будто у нее умер вупи... ну или как это у них называется? Котенок, вот! Я пытался ее развеселить, действительно приглашал на кофе. Мы немного пофлиртовали, а потом я ушел. На следующий день ко мне пристала Ирида... профессор Карр. Спрашивала, не видел ли я Таню... — он осекся. — Я сказал, что не видел. Просто побоялся, что наше... общение будет выглядеть двусмысленно. К тому же это едва ли могло помочь в поисках, ведь она после этого вернулась на вечеринку.

— Вы видели, как она туда вернулась? — строго уточнил Ротт.

— Эм... Нет, но я полагаю, что она туда вернулась.

— И вы не допускали мысли, что информация о том, где вы на самом деле видели ее в последний раз, может помочь в поисках?

— Я же говорю, я тогда не понимал серьезности ситуации, — Нот пожал плечами.

Я посмотрела на него, потом перевела взгляд на Нормана. Тот тоже смотрел на Нота, и в глазах его была заметна молчаливая угроза.

Ротт молчал, глядя на всех нас по очереди. В конце концов его взгляд остановился на мне.

— Госпожа Ларина, вы ничего не хотите изменить в своих показаниях? Может быть, что-то добавить?

Я неуверенно пожала плечами, не зная, что могу еще сказать.

— Моей дочери нечего добавить, — озвучил за меня папа.

Ротт еще с минуту задумчиво молчал, а потом вдруг резко встал и заявил:

— Что ж, я услышал достаточно. Вильям Нот, вы арестованы до дальнейшего выяснения обстоятельств и будете доставлены в Легион.

Судя по выражению лица Нота, он никак не ожидал такого поворота событий. Честно говоря, я и сама не ожидала. Я снова посмотрела на Нормана и поняла: для него это тоже сюрприз.

Охранник заставил Нота встать и повел к выходу. Нам Ротт тоже разрешил идти, поэтому мы с папой поднялись со своих мест. Он придерживал меня за плечи, дожидаясь, пока Нота выведут.

— Что вы делаете? У вас нет никаких доказательств. Она же сама ничего толком не помнит! — возмутился тот. — Ротт, это беспредел!

— Легион разберется, — холодно пообещал ему старший легионер столицы, тоже поднимаясь со своего места.

Дальше все произошло стремительно. Нот оттолкнул охранника и выбросил в мою сторону руку. Я не поняла, какое заклятие сорвалось с его ладони, но Норман и папа среагировали одновременно. Пока я в ужасе таращила глаза, папа заслонил меня собой и закрыл нас обоих щитом, а Норман в ту же секунду бросил ударный импульс. Нот повалился на пол, а Ротт бросился на него сверху и придавил к земле.

— Джед, браслеты! — крикнул он.

Его помощник извлек из воздуха два широких серых металлических браслета и по очереди застегнул их на запястьях Нота. После чего они со старшим легионером подняли Нота с пола.

У меня душа ушла в пятки, когда я снова увидела лицо теперь уже бывшего

преподавателя: оно было искажено злобой, глаза горели безумием.

— Мы все равно достанем тебя! — крикнул он мне. — Все равно достанем! Истинный король вернется — и Объединенное королевство ждет возрождение! Ты не помешаешь этому! Никто из вас этому не мешает!

— Уведите его! — рявкнул Ротт помощнику и растерянному охраннику.

Те с трудом вытащили озверевшего Нота из кабинета, а Ротт, ректор и Норман почти одновременно подошли ближе, глядя на меня с тревогой.

— С вами все в порядке? — озвучил общий вопрос Ротт.

Норман только стискивал челюсти и кулаки, как будто с трудом сдерживал себя. Мне отчаянно захотелось снова оказаться в его объятиях, в которых я всегда чувствовала себя в безопасности, но такую роскошь я сейчас позволить себе не могла. Зато папа продолжал обнимать меня за плечи, а этого я хотела ничуть не меньше. Потому что я совершенно точно была не в порядке.

— Что я ему сделала? — мой голос противно дрожал, когда я озвучила мучавший меня вопрос. — О чем он говорил? Какой еще король?

— Это девиз монархистов, — поморщившись, объяснил Ротт.

— Существует довольно старое предсказание, — более развернуто объяснил ректор. — Когда вернется истинный король, Республику ждет новый расцвет. Монархисты немного переиначили его. Надо же, я никогда бы не подумал, что Вилл один из них...

— Я-то здесь при чем? Чем я могу помешать? — меня продолжало колотить крупной дрожью, перекошенное лицо Нота все еще стояло у меня перед глазами. Откуда в нем взялось столько ненависти ко мне?

— Монархисты — сумасшедшие фанатики, — вставил Норман тихо. — В их действиях не стоит искать смысл. Они могут убедить себя и друг друга в чем угодно.

— Не бойтесь, госпожа Ларина, — Ротт ободряюще улыбнулся мне. — Теперь вы в безопасности. Нот сюда уже не вернется. И я сомневаюсь, что в Орте есть другие внедренные монархисты.

Я кивнула, хотя его слова меня совершенно не успокоили. После этого Ротт откланялся, выразив надежду, что больше он Орте в ближайшее время не понадобится.

— Что ж, теперь вы, госпожа Ларина, наконец можете отправиться на каникулы, — ректор улыбнулся мне. — Надеюсь, эти события не отвратят вас от продолжения обучения, и мы увидим вас во втором семестре.

— Об этом мы еще подумаем, — угрюмо заявил папа.

— Не слушайте его, — отмахнулась я, пытаясь взять себя в руки и перестать дрожать. — Конечно, я вернусь. Я ведь теперь... *в безопасности*.

— Рад слышать, — ректор едва заметно нам поклонился и направился к двери.

Норман повторил эти движения, но едва он сделал несколько шагов, как папа его окликнул:

— Профессор Норман, постойте! У нас к вам еще одно крошечное дело.

Норман снова повернулся к нам, глядя на папу с вежливым любопытством. А тот чуть сжал мои плечи и мягко велел:

— Таня, верни перстень своему преподавателю.

Я на мгновение замерла, не зная, что делать. Растерянно посмотрела на перстень, потом на Нормана. Тот попытался прийти мне на помощь:

— Господин Ларин, ваша дочь уже пыталась его вернуть, но это был подарок. Этот

перстень мне не нужен, а ей он очень подходит...

— Моя дочь не может принять от вас такой подарок, — невежливо перебил папа. Я видела, что он снова начинает злиться. Вообще-то он у меня замечательный: добрый, щедрый, понимающий. Если его не злить. Тогда он может встать в позу и, чего доброго, действительно не пустить меня в Орту во втором семестре.

Я коснулась его плеча, пока он не сказал что-нибудь еще и, снимая перстень с пальца, подошла к Норману.

— Спасибо вам за все, профессор Норман, — поблагодарила я, стараясь взглядом сказать ему, что это временное решение. Просто чтобы не обострять. — Но мне действительно лучше его вернуть.

Я взяла его руку и вложила перстень в ладонь, на мгновение сжав ее в своих руках. Я надеялась, что папа этого не увидит, а Норман все поймет правильно. Однако тот выглядел таким растерянным. Я не могла поручиться, что мое «послание» дошло до него.

— Увидимся с вами через месяц, — пообещала я, улыбнувшись.

Он посмотрел на перстень на своей ладони, потом сжал руку в кулак и по привычке спрятал обе руки за спиной. Довольно отстраненно произнес:

— Хороших вам каникул, госпожа Ларина.

Эти каникулы стали самыми унылыми за всю мою жизнь. Теперь папа знал все и про нападение во время бала, и про низших в подземельях Орты, а история с Нотом окончательно добила его. Поэтому мне в первый же день устроили разбирательство на тему: «Почему ты нам ничего не сказала?» Я огрызнулась в ответ и спросила, не хотят ли они мне что-нибудь объяснить. Например, почему вдруг монархисты решили меня убить. Разговор как-то сам собой тут же свернулся. Я не стала настаивать. Правду мне уже рассказал Норман, не верить ему я не видела причин.

В остальные дни папа хмурился, мама тайком плакала. Они то вместе, то порознь пытались убедить меня не возвращаться в Орту, но я, как заведенная, повторяла, что мне уже ничего не грозит. Как минимум в самой Орте. При этом большую часть времени я сидела дома, потому что ужасно боялась. Я в полной мере прочувствовала то, о чем в последний учебный день говорил мне Норман: о жизни под страхом смерти. Теперь у меня еще и перстня его не было, и в случае чего он не смог бы мне помочь. Поэтому я изучала магическую медицину, просматривала учебники на будущее, торчала в интернете и выбиралась на улицу только в компании родителей или в первой половине дня, до наступления темноты.

О Нормане я думала чуть чаще, чем постоянно. Вспоминала наш разговор в лазарете и его лицо в тот момент, когда отдала перстень. Я пыталась убедить себя, что он все понял правильно, но изнутри грызло смутное ощущение, что я совершила большую ошибку.

Конечно, я встретилась с Ингой и все ей рассказала, включая ночные события в лазарете. Только истинную личность Нормана так и не упомянула. Подруга и без этого пришла в дикий восторг и радостно воскликнула:

— Я же говорила! Не император, конечно, и не ректор, но тоже ничего.

Я криво усмехнулась. Да уж, не император, всего лишь бывший король. От этой мысли меня снова кинуло в жар. От осознания, насколько я ему не подхожу. Однако у Инги было другое мнение на этот счет.

— Только вот, солнце мое, а не слишком ли он староват?

Я пожала плечами. Конечно, раньше я и сама смотрела на ровесниц, встречающихся с так называемыми «папиками», как на сумасшедших. Мне казалось, что никакой супермодный «айфон» и никакая суперкрутая машина не стоят того, чтобы спать с мужиком, который тебе в отцы годится. Но вспоминая поцелуй Нормана и реакцию собственного тела на него, я начинала подозревать, что не все могли соблазняться «айфонами» и машинами.

— Он не старый, — я покачала головой, размешивая ложечкой кофе, просто чтобы чем-то занять руки. — Если бы ты его увидела, у тебя бы и вопроса такого не возникло. Он... — я запнулась, подбирая слова. Сердце моментально понеслось галопом и дыхание участилось, как всегда, когда я думала о нем. — Ты не представляешь, какие в нем сила и уверенность в себе. Он как та самая пресловутая каменная стена. Кажется, спрячься за ним — и никакое горе тебя никогда не коснется. Он уже трижды спас мне жизнь. И если первый раз еще можно объяснить его личной заинтересованностью, раз уж он отвечал за последствия того проклятия, то в двух других случаях он просто все бросал и приходил мне на помощь. И дело не только в этом, — волнуясь, добавила я, чтобы мое отношение к нему не выглядело, как простая благодарность. — Он вообще не похож на мужчин, которых я встречала раньше. И

взрослых, и парней. Это другое... не знаю, воспитание, что ли. Другая порода. Он галантный, заботливый, умный... не просто умный — мудрый! Да, он взрослый. Да, у него в анамнезе столько всего в прошлом... — я замолчала, снова почувствовав, как горлу подкатил ком от мысли о его отношениях с Роной Риддик. — Он многое потерял и многое пережил, но это делает его только лучше, понимаешь?

Инга выразительно смотрела на меня, подпирая подбородок обеими руками. На мой вопрос она с усмешкой кивнула.

— Понимаю, подруга, еще как понимаю. Ты по уши влюбилась. Я даже не думала, что увижу мадам Трезвый Ум и Великий План такой. Как понимаю, что ты его за муки полюбила, а он тебя за состраданье к ним, — нараспев продекламировала она. — Вот только не забудь, что когда тебе станет лишь слегка за тридцать, ему перевалит за пятьдесят.

Я хмуро посмотрела на нее исподлобья.

— Я тебя ненавижу, ты знаешь это?

— Неправда, — рассмеялась Инга, — ты меня любишь.

И в этом она, конечно, была права.

Меньше, чем за неделю до конца каникул, папа предпринял еще одну попытку уговорить меня бросить обучение в Орте. На этот раз он решил пойти в обход: зашел вечером в мою комнату, где я читала учебник по магической медицине в ожидании ужина, сел рядом со мной на диван и мягко поинтересовался:

— С каких пор тебя так увлекла медицина?

— С тех самых, как на моих руках человек едва не истек кровью до смерти, а я ничего не могла сделать для него, — спокойно ответила я, вкладывая между страниц закладку и закрывая учебник.

— Ты говоришь про своего преподавателя?

Я кивнула, но распространяться дальше не стала. Папа немного помолчал, а потом снова спросил:

— Неужели после всего, что ты пережила в Орте, ты хочешь туда вернуться?

— Но ты же слышал господина старшего легионера столицы, — я улыбнулась, стараясь выглядеть беспечной, как делала это каждый раз, когда начинался этот разговор, — мне теперь ничего не грозит.

— Да, но сначала на тебя напал сын канцлера. Потом оказалось, что его надоумила сокурсница. Потом выяснилось, что ею манипулировал ваш преподаватель. Но если он член монархической группировки, его тоже кто-то настроил против тебя... Значит, ты все еще в опасности в магическом мире. Не лучше ли вернуться домой? Еще не поздно найти работу. Или, хочешь, сначала съезди куда-нибудь отдохнуть. Возьми Ингу с собой. Я оплачу вам любой тур.

Это было уже серьезно. В ход пошла тяжелая артиллерия. Какая девушка в здравом уме променяет возможность отдохнуть и потусить с подругой где-нибудь на песчаном берегу, когда дома зима, на сомнительную учебу и смутную угрозу?

— Папа, если ты знаешь что-то об опасности, которая мне грозит, может быть, просто расскажешь? — предложила я, как делала уже тоже не раз. — Кто такие эти монархисты? О каком короле говорил Нот? Почему я могу им помешать?

Папа долго молча смотрел на меня, а потом неожиданно признался:

— До того, как мы покинули магический мир, я был старшим легионером столицы. И по долгу службы, конечно, противостоял монархическому культу. Делал я это достаточно

успешно, чтобы они решили меня убить. Оказалось, у них есть свои люди даже в Легионе. Меня предупредили, только поэтому мы все до сих пор живы. Но магический мир нам пришлось оставить. И я не хотел тебя пускать туда именно по этой причине. Но потом...

— Потом ты узнал, что кто-то убивает девушек из семей Покинувших, которые отказались пойти на спецкурс.

На его лице отразилось удивление, но он не стал возражать, только молча кивнул.

— Я решил, что если отправлю тебя в Орту совершенно неподготовленной, без артефакта, тебя либо быстро отчислят, либо ты сама взбесишься и сбежишь. Тогда бы ты не попала в списки отказавшихся учиться. Ты бы попала в списки отчисленных. А это совсем другое дело. Впрочем, раз они внедрили в Орту своего человека, они не доверяли спискам. Но план у нас с мамой был такой. Прости, я должен был тебя предупредить, но я не хотел, чтобы ты жила в страхе, как мы. Хотел, чтобы у тебя была обычная жизнь с обычными проблемами.

— Но почему они так сильно хотят убить именно меня? — это все равно оставалось для меня непонятным.

— Потому что они трусы, — резко заявил папа. — Они до сих пор боятся меня, бьют по самому слабому месту и по самому дорогому для меня человеку — по тебе. И они не остановятся.

На его лице в этот момент отразилось такое отчаяние, что мне стало его по-настоящему жаль. Наверное, ужасно осознавать, что дорогой тебе человек попал под удар только потому, что ему не повезло оказаться частью твоей семьи. Я бы на его месте чувствовала себя очень несчастной. Мне захотелось немного увести тему в сторону.

— А чего они вообще хотят? О каком короле идет речь?

Папа помедлил, прежде чем отвечать, но потом, видимо, решил, что раз тайны не смогли меня защитить, пора попробовать другой подход.

— Принято считать, что они хотят привести к власти потомка одного из последних великих королей, — папа почти дословно повторил слова Ротта, но потом удивил меня: — Вероятнее всего речь идет о потомке Гордона Геллерта.

— Почему именно его?

— Ну, Норд Сорроу наследников после себя не оставил, — папа пожал плечами. — Рона Риддик детей тоже так и не родила, невзирая на шестилетний брак с сэром Гордоном... Или как его тогда называли лордом Геллертом. Говорят, это из-за почти постоянно истощенного магического потока. Последние годы своей жизни она положила на то, чтобы избавить магический мир от низших. Они же ее и погубили, когда ее мечта почти осуществилась.

— Да, я знаю, — кивнула я и поспешно добавила: — На Истории рассказывали.

— А Гордон Геллерт еще год правил без нее, потом отдал власть правительству Второй Республики, а сам удалился на уединенный остров. Говорят, он так и не смог жить полной жизнью без любимой супруги.

Что-то было такое в тоне отца, что дало мне понять: в эту романтическую деталь истории он не очень-то верит.

— А как на самом деле? — поинтересовалась я нейтральным тоном.

— На самом деле он собирался жениться во второй раз и выбирал себе супругу. Ему нужен был наследник. Однако все знали, что леди Рона собиралась вернуть власть республике. Его вынудили поступить так, как она хотела, и на тот остров просто-напросто

сослали. И там у него были и любовницы, и внебрачные дети. Так что если чей-то наследник и стремится к власти, то его.

— А кто сделал предсказание насчет возвращения истинного короля и нового расцвета Республики? — после недолгого молчания уточнила я.

— Один ясновидящий примерно три века назад. Увидел это во сне. А что?

— Да так, — я отмахнулась. — Интересно стало просто.

У меня, конечно, были свои мысли насчет того, кто именно имелся в виду в этом предсказании как «истинный король».

— И давно эти монархисты терроризируют Республику?

— Да практически с самого ее основания. Но последние лет тридцать или сорок ситуация становилась все хуже. Республика переживает кризис, а они его усугубляют. И чем слабее становится Республика, погрязшая в коррупции, тем сильнее становятся монархисты. Потому маги и начали возвращаться в мир людей.

— Как будто здесь намного спокойнее, — фыркнула я. — Такой же кризис, коррупция и терроризм. Повсеместно.

Папа улыбнулся.

— Мы хоть и обладаем силой магического потока, но по сути мы те же люди. А человек всегда стремится куда-то в поисках лучшей жизни. Так как насчет моего предложения?

Я обняла его за шею, поцеловала в щеку и активно помотала головой.

— Спасибо, папа, но я все же предпочту вернуться в Орту и закончить начатое. Не хочется этого говорить, но я согласна с Роттом. Едва ли у монархистов в Орте было больше одного агента, а он раскрыт. Я действительно думаю, что сейчас это самое безопасное для меня место. Да и если они захотят, они и тут до меня доберутся, а в Орте я научусь хоть как-то себя защищать. Знаешь, один из преподавателей сказал мне, что нельзя просто отказываться от открывшейся в жизни возможности из-за возникающих трудностей. Надо приложить усилия, иначе я привыкну пасовать и так ничего не добьюсь в жизни.

— Дай угадаю, — вздохнул папа, — опять твой Норман?

— Он не мой Норман, — возразила я, отведя взгляд в сторону. — Он просто Норман. Профессор Ян Норман.

— Ну да, ну да... — папа еще раз вздохнул. — Ты уверена, что он желает тебе добра?

— Он не дал мне ни одного повода думать иначе. — Я снова посмотрела на него. — Он хороший человек, папа. Правда. И очень много для меня сделал. То, как ты разговаривал с ним... Это было несправедливо. Грубо. Если бы не он, меня бы уже не было в живых.

Папа посмотрел на меня как-то странно. Возможно, догадался, что в моем отношении к Норману есть нечто большее, чем обычные уважение и благодарность. Я уже ждала от него лекции на тему того, как неосмотрительно влюбляться во взрослых мужчин, но он сказал совсем другое:

— Этот перстень, который он тебе давал... Раньше я этого не знал, но когда искал артефакт для тебя, случайно выяснил: такой же был у Роны Риддик. Не знаю, может ли это быть тот же перстень или он просто похож, но лучше его не использовать.

Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок.

— Почему?

Папа отвернулся и пожал плечами. Как мне показалось, немного смущенно.

— Она ведь Развоплощенная, Таня. Ее магический поток все еще существует где-то... как-то. И, надо полагать, ждет ревоплощения. Можешь считать меня параноиком, но мне

кажется плохой идеей использовать артефакт, который когда-то фокусировал ее поток.

Мое сердце пропустило удар или два.

— То есть... Перстень что? Может... ревоплотить ее во мне? Seriously?

— Ревоплощений в истории магического мира еще не было, — напомнил папа. —

Никто не знает, как это может произойти. Теорий много. Фактов — ноль. Возможно, это даже не тот перстень. Откуда королевское украшение у преподавателя Орты? Но зачем рисковать лишний раз?

Я не знала, что на это ответить, а потому снова уткнулась в учебник, хотя уже не видела ни одной буквы. Папа еще какое-то время молча смотрел на меня, а потом резюмировал:

— Что ж, ты уже достаточно взрослая, чтобы принимать собственные решения. Тем более мои оказались не очень эффективны. Теперь ты знаешь больше о ситуации. Если ты при этом все равно хочешь вернуться в Орту, я препятствовать не стану. Просто будь осторожна.

— Я буду, папа. Обещаю.

В Орту я возвращалась в несколько смятенных чувствах. Папины слова насчет перстня, конечно, мучали меня, рождая нехорошие мысли. Но однажды я уже целый месяц сводила себя с ума подозрениям насчет Нормана, доверившись чьим-то бездоказательным предостережениям. Второй раз я не собиралась совершать эту ошибку, решив, что надо выслушать и его мысли на этот счет.

Едва пройдя через «вертушку» и оказавшись в холле университета, я неожиданно почувствовала себя дома. Даже странно, что я успела так привязаться к этому месту. Или дело все-таки не в месте?

Мне хотелось напрямик отправиться к Норману, но я удержала себя. Раз уж наши отношения не только вне школьных правил, но еще и вне закона, стоило вести себя более осмотрительно.

Хильда была очень рада меня видеть, сказала, что все каникулы переживала о случившемся, но не знала, как со мной связаться. Я подумала, что нам действительно стоит обменяться какими-то контактами, хотя бы «подружиться» в соцсетях.

Когда я ей рассказала всю историю с Нотом, она лишилась дара речи. И молчала, наверное, целую минуту, прежде чем выдохнуть:

— Жесть какая... А он мне так нравился. Такой... веселый. Кто бы мог подумать?

— Да, я и сама не могла.

— Но почему? — она смотрела на меня со смесью страха и недоверия. — Почему он хотел тебя убить?

После недолгих колебаний, я призналась ей:

— Мой отец был старшим легионером столицы. Его пытались убить, всех нас пытались убить. Поэтому мы покинули магический мир и поэтому родители не хотели, чтобы я в него возвращалась. Возможно, монархисты пытаются убить меня, потому что не готовы нападать на моего отца.

Глаза Хильды распахнулись так широко, что грозили выпасть. Шепотом она поинтересовалась:

— Так ты Вонен? Твой отец — Верд Вонен?

— Ты нас знаешь? — настала моя очередь удивляться.

Хильда активно кивнула.

— Мой папа был среди тех, кто пытался помешать заговору против Верда Вонена, — все так же шепотом, словно боялась, что кто-то ее услышит, призналась Хильда.

— Верд Вонен бежал за Занавесь, власть в Легионе сменилась, и моих родителей выслали. Такая вот история.

Какое-то время мы растерянно смотрели друг на друга. Казалось невероятным, что в первый день в Орте я подружилась именно с ней. Видимо, судьбы некоторых людей сплетаются так сильно, что дороги пересекаются даже у их детей.

Первого учебного дня я ждала с нетерпением, хотя, к сожалению, начинали мы учиться в четверг. Расписание при этом осталось таким же, поэтому занятия по ТРЗ предстояло ждать еще целую неделю. Но я надеялась столкнуться с Норманом в столовой, спортивном комплексе, библиотеке или, на худой конец, в коридоре. Тогда бы мы смогли договориться о встрече.

Однако реальность меня жестоко разочаровала. Первый раз мы действительно пересеклись утром в столовой. Когда я пришла туда, Норман уже сидел за одним столом с другими преподавателями. Он заметил меня, кивнул в ответ на мой кивок, но даже не улыбнулся, тут же перевел взгляд на профессора Дангла, с которым что-то очень живо обсуждал. Я решила не нервничать, посчитав, что он просто шифруется. Это раньше он мог позволить себе уделять мне больше внимания, пока мы оба знали, что оно вполне невинно.

То же самое я сказала себе, когда после физической подготовки и добавившегося к ней фехтования мы пересеклись в библиотеке. Он снова едва взглянул на меня, даже не подошел. Но я была в компании Хильды и Андрея, нам требовалось взять несколько дополнительных книг. При моих друзьях он едва ли мог чувствовать себя свободно.

И только когда после ужина мы снова случайно пересеклись в коридоре, в котором не было никого, кроме нас двоих, а он все равно прошел мимо, не заговорив со мной, я поняла, что что-то не так. Скрытность скрытностью, но не до полного взаимного игнорирования же!

Еще час я просидела в комнате, обдумывая его поведение и возможные причины, при этом делая вид, что читаю книгу. Хильда искоса посматривала на меня, но я старалась не обращать внимания.

— Ты бы хоть страницы иногда переворачивала, — со смешком заметила она, наконец. — Это же все-таки не планшет.

Я подняла на нее непонимающий взгляд, а потом решительно захлопнула книгу.

— Я отлучусь на какое-то время, — сообщила я. — Если что, не жди меня, ложись спать. Я постараюсь не шуметь, когда вернусь.

— Куда это ты? — удивилась подруга.

— Надо поговорить с одним человеком.

Она только выразительно приподняла брови, а я не стала больше ничего объяснять, боясь, что она меня отговорит.

Весна в той части магического мира, в которой мы находились, уже успела начаться, невзирая на то, что сейчас было только первое марта. Снег во внутреннем дворе уже растаял и даже после заката температура держалась на уровне комфортных плюс семи градусов, поэтому до учебного корпуса я добежала как была: в джинсах и блузке.

Темные пустые коридоры вновь заставили меня на мгновение испуганно сжаться, прислушиваясь к малейшему шороху. Я все еще не до конца оправилась после нападения Марека. Но я сделала над собой усилие и добежала до кабинета Нормана. В рабочем его не оказалось, личный был закрыт и, скорее всего, тоже пуст, поскольку на мой стук так никто и не ответил. Но в девятом часу вечера Норман вполне мог быть в своих личных комнатах, не сидеть же ему в кабинете весь вечер!

Я попыталась сообразить, где может находиться та дверь в его личные комнаты, через которую в первый день каникул вошла профессор Карр. Пусть далеко не сразу, но мне все-таки это удалось.

Мое сердце колотилось с оглушительным грохотом, заставляя горло в панике сжиматься, когда я постучала в дверь его гостиной и услышала короткое «Войдите». Интересно, у него дверь не запирается или ее отпирает эта команда?

Когда я вошла в гостиную, Норман сидел на диване у камина с книгой, но на этот раз точно не с Гарри Поттером: я успела заметить на обложке буквы алфавита магов.

— Таня? — он заметно удивился. Очень искренне, что немного сбilo меня с толку.

— Не ожидал вашего визита.

Он поднялся с дивана, но ко мне не подошел, остался стоять на месте в своей обычной позе: спина прямая, плечи развернуты, подбородок чуть приподнят, руки сцеплены за спиной. На нем все еще были форменные брюки, он успел снять только сюртук, оставаясь все в той же — или просто такой же — черной футболке с длинным рукавом.

— Неужели? — тихо спросила я, в момент теряя всю свою решительность. — Я думала... думала, вы будете рады меня видеть.

Он несколько секунд молча смотрел на меня, а потом кивнул.

— Я действительно рад видеть вас в добром здравии. И рад знать, что вы все-таки нашли в себе силы не бросить учебу в Орте.

Происходящее казалось мне дурным сном. Неужели в день разбирательства я неверно истолковала его жест? Или ошибка закралась в матрицу моей реальности еще в предыдущую ночь? Может быть, его визит мне все-таки приснился?

Меня бросило в жар, щеки моментально загорелись, я опустила взгляд в пол, так и оставшись стоять в двух шагах от двери.

— Вы хотели мне что-то сказать? — спросил Норман. — У вас снова какие-то проблемы? Я могу чем-то вам помочь?

Ровный... равнодушный голос. Я почувствовала, как глаза защипали слезы. Я все еще не верила в то, что наш разговор и страстные поцелуи мне приснились, но с тех пор прошел месяц. Что-то могло измениться. Как тогда сказала профессор Карр? Профессор крайне щепетилен в этом вопросе.

— Нет, — мой голос прозвучал едва слышно. Не знаю, что в этот момент творилось с моим лицом, но Норман нахмурился и сделал ко мне несколько шагов, оказавшись на расстоянии вытянутой руки. Мои пальцы почти свело судорогой от желания эту самую руку протянуть и прикоснуться к нему. — Простите, профессор Норман, — я попыталась изобразить улыбку, но, наверное, получилась жалкая гримаса. — Кажется, я... ошиблась. Простите, что потревожила...

Я повернулась, чтобы уйти, он, видимо, хотел меня проводить, но в последний момент я передумала. Поняла, что если все не выясню, буду изводить себя вопросами до конца семестра. Я резко повернулась обратно, так и не сдвинувшись с места, и он почти налетел на меня. Ему даже пришлось коснуться рукой моего плеча, чтобы не потерять равновесие.

— Нет, Ян, я должна знать... Просто скажите прямо... — я запинаясь, тяжело дыша от волнения и с трудом вытаскивая из себя слова, не решаясь посмотреть ему в глаза. — Ночь... лазарет... Вы приходили меня навестить или мне все приснилось?

— Вам ничего не приснилось, — признал он после паузы, так и стоя почти вплотную ко мне. Его голос перестал быть ровным и равнодушным. Теперь я слышала, что его дыхание тоже сбилось. — Ни ночь, ни лазарет, ни мой визит, ни... все что было во время этого визита.

Только тогда я наконец осмелилась поднять на него взгляд. Он все еще хмурился, как будто чего-то не понимал, серые глаза что-то искали на моем лице. Ответ на какой-то не заданный вопрос.

— Тогда что изменилось? — почти прошептала я.

— Но вы же... то есть, твой отец... — первый раз на моей памяти Ян Норман не мог подобрать слов. Он нахмурился еще сильнее, как будто разозлившись на себя, тяжело сглотнул и выпалил уже с привычной уверенностью в тоне: — Мне показалось, что твой отец крайне недоволен моим участием в твоей судьбе. Что, конечно, вполне понятно. И я

решил, что, вернув мой подарок, ты показываешь, что согласна с его позицией.

— Да я просто не хотела провоцировать скандал, — я нервно выдохнула, не зная, заплакать мне или засмеяться. — Вдруг бы я нас выдала? Я пыталась дать вам понять... Видимо, безуспешно.

— Теперь я вижу, что неправильно понял твой жест, — он наконец улыбнулся знакомой призрачной улыбкой.

Его рука неожиданно коснулась моей щеки, и я не смогла удержаться от того, чтобы закрыть глаза, наслаждаясь долгожданным прикосновением. К первой руке тут же присоединилась вторая. Они убрали волосы, падающие мне на лицо и секунду спустя я почувствовала его дыхание на моих губах и едва осязаемое прикосновение. Такое легкое, почти невесомое. Он словно давал мне возможность остановить его. И это снова поразило меня. Он же все-таки бывший король. И пусть он не ожидал им стать, он все равно родился наследным принцем. Разве такие люди не приучены брать, не спрашивая? Того же Марека Кролла мало интересовало мое согласие.

Я обещала себе подумать об этом позже, сейчас предпочитая обнять его и прижаться сильнее и к его губам, и к его телу, давая понять, что согласна на все. Этого простого движения оказалось достаточно, чтобы поцелуй стал глубже и требовательнее. Норман крепко обнял меня в ответ, притягивая еще ближе, насколько это было физически возможно. Я уже чувствовала грудной клеткой, с какой бешеной скоростью бьется в его груди сердце. Мое собственное ничуть не отставало.

Его губы оторвались от моих, но только для того, чтобы коснуться шеи. Я запрокинула голову, чтобы ему было удобнее щекотать дыханием чувствительную кожу. Рука сама собой оказалась на его затылке, пытаясь направить туда, где мне хотелось чувствовать прикосновения.

Кожа горела по всему телу, я вся горела изнутри. Я чувствовала его руки на своей спине, как они скользят по ткани блузки, как перемещаются и сжимают мою грудь, но этих ощущений не хватало. Слои одежды гасили львиную долю удовольствия.

— Ян... — прошептала я, но на этом запнулась.

Что я могла ему сказать? Как в дурном романе простонать: «Возьми меня»? Или как в пошлой порнушке: «Трахни меня»? Одно звучало глупо, другое — мерзко. Я не боялась идти до конца. Да что там боялась? Я хотела идти до конца и даже дальше, но внезапно оказалось, что не знаю, как сказать ему об этом. Я не была девственницей, но сейчас нервничала больше, чем в свой первый раз. То был сознательный эксперимент с хорошо знакомым мне парнем, который сам меня на это всячески уговаривал. Я испытывала скорее любопытство, чем желание и возбуждение. Возможно, поэтому физическая близость до сих пор не очень-то меня впечатляла. Но сейчас я заранее знала, что все будет иначе.

Норман выпрямился и посмотрел мне в глаза. Его собственные казались темнее, чем обычно. Один взгляд — и он все понял без всяких слов и унижительных просьб с моей стороны. Коснулся пальцами моих губ, потом скользнул вниз, по подбородку, по горлу к маленькой впадине внизу, между ключиц, задел кулон с изумрудом и наконец добрался до первой пуговицы блузки. Вскоре они все оказались расстегнуты. Только когда его пальцы вновь вернулись к ключицам и, едва касаясь кожи, тут же скользнули к низу живота, я вдруг подумала, что не рассчитывала на подобное развитие событий, а потому явилась к нему в самом обычном белье, которое было скорее удобным, чем красивым. Конечно, такая мелочь уже едва ли могла остановить меня. Или его, если уж на то пошло.

Однако в следующее мгновение он действительно остановился. Прежде, чем я успела что-то спросить, одним быстрым движением подхватил на руки. От неожиданности я охнула, обхватив его руками за шею.

— Что ты делаешь?

— На этот раз наконец именно то, что хочу, — с улыбкой сообщил он, ногой распахивая дверь спальни. — Кстати, спасибо, что наконец перешла на «ты». Я боялся, что ты опять начнешь «выкаты», это совершенно сбило бы меня с настроения. Могло получиться неловко.

Я рассмеялась, испытывая огромную благодарность за эту шутку: она немного сняла напряжение и стерла границы, которые я до сих пор чувствовала где-то на уровне подсознания. А он уже осторожно отпустил меня, и я снова почувствовала ногами пол. Который тут же поплыл, стоило ему стянуть с меня блузку. Я поняла, что зря переживала за нижнее белье: его оно вообще не интересовало, ибо в считанные секунды я оказалась совсем без одежды, прижатая к поверхности огромной кровати весом его тела, такого же обнаженного, как мое. Наконец никаких преград между нами больше не осталось. Кроме виртуальных, на которые нам обоим сейчас было наплевать.

Он был нетороплив, но действовал уверенно. Он знал меня лучше, чем я сама себя знала. Его губы все время оказывались там, где я не ожидала их ощутить — бесстыдные, требовательные и нежные. Руки неизменно находили места, острее всего отзывавшиеся на его ласки. Словно он занимался со мной любовью не в первый, а в сто первый раз. Разумная часть меня поняла бы, что такое умение может быть только результатом большой практики, но разум оказался не приглашен на эту вечеринку. Только чувства. Если какие-то мысли и возникали в черепной коробке, то тут же таяли, когда он снова и снова срывал с моих губ стон удовольствия и тут же ловил его губами. Как бы сильно я ни жаждала разрядки, мне не хотелось, чтобы это заканчивалось.

Но каким бы неспешным ни был наш темп, все рано или поздно доходит до финала. Нет, я не увидела перед глазами вспышку Сверхновой, не разлетелась на осколки и не взорвалась цветным фейерверком. Я просто на мгновение задохнулась, впиваясь ногтями в кожу его плеч, захлебнулась вскриком, который не смогла удержать в себе, и впервые в жизни ощутила себя по-настоящему цельной. И просто неприлично счастливой.

Мысли появились позже. Ворвались в мой мозг скачущими дикими жеребцами. Я вспомнила, что совершенно забыла о том, о чем мама настойчиво не рекомендовала мне забывать с тех пор, как мне исполнилось тринадцать: о предохранении. Однако эту мысль я с легкостью отбросила в сторону, решив, что начну психовать по этому поводу не раньше, чем случится задержка. Если она случится.

От второй мысли отмахнуться оказалось сложнее. Понравилась ли я ему? Было ли ему со мной так же хорошо, как мне с ним? Я, конечно, слышала, что мужчина свое удовольствие получает всегда, а женщина — как повезет, но удовольствие удовольствию рознь. Несмотря на все мои «свободные» взгляды, которые я однажды истерично излагала Норману, я во многом оставалась теоретиком и большим опытом похвастаться не могла. Что если я показалась ему «бесчувственным бревном»? Недостаточно страстной, недостаточно смелой?

В следующую секунду меня бросило в другую крайность: а что, если он разочарован не тем, что я недостаточно искусна в постели, а наоборот тем, что у меня есть предыдущий опыт? Ведь Нот пытался его разозлить, намекая на мою доступность и «испорченность». Я понятия не имела, насколько маги — особенно древние короли — ценят такую пикантную деталь, как девственность.

На фоне этих внутренних сомнений вопросы вроде «А что дальше?» звучали в моей голове гораздо тише. Как ни странно, про перстень я не вспомнила вообще ни разу.

Я машинально потянула на себя тонкое одеяло, укрывшись им до самого подбородка и повернула голову к Норману. Он лежал на спине с закрытыми глазами и только пока еще тяжелое, прерывистое дыхание выдавало, что он не уснул, едва все кончилось. Однако понять по его виду, что он сейчас думает обо мне, было нереально.

Я повернулась на бок, почти зарылась лицом в подушку и осторожно коснулась его плеча.

— Все в порядке?

Он открыл глаза и удивленно посмотрел на меня.

— В каком смысле?

— Ну... — растерянно протянула я, не зная, как сформулировать свой вопрос. — Ты не разочарован?

«Боже мой, — мысленно простонала я, — как же трудно, когда влюблена по уши. Говоришь ерунду, делаешь ерунду, в голове сумбур, в сердце вообще бардак».

Норман тоже повернулся на бок, глядя на меня со смесью удивления и любопытства. Он подпер голову рукой и посмотрел на меня сверху вниз, и я едва удержалась от того, чтобы натянуть одеяло до самой макушки.

— Разочарован — чем?

Я неловко пожалала плечом, глядя куда угодно, только не ему в глаза.

— Тем, что... Как там Нот это сформулировал? Девочкой не была?

Секунды две он молчал, а потом тихо рассмеялся, неожиданно сгреб меня в охапку и поцеловал в висок.

— Таня, вообще-то я уже и сам давно не мальчик, чтобы обращать внимание на подобное.

Этот ответ меня заметно ободрил: желание свернуться эмбрионом и спрятаться под одеялом исчезло. Я с удовольствием вытянулась на постели рядом с ним, снова прижимаясь к его сильному телу и кладя голову ему на плечо. Даже сейчас я ощущала едва уловимый аромат мяты и цитруса.

— Просто ты так злился, ревнуя к Ноту, — тихо заметила я. — Вот я и напряглась.

— Если бы ты предпочла мне Нота, я бы, пожалуй, действительно злился, — не стал отпираться он. — И не ревновать не обещаю. Но все, что было до меня, не имеет значения.

Я улыбнулась и решила не смешить его еще больше, спрашивая, понравилось ли ему заниматься со мной любовью. Предпочла просто наслаждаться моментом, в котором находилась: тишиной спальни, его размеренным — и иногда щекотным — дыханием у моего уха, едва ощутимыми прикосновениями пальцев, перебирающих мои волосы. Его теплом, его запахом. Ощущением покоя и уверенности, которые дарили его руки, обнимающие меня. Я рассеяно скользила кончиками пальцев по предплечью той, что лежала на моем бедре, чувствуя тонкие ниточки шрамов, оставленных когтями низшего. На левом боку у него тоже остался шрам. Воспоминания о том, как отчаянно он защищал меня, прокатились дрожью по всему телу. А ведь меня, возможно, все равно будут пытаться убить. И защищая меня, он однажды может пострадать гораздо сильнее. Не говоря уже о том, что если наш роман вскрыется, у Ротта будет шикарный повод утащить его в Легион.

— Хреново как ни крути... — пробормотала я.

Пальцы, перебиравшие мои волосы, замерли.

— Что именно? — голос прозвучал напряженно.

Я чуть отстранилась, чтобы видеть его лицо, коснулась щеки, на которой уже ощущалась щетина, и, ненавидя себя, сказала:

— Девушку себе ты выбрал неудачно. Мало того, что я формально приравниваюсь к несовершеннолетним, так меня еще и убить пытаются с регулярностью три раза за семестр. И то, и другое для тебя чревато проблемами.

Он улыбнулся, неотрывно глядя мне в глаза, перехватил руку, которой я касалась его лица, и поднес ее к губам.

— Я выбрал ту девушку, которую хотел.

От этих слов у меня потеплело на душе, но совсем оставить тему я не смогла.

— Но если о нас узнают, что тебе будет? Тебя арестуют?

— Нота ни разу не арестовали, — он пожал плечами. — Хотя я точно знаю, что у него были отношения и с девушками со спецкурса. Правда, к нему господин Ротт никогда не проявлял такого интереса, как ко мне. Но чтобы такое произошло, кто-то должен пожаловаться в Легион на мое поведение. Ты, твои родители или ректор. Меня не могут арестовать по заявлению других студентов или преподавателей. Именно поэтому слухи про наши отношения меня не очень пугали. Впрочем, если кто-то нас увидит, а потом пожалуется ректору, тот будет обязан донести в Легион.

Я помолчала, переваривая эту информацию. По всему выходило, что опасность не велика, но она существует. Мне не хотелось рисковать ни его свободой, ни тем более его жизнью. Но четыре месяца до конца семестра казались невыносимо долгим сроком.

— Уверен, что не хочешь подождать? — все же спросила я с замиранием сердца. Его риск был куда значительно больше моего, а потому и решать стоило ему. И даже если эти четыре месяца покажутся мне бесконечностью, я предпочту подождать, чем подвергать его опасности.

Норман покачал головой.

— Не хочу, — отрезал он. — Я всю свою жизнь чего-то ждал. Осторожничал. Строил планы, которые так и не сбылись. Я больше не хочу ждать. Я хочу жить.

В его тоне была горечь, которая передалась и мне. Я поняла, что он имеет в виду. Вместо того, чтобы открыто назвать Рону Риддик своей невестой, а потом и женой, он осторожничал и почти не виделся с ней. Вместо того, чтобы однажды все-таки обрести с ней личное счастье, он потерял ее навсегда.

Неприятное ощущение, что я всего лишь замена, способ воплотить мечты, которые были разрушены Гордоном Геллертом, заставило меня передвинуться так, чтобы Норман больше не видел мое лицо. Не знаю, успел ли он заметить что-то. Никаких вопросов он задавать не стал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Какое-то время мы лежали молча, мне даже показалось, что он уснул: его дыхание стало размеренным и глубоким. Я же с интересом рассматривала небольшую татуировку над локтевым сгибом правой руки. Я потянулась к ней пальцами, но стоило мне ее коснуться, как он отдернул руку.

— Не надо, — прошептал Норман. — Не трогай ее лишний раз.

— Что это?

— Метка. Ставится во время привязки к демону. Первая буква его имени. На языке демонов, конечно.

— О... — только и смогла выдохнуть я. — А чем опасно ее трогать? Я ведь наверняка ее касалась... Ну, до этого.

— Я и не говорю, что к ней нельзя прикасаться. Будь это так, я скрывал бы ее повязкой или еще чем-нибудь. Но лишний раз лучше не трогать. Мы скоро будем проходить это, — со смешком добавил он. — Не хватало мне еще в постели лекции читать.

— Хорошо, — я сделала вид, что меня устроил этот ответ.

Похоже, для меня лучшим выбором сегодня было совсем замолчать и перестать шевелиться. А еще лучше уснуть. Или сделать вид. Потому что если я опять наступлю в какую-то тему, которой не стоит касаться, ему может это уже не понравиться. Мне не хотелось с первых же часов новых отношений с ним портить о себе впечатление.

Однако спать мне совершенно не хотелось. Имитировать сон тем более. Поэтому я села на постели, крепко прижимая одеяло к груди.

— В чем дело? — удивился Норман, копируя мое движение. Только одеяло к груди прижимать не стал, конечно.

— Где у тебя ванная? — спросила я единственное, что пришло в голову. — Мне нужно принять душ.

— Так внезапно потребовалось? — теперь в его голосе звучало сомнение. Мое нежелание смотреть ему в глаза только подпитывало его.

— Личная гигиена прежде всего, — я попыталась изобразить улыбку, но получилось плохо.

Вместо ответа он коснулся губами сначала моего виска, потом плеча. Отодвинул в сторону волосы, чтобы поцеловать в основание шеи.

— Я тебе потом покажу, — пообещал он, потянув одеяло и заставив меня выпустить его край из рук.

Ненавязчивое движение — и я снова оказалась на спине, уже не помня, куда собиралась идти, зачем мне это было нужно и из-за чего я вообще расстроилась. Его губы между тем продолжали увлекательное путешествие по моему телу. В этот момент я поняла еще одну важную вещь про Яна Нормана: когда ситуация требовала, он всегда умел найти нужные слова, но когда она позволяла, он предпочитал обходиться без них.

Сон сморил меня, кажется, только под утро. До этого противоречивые эмоции и разные мысли не давали мне полностью отключиться. Но хотя бы кошмары не снились.

Проснувшись я внезапно, как будто меня кто-то толкнул. Тут же распахнула глаза и оглянулась по сторонам, не сразу вспоминая, где я и почему я здесь, а не в своей комнате в общежитии. Нормана рядом уже не было, в спальне царила мертвая тишина. Мне казалось, что и во всей «квартире» так. Либо он сидит где-то очень тихо, либо ушел.

Свои вещи я обнаружила на стуле у стены. Джинсы, колготки и нижнее белье лежали аккуратной стопкой на сиденье, а блузка висела на спинке, благодаря чему не выглядела сильно помятой. Обувь стояла тут же. Какая аккуратность!

Я быстро оделась, пальцами как могла расчесала волосы и сплела их в неаккуратную косу, чтобы не мешались. После этого осторожно вышла из спальни, прислушиваясь. Тишина все же стояла повсюду. В первую очередь я снова нашла ванную комнату, которую Норман, как и обещал, показал мне еще ночью, а после пошла искать его самого.

Он обнаружился в гостиной. Точнее, вошел туда в тот же момент, что и я, только через другую дверь. Он был уже в своей преподавательской форме, аккуратно причесан, гладко выбрит и как всегда великолепен. В руках он держал высокий непрозрачный стакан с крышкой.

— Уже проснулась, — констатировал Норман с улыбкой, подходя ближе и наклоняясь ко мне для быстрого поцелуя. — Доброе утро. Надеюсь, мое отсутствие тебя не напугало?

— Да так, — я деланно безразлично пожала плечами, хотя на самом деле в какой-то момент почувствовала себя на грани паники. — Просто стало интересно, куда ты делся. Какие-то срочные дела прямо с утра?

Он торжественно вручил мне стакан, который держал в руке. Я недоверчиво открыла крышечку и почувствовала, как горло перехватило от внезапных эмоций.

— Боже мой, где ты взял кофе? — растерянно спросила я, глядя на крепкую молочную пену и вдыхая аромат ванили.

— В кафе в Апарин, — он улыбнулся, явно наслаждаясь моей реакцией. — Благо порталом это не занимает много времени, а преподаватели могут покидать Орту не только в выходные. Я так до конца и не понял, какую роль в отношениях мужчины и женщины этот отвратительный напиток играет в твоём мире, но знаю, что ты его очень любишь. И если не ошибаюсь, у людей принято пить его именно по утрам.

— Ты не ошибаешься, — стараясь контролировать голос, подтвердила я, не поднимая на него взгляд.

Я не знала, почему этот простой жест произвел на меня такое впечатление. Может быть, потому что ночью я так и не дождалась слов о любви, которые мне хотелось услышать. А о чем еще мог говорить этот стаканчик с латте? Норман не просто помнил, что я люблю кофе — этот факт, наверняка, уже выжжен у него на подкорке после всех событий. Но он всего один раз видел, как я его пью, и принес мне точно такой же — с горячим вспененным молоком и ванилью. И это не говоря о том, что он потратил на покупку кофе для меня свое время. Возможно, я выдавала желаемое за действительное, но для меня все это выглядело тем самым признанием, которого он так и не произнес вслух.

— Почему у меня такое чувство, что ты сейчас расплачешься? — напряженно уточнил

он, когда я неосторожно шмыгнула носом. Когда я успела стать такой сентиментальной?

— Это от счастья, — заверила я, улыбнувшись и посмотрев на него. Слезы все-таки не собирались позорно побежать по щекам.

— Как мало нужно, оказывается, чтобы сделать девушку счастливой, — он недоверчиво нахмурился. — Кажется, я действительно чего-то не знаю о кофе.

— Да дело-то не в кофе, — отмахнулась я, наворачивая его еще сильнее. — Просто ты — идеальный принц из сказки, в которую такие девушки, как я, очень стараются не верить, но в глубине души все равно верят.

— На самом деле я далек от идеала, — возразил он неожиданно серьезно. — Не хочу, чтобы ты обманывалась на мой счет.

— Возможно, — не стала спорить я. — Но тогда ты очень убедительно прикидываешься идеальным. Делай так всегда, ладно?

Он вдруг рассмеялся и покачал головой.

— Какой же ты еще ребенок, Таня Ларина. Хорошо, думаю, я могу позволить себе какое-то время наслаждаться твоим восхищением мной. Пей свой кофе, пока не остыл. Еще успеешь сделать это здесь, а потом вернуться к себе, пока коридоры Орты не наполнятся студентами.

Он сделал приглашающий жест в сторону дивана. Я не стала отказываться от этого плана, но наконец заинтересовалась вопросом, который сейчас час. Часы на каминной полке показывали начало восьмого утра.

— Ты всегда встаешь так рано?

Он пожал плечами.

— Вообще-то обычно я встаю раньше. Сегодня... — он смущенно улыбнулся, — сегодня просто спалось необычно хорошо. Должно быть, из-за тебя.

— И что ты делаешь все утро? — удивилась я. Для меня это всегда было загадкой. Сегодня я и спала странно, и проснулась непривычно рано, но обычно утром меня интересовал только сон. Мне очень нравилось, что в Орте я могла вставать не раньше восьми. Одного часа до начала занятий мне хватало, чтобы привести себя в порядок (теперь уже не без помощи магии), позавтракать в столовой и добраться до нужной аудитории.

Норман снова растерянно пожал плечами. Похоже, мой вопрос поставил его в тупик.

— Да то же самое, что все люди: завтракаю, тренируюсь, принимаю душ, готовлюсь к занятиям, завтракаю еще раз, потом работаю. Моя жизнь в стенах Орты довольно проста.

— Тренируешься? Это как тогда с иллюзорными противниками на мечах?

Я осеклась, но было уже поздно: он понял, что в тот раз мы за ним подглядывали.

— В том числе, — кивнул он. — Физическую форму необходимо постоянно поддерживать, иначе она быстро теряется. А ты сама видела, что иногда и магам требуются примитивная сила и ловкость.

— А научи меня, — неожиданно попросила я.

— Чему? Фехтованию? У вас же ввели этот предмет.

Я поморщилась.

— Судя по содержанию первого занятия, к концу семестра я только научусь держать меч. Знаешь, я никогда не стремилась быть спортивной или сильной. Считала, что девушке это не нужно. Но когда Марек Кролл швырнул меня об стену, а потом на пол, я поняла, что была права. И с учетом всех обстоятельств... Думаю, мне нужно научиться себя защищать. Ты ведь не сможешь всегда быть рядом.

Он задумчиво кивнул. Я видела, что он не испытывает восторга по поводу моей просьбы, но на мои аргументы ему оказалось нечего возразить.

— Ты права, — вздохнул он. — Я научу тебя, как постоять за себя, но тебе придется заниматься со мной по утрам, пока спортивный корпус пуст.

— Придется стать жаворонком, как ты.

Меня эта перспектива не очень обрадовала, но я надеялась, что один немаловажный аспект будет меня достаточно мотивировать: мы с ним станем видеться чаще. То, что это могло помочь мне выжить, тоже играло немаловажную роль, но регулярные встречи наедине вдохновляли больше.

Норман кивнул, какое-то время молчал, наблюдая, как я пью кофе, а потом сказал:

— Но я надеюсь, ты все-таки позволишь мне снова знать, когда тебе требуется помощь, — с этими словами он достал из кармана сюртука перстень, который отец заставил вернуть ему перед каникулами.

Я замерла, глядя на знакомый изумруд и боясь пошевелиться. Меня обдало холодом, когда папино предупреждение снова прозвучало в голове. Только теперь я вспомнила, что вообще-то собиралась поговорить с Норманом об этом, но после всего, что произошло ночью, казалось странным задавать подобный вопрос.

— В чем дело? — напряженно уточнил Норман, заметив мое смятение.

Сердце гулко забилося, когда я быстро подняла на него взгляд и тут же отвела в сторону.

— Этот перстень... — начала я неуверенно. — Знаешь, почему папа так настаивал на том, чтобы я его отдала? Он узнал, что такой же был у Роны Риддик. И хотя он не уверен, что это тот же самый перстень, он опасается, что через него Развоплощенная может... типа вселиться в меня. То есть, ревоплотиться. Но это ведь действительно ее перстень. Такое возможно?

Я снова осторожно взглянула на его лицо и обнаружила там только крайнее удивление, смешанное с недоверием.

— Полагаю, что такое невозможно, — осторожно ответил Норман через несколько секунд молчания. — Я не хочу ставить под сомнение авторитет твоего отца, но я не знаю, откуда у него такая фантазия. Абсолютно все теоретики сходятся во мнении, что ревоплощенный магический поток способен войти в человека только в тот же период, когда входит его собственный. То есть еще в утробе матери. Если бы можно было сделать это через фокусирующий артефакт, Рону Риддик уже давно ревоплотили бы. Это ведь не единственный артефакт, которым она пользовалась. И далеко не самый главный. В Доме Риддик их хватает, в том числе там хранится ее базовый фокусирующий артефакт. От добровольцев, желающих принять в себя ее магический поток, отбоя не было бы, ведь ее ревоплощения ждет огромное количество магов.

— А ты? — сорвалось у меня раньше, чем я успела себя остановить. Мне не хотелось портить наше утро еще больше, развивая тему ревоплощения его бывшей возлюбленной. И я совершенно не была уверена, что хочу знать ответ на этот вопрос.

Однако Норман только сдержанно улыбнулся и... отрицательно покачал головой.

— Уже нет.

Я облегченно выдохнула и решительно подставила руку, позволяя ему надеть перстень на мой безымянный палец. Почему-то в этот раз это вызвало у меня ассоциации с надеванием обручального кольца. И я поняла, что они мне приятны.

Словно желая усилить мою «свадебную» ассоциацию, Норман наклонился ко мне,

чтобы ненавязчиво поцеловать одними губами, а потом отстранился и улыбнулся шире.

— Знаешь, а кофе, оказывается, гораздо вкуснее, чем я думал до сих пор.

* * *

В нашу с Хильдой комнату я вернулась только к восьми часам утра. Подруга как раз выходила из ванной комнаты, когда я закрыла за собой дверь.

— Я так смотрю, поговорили хорошо, обстоятельно, — усмехнулась она, даже не пожелав мне доброго утра.

Щеки-предатели мгновенно начали алеть. Стараясь не смотреть на Хильду, я прошла к своему шкафу и начала раздеваться. Ужасно хотелось спать, и я серьезно намеревалась впервые в жизни прогулять занятия без всякой видимой на то причины. Ведь затопляющее по самую макушку счастье не могло считаться объективной причиной для прогула.

— Да, поговорили хорошо, — смущенно пробормотала я.

— Поскольку Нот арестован, я полагаю, ты... разговаривала с Норманом? — с любопытством уточнила Хильда.

— Я не собираюсь отвечать на этот вопрос, — фыркнула я. — Тогда тебе не придется врать, если тебя спросят.

— Да ради бога, можешь не отвечать, и так все ясно, — она рассмеялась, подходя к своему шкафу и тоже начиная переодеваться. — Я даже не буду задавать дурацкие вопросы, вроде: «Хорош ли он» и «Понравилось ли тебе». И так видно, что ты удовлетворена сверх меры. Меня одно интересует: ты на занятия собралась идти в пижаме?

— Боюсь, на занятия я сегодня не пойду, — простонала я. — Я всю ночь не спала...

— Надо же, какой ненасытный, — фыркнула Хильда. — Всю ночь спать не давал бедной девушке. Интересно, он тоже сегодня занятия прогуляет?

Я со смешком швырнула в нее парой свернутых после стирки носков, не найдя ничего другого, что можно было бы бросить.

— Пошлячка, — процедила я сквозь смех. — Мне просто не спалось, вот и все. Он-то как раз дрых как сурок.

— Сволочь бесчувственная, — тут же снова рассмеялась Хильда, кидая мои носки в меня. — Но ничего не знаю и знать не хочу: на занятия ты идешь. У нас новый препод по боевке. Говорят, взамен Нота прислали настоящего легионера. Начинать семестр с пропуска — дурная примета. Вдруг он окажется не так лоялен, как Нот... Ну, то есть, вдруг он не собирается тебя убивать, а потому не станет обхаживать, как королеву, дабы усыпить бдительность и втереться в доверие.

Поразительно, но Хильда умудрялась превращать в шутку даже самые серьезные проблемы.

— Разве ты не можешь сказать, что я заболела?

— Чем? — удивилась Хильда. — Нет уж, давай, собирайся. После обеда отоспишься.

Я тяжело вздохнула. Видимо, не судьба мне стать прогульщицей. Пришлось все-таки в скоростном режиме принимать душ, сушить волосы магией и бежать на завтрак.

Когда мы добрались до аудитории Боевой магии, которая больше походила на спортивный зал, я заметила, что пара девчонок со спецкурса поглядывают на меня не очень дружелюбно. Кажется, информация о том, что красавчик-препод был арестован за попытку

меня убить, уже начала просачиваться. На фоне событий, произошедших в ночь Бала Развоплощенных, после которого арестовали Корду Мест, многим это могло показаться странным. И если до Корды на спецкурсе никому не было дела, то Нот многим нравился. У меня появилось неприятное чувство, как будто в произошедшем некоторые уже винили меня. Стараясь не обращать внимания на эти взгляды, я села на один из стульев, стоявших перед площадкой, на которой мы отработывали боевые заклинания.

От посторонних мыслей меня отвлек появившийся в аудитории преподаватель. Он выглядел не так блистательно, как Нот, но, должно быть, вполне нравился женщинам: высокий, сильный, как, наверное, и положено легионеру, с коротко стриженными темными волосами, умными глазами и довольно приятным лицом. Он был еще совсем молод: ему едва ли исполнилось тридцать, однако шел он, тяжело опираясь на трость. Это немного смущало.

— Доброе утро, студенты, — поприветствовал он нас, проходя к центру боевой площадки. — Меня зовут Дилан Мор, я прислан Легионом на замену вашему преподавателю по Боевой магии, который... не может в данный момент продолжить вас обучать. Я действующий легионер, но в настоящий момент нахожусь... — он приподнял трость, — скажем так, в длительном отпуске по болезни. Пусть мое состояние вас не смущает: оно временное. И, хотя я не могу выполнять все обязанности легионера, демонстрировать вам боевые заклятия оно не мешает.

— А что с вами случилось? — поинтересовался Андрей. — Боевое ранение?

— Неужели местные доктора не могут с таким справиться? — удивилась Хильда.

— В большинстве случаев могут, — Мор улыбнулся, никак не выказав недовольства по поводу их вопросов. — Но не тогда, когда дело доходит до темной магии, а далеко не всем преступникам хватает мужества драться честно.

— А почему использовать темную магию — это нечестно? — возмутилась я. — Незаконно — это я понимаю, но нечестно?

Мор перевел взгляд на меня, на его лице отразилось удивление.

— К темной магии прибегают слабаки и трусы, неспособные принять тот светлый поток, который у них имеется, и призывающие на помощь демонов. Фактически, демоны и сражаются за таких магов. Вы считаете, что это честно?

Наверное, стоило промолчать и не обострять. Не ввязываться в дискуссии с преподавателями я научилась еще в школе, понимая, что у них может быть всего два результата: ты либо неправ, либо наказан и все равно неправ. Но сейчас я не могла сдержаться, ведь этот человек только что назвал слабаком и трусом мужчину, которого я любила.

— Все не так примитивно, как вы пытаетесь изобразить. Темный маг не выставляет вместо себя демона. Он берет его силу, принимая на себя связанные с этим риски. Да, это делает его сильнее вас, но он и рискует куда больше. Демон может обратиться и против него. Контроль над ним — вопрос силы воли, а едва ли такое доступно слабакам и трусам.

Выпалив это, я инстинктивно сжалась, готовясь к тому, что сейчас или получу первое взыскание, или вообще вылеку с курса. Скажет мне господин профессор: идите, девушка, занимайтесь своей темной магией, раз такая умная.

Мор действительно нехорошо прищурился и сделал несколько шагов ко мне, опираясь на трость. Пару секунд в гробовой тишине аудитории он молча изучал меня взглядом, а потом поинтересовался:

— Как вас зовут?

— Татьяна Ларина, — я гордо вскинула подбородок, решив, что не буду его бояться. Легион уже не раз дискредитировал себя в моих глазах, а вот единственного знакомого темного мага мне пока не в чем было упрекнуть.

— Да, я вас знаю, — он кивнул. — Вы же кроме Боевой магии занимаетесь еще и на курсе Темных ритуалов и заклятий у профессора Нормана?

— Совершенно верно, — кивнула я. — Оттуда и знаю, что да как происходит между магом и демоном.

— И вы считаете, что это честно — прибегать к такой силе?

Я пожала плечами.

— Самая честная схватка по вашей логике — это рукопашный бой. Потому что нечестно использовать меч или другое оружие. Как нечестно использовать магию вообще.

— Это не одно и то же, — возразил Мор. — Нечестно использовать меч против безоружного и магию против того, кто ею не владеет. Как нечестно использовать темную магию против того, кто не имеет к ней доступа.

— Неужели? — не сдавалась я. — А против низшего вы тоже предпочтете выступить безоружным? Ведь он не может держать меч в руках.

Мор открыл рот, чтобы выдать следующий контраргумент, но так ничего и не сказал. Вместо этого он усмехнулся и предложил:

— Давайте продолжим эту дискуссию тогда, когда темная магия покалечит вас или кого-то, кто вам близок.

У меня по спине пробежали мурашки. Это что, была угроза?

Преподаватель развернулся и похромал обратно в центр площадки, быстро меняя тему:

— А теперь я хотел бы посмотреть, чему вас научил профессор Нот за первый семестр. Кто продемонстрирует нам? Госпожа Ларина, может быть, вы?

— А можно я? — вмещалась Хильда прежде, чем я успела ответить. — Я смогу продемонстрировать больше.

— Что ж, — Мор сделал приглашающий жест, — прошу. Как вас зовут?

— Хильда.

— А фамилия?

— Можно просто Хильда, — усмехнулась она, вставая в боевую позицию. — Кто первым атакует?

Вместо ответа Мор послал в нее первое заклятие. К чести Хильды, она успела выставить щит, а потом перешла в нападение сама. Легионеру, хоть и травмированному, не составило труда отразить ее заклятие. Следующая его атака оказалась мощнее, но Хильда вновь справилась и в ответ применила кое-что из того, что я совершенно не помнила. И снова ее атака не достигла цели. Следом Мор неожиданно применил ту же самую связку, какой Норман пробил щит Нота во время «допроса»: огонь, лед и ударный импульс. Щит Хильды тоже оказался пробит, но каким-то невероятным чудом она умудрилась уклониться от ударного импульса, поднырнув под него, словно под набегающую волну. Мгновение спустя она уже оказалась на ногах. Битва захватила ее полностью, в глазах горел азарт. Она подошла ближе и попыталась повторить хитрость Мора, но тот после ледяного потока резко сменил поглощающий щит на отражающий. Ударный импульс срикошетил, ударил по Хильде и повалил ее на пол.

— Bravo, — усмехнулся Мор, медленно подходя к ней и протягивая руку. — Из вас может получиться превосходный легионер, — неожиданно похвалил он, помогая ей

подняться. Потом он провел рукой, снимая болевые ощущения от ударного импульса. — Только не теряйте голову во время схватки и не позволяйте заманивать себя в ловушку.

Хильда довольно улыбнулась. Я была уверена, что из всего этого эпизода она вынесла только слова: «Из вас может получиться превосходный легионер».

Я же выдохнула, только сейчас замечая, что до этого задерживала дыхание.

Хильда вернулась на место. Мор выразил надежду, что таким же замечательным образом подготовлены и все остальные, а потом перешел к теме нового занятия. На меня он больше ни разу не взглянул.

Когда на обеде мы столкнулись с Норманом в столовой, он уже знал о моем споре с Мором. Хильда мгновенно куда-то испарилась, заявив, что будет ждать меня за нашим обычным столиком. Ей хватило ума не бросать на нас многозначительные взгляды, она просто сделала вид, что салат-бар ее не интересует.

— Как быстро разлетаются новости, — проворчала я, вяло перекладывая на тарелку дольки помидоров и брусочки огурцов.

— До меня эту новость донес профессор Мор лично сразу после вашего занятия во время перерыва. Надо мне реже заходить в преподавательскую.

— И что он сказал?

— Что я соблазняю студентов темной стороной, — усмехнулся Норман. На его тарелке овощей уже хватало, но он не торопился уйти. — И что это недопустимо.

— Хм, хорошо, что он не знает, чем ты на самом деле меня соблазнил, — едва слышно пробормотала я, чем вызвала его сдержанный смешок и укоризненное:

— Таня!

Я постаралась скрыть улыбку и воровато оглянулась по сторонам, убеждаясь, что рядом нет ни других преподавателей, ни других студентов.

— Можно зайти к тебе сегодня после занятий? — так же едва слышно поинтересовалась я.

— Нам не стоит встречаться часто, — осадил меня Норман. — Становится выше риск попасться кому-нибудь на глаза.

Мне пришлось с этим согласиться, но сдаваться я не собиралась.

— Тогда завтра рано утром в спортивном корпусе?

Он кивнул.

— Да, в семь утра, если ты не передумала.

— Вот только что передумала, — я в ужасе посмотрела на него. — В семь утра? В субботу? Там весь день будет пусто.

— Ладно, в восемь, — смилостивился он.

Я была благодарна и за это. Мы разошлись в разные стороны, как ни в чем не бывало. И хотя в течение дня мои мысли часто возвращались к Норману, я не страдала вечером из-за того, что не могу оказаться рядом с ним. Просто потому что уснула очень рано.

На следующий день мне пришлось сильно пожалеть о том, что я напросилась на тренировки. Ранний подъем оказался только малой толикой беды. Сама тренировка — вот где начался ад. До сих пор мне казались адом совместные походы в тренажерный зал с Хильдой, но теперь я поняла, насколько мало знала об этом жарком месте.

Очень быстро выяснилось, что для хорошего владения мечом мне пока не хватает ни сипы рук, ни общей гибкости тела. Норману хватало пяти ударов, чтобы оставить меня безоружной. На третий раз я обиженно надулась и скрестила руки на груди.

— Так нечестно, ты слишком сильный!

— Твои противники всегда будут сильнее тебя, — невозмутимо парировал он, не демонстрируя ни капли сочувствия. — Потому что ты хрупкая маленькая девочка. Неважно, кто на тебя нападет: низший или другой Марек Кролл. Не позволяй втягивать себя в лобовое столкновение и силовую борьбу. Будь гибкой, верткой и хитрой.

Мы начали с начала. Теперь он учил меня двигаться: уклоняться, перекачиваться, даже просто правильно падать. В процессе мне пришло в голову, что надо бы научиться не только фехтованию, но и немного рукопашному бою. Не буду же я другого Марека Кролла сходу мечом пронзать. Хотя этот вариант был не лишен смысла.

Когда я окончательно выдохлась — а первый раз это произошло угнетающе быстро — Норман переключился на другой навык.

— Ты всегда должна знать, где находится твой меч, — наставлял он. — Хорошо представлять это место и уметь дотянуться до него сквозь пространство.

Он показал, как это делать, но у меня не получилось повторить, хотя мой меч лежал на лавке всего в десяти шагах от меня. Лишь через двадцать минут упорных попыток я наконец смогла дотянуться до него сквозь пространство. Результат был хуже некуда, но подобной сложной магии нас еще ни разу не учили.

— Эта магия не для спецкурса, — ободряющим тоном пояснил Норман. — Такому учат только на основном курсе. И не на всех специальностях доводят это умение до навыка, позволяющего мгновенно оказаться при оружии.

Он подошел ближе, обнял меня, коснулся губами лба, который я чрезмерно сильно хмурила, и искренне, как мне показалось, похвалил:

— Ты молодец, не переживай. Если бы все было так легко, разве потребовались бы годы обучения в университетах и академиях?

— Я привыкла думать, что магия — это щелкаешь пальцами и получаешь все на блюдечке с голубой каемочкой, — пробормотала я, с удовольствием обнимая его в ответ. Наконец наша утренняя тренировка дошла до того приятного момента, ради которого я смогла так рано встать в субботу.

— И первый семестр не смог этого изменить? — со смешком удивился Норман.

— Не до конца.

— Что ж, привыкай к жестокой правде. Магия может во многом помочь, но она не делает нас всесильными. Некоторые вещи проще делать без нее, чтобы не расходовать зря ни свой поток, ни общий. Вам уже объясняли это на Энергии магического потока?

Я кивнула. В эту тему я вникла хуже всего, поняла только в общих чертах. Профессор Дангл объяснял это на примере книги, которую требовалось переместить с одного стола на другой.

— Вы можете взять и переложить ее, можете отлевитировать или заставить ее исчезнуть в одной точке пространства и появиться в другой. На каждое из этих действий вы затратите какое-то время и энергию. В зависимости от ситуации разные способы будут более предпочтительны. В обычной ситуации книгу проще перенести руками: на это вы потратите гораздо меньше сил. А вот если речь идет не о книге, а о чем-то большом и тяжелом, то левитация окажется предпочтительнее: ведь размер и вес предмета на усилия, затрачиваемые на левитацию, влияют гораздо меньше, чем при обычном физическом способе. А перемещение сквозь пространство имеет смысл только при очень далеких расстояниях, поскольку помогают экономить время.

После этого он дал нам сложные формулы расчета, но я забыла их в тот же момент, когда сдала зачет.

Норман выпустил меня из объятий и предложил следующую тренировку провести во вторник утром. Я не возражала, меня гораздо больше волновал другой вопрос.

— А сегодня вечером можно прийти? В Орте же пусто, меня никто не увидит.

Мне не нравились просительные нотки в моем голосе, но мне не хотелось упускать такую возможность, как выходные. На неделе нам действительно будет сложнее встречаться, а я испытывала странную потребность находиться рядом с ним как можно больше. В идеале — каждую минуту. Со мной раньше такого никогда не было, и я искренне надеялась, что через какое-то время меня «отпустит». Хорошо еще, что он не захотел ждать до конца спецкурса, потому что я точно с ума бы сошла.

Норман, как мне показалось, набрал в легкие воздух, чтобы с чувством, толком и расстановкой снова объяснить мне, как важно соблюдать осторожность. Но то ли он что-то такое заметил на моем лице, то ли и сам тоже хотел новой встречи, только в последний момент он шумно выдохнул и кивнул.

— Только заходи через кабинет. Даже если тебя увидят, можно будет это объяснить. Я буду ждать тебя в личном кабинете после ужина. Войдем через него.

Я моментально расцвела, предвкушая еще один вечер — и еще одну ночь — с ним. Конечно, это не походило на нормальные отношения с красивыми ухаживаниями и романтическими свиданиями. Вместо того, чтобы дарить мне цветы и отправлять романтические послания, Норман спасал мне жизнь. Тем и покорила. Наверное, тайные встречи вместо свиданий при таком начале отношений — вполне естественны. Сейчас я как никогда хорошо понимала Рону Риддик, согласившуюся на тайную связь с ним: держаться на расстоянии до лучших времен не было никаких сил. По крайней мере, проблемы внебрачности нашей связи для меня не существовало. Оставалось только все же решить вопрос с контрацепцией. Беременность не входила в мои планы, да и в нашей ситуации могла стать еще большей проблемой, чем обычно.

Но почему-то я плохо представляла себе, как заговорю с ним об этом. Сама не понимала, почему вдруг это стало проблемой. С Сережей такой проблемы в свое время не возникло. Возможно, потому что он не был настолько старше и из другого мира, другой культуры, о которой я по-прежнему имела слабое представление.

Чтобы от чего-то оттолкнуться, я решила для начала поинтересоваться, а как это делают маги. Может, есть какое-то простенькое заклятие?

Однако мои медицинские учебники меня разочаровали: требовалось снадобье, а не заклятие. Зато достаточно было выпивать одну порцию каждый первый день цикла. Оставалось только где-то взять это снадобье, а я не представляла, как это сделать. Едва ли можно прийти к медсестре в лазарет и купить у нее. Да и денег у меня не было, счет отправили бы родителям. Реакцию папы даже представлять не хотелось.

Я решила, что просто попрошу Нормана купить мне снадобье: он-то мог передвигаться по магическому миру без ограничений. И он ничуть не меньше моего должен быть заинтересован в результате. Поэтому вечером в его кабинет я явилась с учебником в руках.

— Если ты взяла его в качестве алиби, то стоило выбрать что-то по темной магии, — заметил он, когда увидел меня с книгой.

— Нет, я просто хотела... — на меня снова напали смущение и ступор, поэтому я молча протянула ему учебник, открытый на нужной странице, и спросила: — Можешь достать мне это снадобье?

Выражение его лица дорогого стоило. Брови сначала взлетели вверх, в глазах появились смешинки, но потом он попытался сохранить серьезность, и губы никак не могли решить: кривиться им в улыбке или сжаться в тонкую полоску. Он бросил на меня взгляд поверх учебника. Я почувствовала, что краснею.

— Да, конечно, если ты хочешь взять эту заботу на себя, — в конце концов ответил он. — Но тут важна точность. Уверена, что не будешь забывать или пропускать?

— Ну, я... — я откашлялась, чтобы голос не хрипел. — Раньше я использовала другие способы, но думаю, что осилю эту нехитрую премудрость, — выпалив это, я на мгновение задумалась. — Постой, что ты имеешь в виду, говоря, *если* я хочу взять эту заботу на себя?

Он выразительно закатил глаза, полистал учебник, а потом вернул его мне открытым уже на другой странице. В разделе, до которого я не догадалась дойти, описывалось, когда и как мужчине нужно направить магический поток, чтобы... не было последствий в виде незапланированного потомства. Пришла моя очередь округлять глаза.

— Хочешь сказать, что в *этот* момент ты способен на такие подвиги? — с сомнением уточнила я.

— Не забывай, что ты рискуешь только исключением из Орты, а я — свободой и, возможно, жизнью, — он улыбнулся, скрестив руки на груди. — Поверь мне, я способен и не на такие подвиги.

— Все-таки лучше достань мне снадобье, — я тоже улыбнулась и захлопнула учебник, чувствуя, что с моих плеч свалилась маленькая гора. — Мне хотелось бы, чтобы ты тоже получал удовольствие.

Он рассмеялся, покачал головой и привлек меня к себе, чтобы поцеловать.

Так оно и пошло с тех пор: мы тренировались по утрам трижды в неделю, один или два раза в неделю я позволяла себе остаться у него на ночь. В остальное время мы ограничивались общением на занятиях и короткими разговорами в общих местах, если судьба сталкивала нас. Еще два раза в неделю я тренировалась с Хильдой, которая деликатно попросила меня предупредить ее, когда я собираюсь освободить комнату на ночь. В ответ на мое удивление она фыркнула и заявила:

— Знаешь, не одной тебе нужно место для свиданий.

Кажется, их отношения с Андреем вышли на новый уровень. Я была только рада за них.

В остальное время я просто училась. И могла бы теперь назвать свою жизнь безоблачно прекрасной, если бы не одно крошечное «но».

В ту нашу вторую ночь вместе я снова долго не могла уснуть. Я лежала в объятиях Нормана, прижатая спиной к его груди, рассеянно поглаживая руку, которой он меня обнимал, и слушая его размеренное, глубокое дыхание. Я думала о словах, которые так и не сказала ему, хотя каждой молекулой своего существа чувствовала их. И они внезапно сформировались сами и прозвучали в тишине спальни:

— Я люблю тебя, Ян Норман. Если бы ты только знал, как сильно я тебя люблю.

Его рука внезапно сжала меня крепче, а губы коснулись кожи за ухом.

— Я знаю, — прошептал он.

А я смутилась. И снова почувствовала внезапную горечь во рту и тяжесть на сердце.

Ведь когда говоришь: «Я люблю тебя», надеешься услышать в ответ хотя бы сдержанное: «Я тебя тоже».

В Москве в первый день апреля на улицах еще лежал снег, поэтому я не стала задерживаться дома долго, хоть и не навещала родителей целый месяц. В той части магического мира, где находилась Орта, уже вовсю буйствовала весна. И хотя ночи еще оставались довольно прохладными, днем воздух прогревался иногда почти до двадцати градусов. Правда, только на солнце: на ветру и в тени еще можно было замерзнуть.

Зато весь внутренний двор уже наполняли сочные краски свежей зелени и разнообразных ярких цветов, многих из которых я еще никогда в жизни не видела. Поэтому перерывы мы предпочитали проводить на улице. Из-за чего иногда опаздывали к началу лекции. Вот и в среду, слишком увлекшись обедом во внутреннем дворе, мы с Хильдой вбежали в аудиторию Нормана уже после того, как вошел он сам. Одарив нас недовольным взглядом, Норман жестом показал, чтобы мы скорее занимали свои места, продолжая говорить:

— Сегодня мы с вами поговорим о таком ритуале, как инициация темного мага. Вскользь я упоминал это на нашем первом занятии, сегодня расскажу подробнее. Также у кого-то из вас будет возможность попробовать сотворить небольшое темное заклятие, соответствующее разрешению я получил.

Анна, рядом с которой я села в этот раз, заметно подобралась, перестав скучать. Последнее время мне казалось, что она разочарована курсом.

— Как вы уже знаете, инициация — это привязка мага к определенному демону. И тут я хотел бы еще раз обратить ваше внимание на разницу между магом, прибегающим к темной магии, и темным магом. Темным считается только тот, кто прошел инициацию. То есть если вы для каких-то целей иногда призываете силу демонов, это не делает вас темным.

— А как проходит инициация? — тут же жадно поинтересовалась Анна.

Норман одарил ее выразительным взглядом и заметил:

— По понятным причинам я не буду в подробностях расписывать вам ритуал привязки, но основные этапы расскажу. На первом этапе маг выбирает демона. Конечно, не конкретного, а только разновидность. Приходится учитывать несколько параметров: его силу, особенности демонической сущности, сильные и слабые стороны, уровень воздействия на мага. Ошибка может стоить жизни: привяжете себя к демону, которого не сможете сдерживать, и он убьет вас раньше, чем вы впервые воспользуетесь его силой. Если выберете слишком слабого для себя демона, получите полный набор неудобств, которые испытывают темные маги, но не получите всей той силы, которой могли бы обладать. Конечно, этот вариант все равно предпочтительнее. Кроме того, равные по силе демоны могут подойти или не подойти магу в связи с индивидуальными особенностями. Самое сложное здесь — объективно оценить собственные слабости. Скажем, если ваша личная слабость — жадность, не стоит брать в пару демонов третьей гильдии: их жадность, помноженная на вашу, приведет к тому, что вы сгорите, качая его силу.

— А с каким демоном повязаны вы? — снова заинтересованно перебила Анна.

Тут уж я тоже наострила уши, поскольку этот вопрос интересовал меня еще с первого занятия. Однако Норман вздохнул и покачал головой.

— Раз уж речь зашла об этом, придется мне забежать вперед и озвучить одно немаловажное правило: никогда и никому не говорите, с каким демоном вы повязаны.

Светлые ничего с этой информацией сделать не смогут, а вот другие темные могут превратить вас в своего раба. Достаточно и того, что после привязки на вашем теле остается метка: первая буква имени вашего демона, по которой теоретически можно узнать это имя целиком. Но поскольку это очень сложно, то бояться этого не стоит.

— А покажите свою метку, — все с той же беспардонностью попросила Анна.

Я поперхнулась от неожиданности, Томас прыснул в кулак, Хильда фыркнула, а Грег протянул:

— Не слабо, Бауэр, мне б такую наглость.

Норман едва приподнял бровь и спокойно посмотрел на чересчур активную студентку.

— Госпожа Бауэр, я понимаю, что вы выросли за пределами магического мира и многих деталей нашего этикета не знаете. Поэтому я просто скажу вам: подобные просьбы в нашем обществе считаются неприличными.

— Разве такая метка ставится в неприличном месте? — Анна ничуть не смутилась. — Я читала, что обычно ее ставят на руке, реже — на груди.

— И по вашему мнению я должен раздеться по пояс посреди лекции, только чтобы удовлетворить ваше любопытство?

Мы рассмеялись. Все, кроме Анны, которая, судя по всему, не видела в этом ничего странного. Норман даже на секунду растерялся, когда понял это.

— Дело не в том, в каком месте стоит метка, — пояснил он после паузы. — Просто это считается очень личным, а не чем-то таким, что можно демонстрировать всем и каждому. Поэтому давайте закроем эту тему.

Анна разочарованно сникла, зато Норман смог продолжить лекцию. Он описал прочие этапы подготовки к привязке, а потом в общих чертах и сам ритуал. Однако многие вещи он так и не уточнил: ни слов заклинания призыва демона, ни деталей ритуального рисунка. Сказал только, что имя демона должно быть произносимым для того, кто собирается связать себя с ним.

— Вам трижды придется позвать его и лучше, если вы не будете запинаться или коверкать имя.

Учитывая то, что имена демонов были на мой взгляд практически произносимы, это могло стать серьезным препятствием.

— На первом занятии вы сказали, что достаточно могущественный и слишком жадный маг может привести демона в наш мир, — припомнил Грег. — Что это значит?

— Демоны сильны, но на наше счастье они не могут существовать в нашем мире сами по себе, — Норман сказал это, стоя к нам вполоборота и отрешенно глядя в окно. — Мы, темные, призываем их силу, пропускаем через себя и фокусируем так, как нам угодно. Чем сильнее наш собственный светлый поток, тем больше демонической сипы мы можем призвать и уравновесить. Но где-то там существует черта, за которой наступает точка невозврата. Когда портал уже нельзя закрыть, и демон пробирается через него, занимает тело мага и дальше управляет им сам. Маг при этом фактически погибает, потому что его светлый поток... Как бы это объяснить? Он вытесняется, личность полностью подавляется. Остается только физическая оболочка, а демон получает свободу и возможность творить в нашем мире все, что угодно.

— Такое когда-нибудь случалось? — опасливо уточнила Хильда.

— Трижды в истории магического мира. Это редкий случай, слишком много факторов должно совпасть. Большинство из нас просто неспособны добраться до той черты. С тех пор,

как темная магия была ограничена, это и вовсе стало невозможно.

У меня отлегло от сердца, а Норман вдруг встрепенулся, как будто очнулся от сна, и снова повернулся к нам.

— Что ж, а теперь практическая часть занятия. Как я и обещал, один из вас сейчас попробует открыть темный портал. Буквально на несколько секунд, проходить через него не будем, поэтому не стоит бояться, если что-то не получится. Это просто чтобы вы имели представление о том, что такое темный поток.

— Пожалуйста, можно мне! — Анна, кажется, чуть не выпрыгнула из платья и совсем по-детски вытянула руку, как школьница, рвущаяся к доске.

Однако Норман, видимо, все же был недоволен ее вопросами сегодня, потому что проигнорировал ее рвение и остановил взгляд на мне.

— Госпожа Ларина, окажете мне честь? — он сделал приглашающий жест, предлагая мне выйти к нему.

Я на мгновение замешкалась: лучше бы он дал Анне попробовать свои силы. Меня не столько пугал темный поток, сколько необходимость взаимодействовать с Норманом на глазах у группы. Мне казалось, я непременно выдам наши отношения.

— Не бойтесь, — он улыбнулся и заверил: — я вас не съем.

Под смехи группы и недовольное бухтение Анны я все-таки вышла к Норману, не зная, куда девать руки и глаза. Я вообще не представляла, что делать.

— Дайте мне свою ладонь, — попросил Норман.

Я протянула ему руку, он крепко обхватил ее пальцами, заставив меня вздрогнуть. Мое дыхание непроизвольно участилось: слишком много будоражащих воспоминаний рождало это прикосновение. А дальше стало хуже: указательным пальцем другой руки Норман начертил на моей ладони какой-то символ и тот проступил на коже темными линиями.

— Не волнуйтесь, это не метка, — поспешил заверить он. Его соприкосновение наших рук никоим образом не волновало. — Это универсальный символ, означающий измерение демонов. Он поможет открыть небольшой портал и зачерпнуть темный поток. Я буду вас страховать и, если что-то пойдет не так, помогу. Поэтому не бойтесь.

— А что я должна делать? — поинтересовалась я, надеясь, что слегка охрипший голос спишет на волнение от соприкосновения с темной магией.

— Поток войдет в вас через этот символ на левой ладони. Вам нужно пропустить его через себя и сфокусировать на создании портала. Словесная вспомогательная формула для фокусировки — даарэ лэх.

— Даарэ лэх, — повторила я, запоминая «словесную вспомогательную формулу», которую в быту называли просто «заклинанием». — А как этот темный поток войдет в меня?

— В обычной ситуации вам бы пришлось зачерпнуть его самой, но чтобы сейчас вас не запутать, я вам помогу. Готовы?

Я честно помотала головой.

— Нет, но если вы боитесь, то я готова рискнуть, — я улыбнулась ему.

Однако его лицо осталось серьезным. Глядя мне в глаза, он осторожно накрыл мою ладонь своей.

То, что произошло дальше, я буду помнить в деталях и красках до самого своего смертного часа. Выросшая в семье пусть скрывающихся, но все же магов, я никогда серьезно не погружалась в религии. Ад был для меня просто словом, которое ничего толком не значило. Пока Ян Норман, человек, которого я любила всем сердцем, впервые не толкнул

меня в настоящий ад, заставив погрузиться в самый страшный кошмар, какой только могло родить чье-то больное воображение. Я задохнулась от ужаса и отвращения, от мерзости и боли, которые он принес с собой. Меня словно выжгло изнутри: все радостные воспоминания, светлые чувства, позитивные эмоции — все хорошее, что во мне было. На пепелище остались только самые мерзкие стороны моей души, каких я в себе даже не подозревала. Я была отвратительна. Жгучее желание уничтожить себя и еще несколько сотен человек — таких же гадких и мерзких, как я сама, — затопило меня изнутри.

— Таня, направляй поток. Правой рукой, даэрэ лэх. Давай, — велел Норман, но меня словно парализовало.

Я не могла с ним справиться. Не могла справиться с темным потоком. Он вливался в меня и медленно уничтожал все то, чем я была. Кажется, я закричала.

Норман провел рукой по моей ладони, и поток прервался. Однако то, что уже влилось, плескалось внутри вонючей болотной жижей, продолжая выжигать внутренности серной кислотой. Я почувствовала, как подгибаются колени, и только сильная рука, обхватившая меня за талию, не дала мне упасть.

А потом что-то произошло: неведомая сила вытянула из меня весь этот ужас, очистив практически до исходного состояния. Только отравленные воспоминания теперь отличали меня от той, кем я была еще сегодня утром.

Я осознала, что почти вишу на преподавателе, вцепившись одной рукой в ткань сюртука на его плече, а другой уперевшись в грудь. Не падала я за счет того, что он крепко держал меня за талию и прижимал к себе. Однако как только он увидел, что я пришла в себя, он подтащил меня к стулу за преподавательским столом и усадил на него.

— Ничего страшного, — заверил он. — Первый раз такое бывает. Это нормально.

Он сжал мое плечо и ободряюще улыбнулся, но мне отчего-то захотелось ударить его. Как он мог со мной так поступить? Как он мог заставить меня пройти через такое? Злость и ненависть клокотали во мне с такой силой, что руки затряслись.

— Что это было? — сквозь зубы процедила я.

— Измерение демонов и темный поток, — спокойно повторил Норман. — Простите, госпожа Ларина, я не думал, что ваша реакция будет такой острой.

Мне захотелось заорать и затопать ногами. Чем он думал?

Секунду спустя я поняла, что это не мои эмоции, а странное «послевкусие» от того мерзкого напитка, который я только что пригубила. Я прикрыла глаза и усилием воли прогнала мерзкие чувства. Когда они ушли, у меня остался только один вопрос.

— Это то, что вы испытываете, когда используете темную магию? — я посмотрела на него снизу вверх. — Каждый раз?

Его лицо осталось спокойно, но когда он ответил, мне послышалось сожаление в его голосе:

— Темный маг чувствует измерение демонов даже тогда, когда не использует темный поток. Портал может приоткрываться в любое время. Например, от прикосновения к метке. А иногда демон стучится со своей стороны. Быть темным магом — не привилегия. — Он перевел взгляд на притихшую группу. — И это то, что я пытаюсь донести до вас с самого начала курса. Да, темные подчиняют себе огромную силу. Мы всегда сильнее светлых. Всегда. Но это не дар. Мы платим за эту силу каждый день нашей жизни. И платим очень высокую цену.

Остаток дня я чувствовала себя не в своей тарелке. Хильда даже не стала ни о чем расспрашивать, только прокомментировала, когда мы выходили из аудитории:

— Ты знаешь, даже со стороны это выглядело ужасно. Если он однажды вызовет меня, я просто откажусь.

Я знала, что она этого не сделает: Хильда никогда не пасовала перед трудностями. И она, наверняка, справится, в отличие от меня.

Не знаю, какое чувство терзало меня сильнее: обида на Нормана или неловкость из-за того, что я не смогла выполнить такое простое задание.

Я думала, мне будут сниться кошмары, но в ту ночь сновидения обошли меня стороной. Вечером я словно провалилась в черную дыру, из которой вынырнула только утром. И вопреки моим надеждам гнетущее чувство никуда не делось.

Оно преследовало меня во время занятий по физической подготовке и во время фехтования, не отпускало за обедом. И когда я пошла в библиотеку, чтобы подготовить очередной реферат, мои мысли все еще крутились вокруг вчерашнего занятия.

У конторки библиотекаря я столкнулась с Анной. Та окатила меня презрительным взглядом. Конечно, в ее глазах я выглядела как счастливица, порвавшая и выкинувшая выигранный лотерейный билет.

Стараясь не обращать на ее взгляд внимания, я подошла к конторке, вежливо кивнув ей. Она только отстранилась, словно боялась, что я к ней прикоснусь. Ее пальцы выбивали по полированной поверхности какой-то рваный ритм, весь вид выдавал нетерпение, пока библиотекарь выписывал ей выбранные книги. Я обратила внимание на их названия: они все были из раздела демонологии. Меня передернуло.

— Знаешь, это все далеко не так волшебно, как тебе кажется.

Она только фыркнула и оскорбленно дернула плечом.

— Ему надо было выбрать для демонстрации меня, а не такую мямлю как ты. Но что поделать, у всех свои... *любимчики*.

Она так произнесла это слово, что я смутилась. Конечно, слухи о наших отношениях начали ходить задолго до того, как начались сами отношения, но тогда я спокойнее на это реагировала.

В этот момент библиотекарь положил перед ней стопку книг и сверху небольшую книжечку — читательский билет — и сказал:

— Разрешение на вынос пяти книг по демонологии я оформил. Напоминаю, что срок по их хранению не больше недели. В следующий четверг или сдайте, или принесите на продление.

Анна кивнула, взяла книги и чуть ли не бегом бросилась к выходу. Это настолько ей было неприятно мое общество?

Я озвучила библиотекарю тему, которую мне требовалось изучить, и он предложил мне на выбор три книги. Я решила взять все. Только когда он занялся выпиской, я обратила внимание на то, что одна из книг Анны так и осталась лежать на конторке.

— Кажется, она забыла, я ей передам.

Я хотела положить книгу в сумку, но библиотекарь выхватил ее из моих рук.

— Нет, так не положено, пусть сама за ней вернется. Ну, или я посмотрю, как через

неделю она будет ее «сдавать», — он усмехнулся, на его лице появилось обычное вредное выражение.

Я только вздохнула: характер библиотекаря мне не понравился с первых же визитов сюда. Злить его не хотелось, поэтому как только он выдал мне книги, я подхватила их и поспешно удалилась.

День выдался солнечным, хоть и немного прохладным. Внутренний двор оказался почти пуст: у студентов основного курса сейчас шли лекции, а из моих сокурсников я заметила только две группки, задержавшиеся здесь после обеда, да пару человек, решивших позаниматься на свежем воздухе. Мне не составило труда найти уединенную лавочку, стоявшую в тени развесистого куста жасмина. Сидеть на ней было зябко, но зато я оказалась скрыта от посторонних глаз.

Я не знала, как долго продлится мое оцепенение. Надеялась только, что оно пройдет, как и все остальное. Мне отчаянно хотелось вернуть себе ту легкость бытия, которую не смогли уничтожить ни Марек Кролл, ни Вильям Нот, ни толпы кровожадных низших. И которую Ян Норман неосторожно растоптал в одно мгновение. Нет, не тем, что впустил в меня темный поток. Я была уверена, что этот ужас рано или поздно померкнет, как притупились другие страшные воспоминания. Сейчас, оказавшись в тишине внутреннего двора, обдуваемая прохладным ветерком, наполненным запахом незнакомых цветов, я поняла, что тяжелым камнем на плечи мне легло другое.

Ян Норман, лучший из людей, которых я знала, самый дорогой мне человек, с которым я уже в тайне мечтала связать жизнь, был вынужден соприкоснуться с этой мерзостью каждый день. Мне было страшно представить, какие мучения это должно ему причинять. Меня охватывал ужас от мысли, что он обречен на это до конца своих дней, а я ничего не могу для него сделать. Я не хотела, чтобы эта гадость еще хотя бы раз касалась мужчины, который виделся мне самым добрым, заботливым и нежным на свете, но я ничего не могла изменить.

Как это иногда происходило, стоило мне начать активно думать о нем, как Норман появился поблизости. Я подозревала, что в такие моменты его «зовет» мой перстень. Сначала я ощутила тепло согревающего заклинания и только потом увидела, что он приближается ко мне по выложенной мраморными плитами дорожке.

— Позвольте присесть? — официальным тоном, каким всегда разговаривал со мной на людях, спросил Норман.

— Конечно, — я улыбнулась ему, чувствуя, как меня захлестывает волна нежности, хотя сейчас к ней примешивалась толика горечи.

Когда он сел рядом и положил руку на спинку скамейки, словно открывая мне объятия, мне отчаянно захотелось прижаться к нему. Так сильно, что кожу едва ощутимо закололо тысячами крохотных иголок. Но я знала, чем это грозит, поэтому удержалась.

— Как ты? — на его лице читались озабоченность и сожаление.

Я пожалала плечами и деланно бодро улыбнулась.

— Нормально. Еще не фантастически, но с твоим появлением стало лучше.

Такие разговоры тоже не стоило вести за пределами его комнат, но в этой части внутреннего двора мы были одни. Норман, видимо, тоже так решил, раз сразу перешел на «ты» и не стал скрывать беспокойство в тоне.

— Прости меня, — он вздохнул. — Должно быть, ты считаешь, что я поступил жестоко, заставив тебя пройти через это?

Я на мгновение задумалась, а потом кивнула.

— Да, у меня были такие мысли. Зачем ты это сделал?

— Я всегда это делаю. Каждому студенту я даю возможность хотя бы один раз попробовать, что такое темный поток, что такое сила демонов. Обычно это помогает разрушить романтический флер, которым многие окружают темную магию. Многие после этого решают никогда к ней не прибегать.

— Ты же сам темный, — я удивленно посмотрела на него. — Но при этом не хочешь, чтобы другие ими становились?

Несколько секунд он молча смотрел мне в глаза, решая, рассказывать или нет. Я видела такой взгляд раньше. Иногда я спрашивала его о прошлом: о детстве и родителях, о юности и том времени, когда он стал королем, о том, что было уже после его путешествия через временной поток. Он часто смотрел на меня точно так же, словно отбирая и цензурируя воспоминания. Только в самом начале довольно откровенно рассказывал о некоторых вещах, пока не понял, что они повергают меня в ужас.

Вот и сейчас он смотрел на меня, явно думая, как сформулировать так, чтобы я не прониклась к нему сочувствием. Он этого не любил.

— Я не хотел становиться темным, невзирая на традицию семьи. Отец даже грозился отречься от меня, если в двадцать лет я не пройду инициацию. А я не видел в этом смысла. Все учителя с детства твердили, что у меня очень сильный собственный поток. Но когда мою семью убили, я понял, что мне нужно больше силы. Чтобы выжить самому, чтобы наказать убийц. Мне пришлось стать темным, чтобы стать непобедимым. Благодаря сильному светлому потоку, я уже в четырнадцать лет оказался готов пройти инициацию и повязать себя с довольно могущественным демоном.

— То есть ты один из тех магов, которые теоретически могут привести демона в наш мир?

Наверное, я спросила это как-то не так, потому что по его лицу пробежала тень, словно я его чем-то очень сильно задела. Или просто эта перспектива очень его пугала.

— Теоретически, — сдержанно согласился он.

— А нет способа как-то это отменить? — с надеждой спросила я. — Разорвать связь, свести метку?

Он рассмеялся, но как-то принужденно, покачал головой.

— Нет, нельзя. Это не татуировка, которую можно свести. Эта метка выжжена внутри, на моем магическом потоке. Ее появление на теле вторично. Единожды темный маг — навсегда темный маг. Обратной дороги нет. Все не так ужасно, — торопливо добавил Норман. — Со временем учишься дистанцироваться, возводишь внутри себя стену. Воздействие перестает быть таким сильным. Оно не исчезает, но это как... как боль. Чем чаще ты ее испытываешь, тем больше привыкаешь. Начинаешь игнорировать.

Я не удержалась и коснулась руки, которая лежала на его колене. Я хотела дать ему знать, что мне жаль, но я боялась произнести эти слова вслух: жалость он не терпел так же, как и сочувствие. Либо он не понял мой жест, либо задумал свой вопрос еще до нашей встречи сегодня и все-таки хотел получить на него ответ.

— Теперь, когда ты знаешь... Когда сама видела и чувствовала то, что происходит с темным магом, когда он пропускает через себя демоническую силу, что ты думаешь?

— О чем?

— Обо мне.

Я снова с удивлением посмотрела на него. Как и всегда, он сидел прямо, смотрел

спокойно, выглядел невозмутимым, но я почти физически ощущала, что он волнуется. Я знала, как умеет биться его сердце, буквально захлебываясь ритмом, когда внешне он выглядит сдержанным и даже отстраненным. За своей призрачной улыбкой Ян Норман умел прятать любой ураган чувств.

Я бросила по сторонам осторожный взгляд, убеждаясь, что в этой части двора мы по-прежнему одни, а потом порывисто коснулась его губ. Лишь мгновение он оставался безучастным, но потом и сам не смог сдержаться: крепко обнял и с силой прижал к себе, целуя так отчаянно, словно боялся, что это в последний раз. Оторвавшись от него на несколько секунд, я уверенно прошептала:

— Теперь я восхищаюсь тобой даже немного больше. Ты самый лучший, самый замечательный и самый любимый. И ничто этого не изменит. Никогда.

Он снова привлек меня к себе и еще несколько минут мы позволяли себе безумие поцелуев в общественном месте и при свете дня под прикрытием одного лишь развесистого куста жасмина.

* * *

— Я же просил приходить только через кабинет, — недовольно проворчал Норман, втаскивая меня в свою гостиную и поспешно закрывая дверь.

— Твой личный кабинет закрыт, я проверяла, — я обиженно насупилась. — К тому же суббота, все равно учебный корпус пустой.

— Если мой кабинет закрыт, то это в некотором смысле знак, — он скрестил руки на груди и посмотрел на меня своим самым грозным преподавательским взглядом.

А что я могла сделать? Прошлые выходные я провела дома, а неделя как-то не задалась. После нашего разговора во внутреннем дворе Норман даже пятничную тренировку предложил отменить. Как я могла не прийти к нему в субботу? Но и его недовольство я могла понять: в конце концов, он рисковал куда больше, чем я, вступая в эти отношения.

Я попыталась изобразить виноватый и одновременно с тем несчастный вид и спросила:

— Неужели ты совсем не рад меня видеть?

Шагнув к нему, легонько коснулась губами его губ, при этом держа руки за спиной. Суровая маска на лице заметно дрогнула, но я не остановилась на достигнутом. Мои губы на секунду прижались к его щеке, а потом сместились на изгиб шеи и закончили это короткое путешествие рядом с мочкой уха.

— Хочешь, чтобы я ушла? — прошептала я, хотя уже по его дыханию слышала, что он не хочет.

Мгновение спустя я оказалась прижата к двери, а мои губы — вновь очень заняты. Я обвила руками его шею, зарылась пальцами в короткие волосы на затылке, тихо радуясь тому, что он не всегда мог себя контролировать на сто процентов.

— Что ты со мной делаешь, Таня Ларина? — прошептал он, прервав поцелуй и касаясь лбом моего лба.

От тона, которым это было сказано, целый рой бабочек вспорхнул в животе. Пусть он ни разу не признавался мне в любви — во всяком случае, формально — в такие моменты я чувствовала его любовь каждой клеточкой тела.

— А что я с тобой делаю? — так же шепотом уточнила я.

Вместо ответа он снова поцеловал меня, как всегда предпочтя словам действия, а мне почему-то отчаянно захотелось все же спровоцировать его на слова. Я чуть отстранила его от себя и вопросительно посмотрела в глаза.

— Нет, ты скажи мне, — прямо попросила я.

— Что ты хочешь услышать?

Я едва не застонала. Неужели пятьсот лет назад отношения между мужчиной и женщиной настолько принципиально отличались? Женщины не хотели слышать слов любви? Или мужчинам какие-то «законы чести» запрещали их говорить?

— Да хоть что-нибудь, — пробормотала я, отводя взгляд в сторону. — Что дало бы мне понять твое отношение ко мне.

Он отстранился сильнее, и я почти пожалела о том, что вообще начала этот разговор. Хотя когда-то же надо было.

— То есть для тебя мое отношение неочевидно? — недоверчиво уточнил он.

— При чем здесь это? Неужели тебе так сложно сказать три простых слова?

Он вдруг выпустил меня из объятий, отвернулся и отошел. Сердце болезненно кольнуло. Неужели я прошу чего-то фантастически сложного?

Я не понимала. Честно не понимала, в чем проблема. Он был готов умереть за меня еще четыре месяца назад, но не мог сказать простого: «Я люблю тебя»?

— Ян... — позвала я, но он поднял руку, давая знак помолчать.

Я вдруг поняла, что он не столько ушел от ответа, сколько прислушивается к чему-то. Однако тишина в гостиной сейчас нарушалась только треском огня в камине да нашим дыханием.

— Что?

— Сигнальные чары сработали, я пытаюсь понять где.

— Какие еще чары?

Или он все-таки уходит от ответа? На него это было непохоже, но раньше я никогда и не пыталась откровенно поговорить с ним о чувствах. О его чувствах. О своих я говорила и не раз.

Норман снова повернулся ко мне, на его лице явственно читалась тревога.

— Кто-то из студентов пытается провести темный ритуал. Прости, мне надо идти.

Он распахнул дверь, предлагая мне покинуть его гостиную. Я снова на мгновение заподозрила, что все это спектакль, но тут же прогнала эти мысли: Норман не стал бы так поступать. Он скорее прямо сказал бы, что не желает обсуждать эту тему. Да и волнение, смешанное с затаенным страхом, выглядело вполне искренним.

Он помчался по коридору прислушиваясь к каким-то своим ощущениям, иногда останавливаясь и чертя рукой в воздухе какие-то символы, а потом выбирая новое направление. Я понимала, что мне следует вернуться к себе, но ничего не могла с собой поделаться и следовала за ним. Толи надеясь все-таки продолжить разговор, то ли просто испугавшись за него. Я знала, что если он не успеет остановить ритуал, у него начнутся серьезные проблемы. Как минимум, Ротт получит повод забрать его в Легион, а там и до снятия иллюзии недалеко.

Какая бы магия ни вела Нормана, она привела его на подземный этаж, о котором ректор однажды упоминал при мне, но на котором я до сих пор никогда не была. Потолки здесь были куда ниже, ни окон, ни светящихся шаров тут не наблюдалось, поэтому чтобы развеять плотную темноту, Норман создал собственный шар, который поплыл за ним по витиеватому

коридору. Я старалась не отставать, хотя Норман уже пару раз велел мне идти к себе. Однако я нагло не слушалась, а у него не было времени со мной препираться.

В конце концов он остановился у двери в какую-то комнату. Та оказалась заперта заклиниванием, но ему не составило труда ее вскрыть: его светлый поток действительно был достаточно мощным, едва ли кто-то из студентов мог ему что-то противопоставить.

Норман ворвался в темное помещение, освещаемое только пламенем двух десятков свечей и практически с порога выкинул руку вперед.

— Нон гарт!

Его окрик заставил меня вздрогнуть. Уж если ему пришлось прибегнуть к помощи словесной формулы для направления потока, то либо ситуация была совсем критической и требовалось много силы, либо он сам пребывал в слишком напряженном состоянии и опасался, что оно помешает ему направить поток. В остальное время ему не требовалось выкрикивать заклинания.

Я просунулась в комнату вслед за ним и замерла, увидев испуганную и растерянную Анну, которая сидела в центре круга, расчерченного смутно знакомыми мне символами. Я не знаю, что происходило в тот момент, когда в помещение вошел Норман, но судя по выражению его лица, он сейчас был на грани бешенства.

— Ну все, Бауэр, вы доигрались, — сквозь зубы процедил он, ударом ноги сшибая несколько свечей, которые попались ему на пути.

Анна испуганно отползла назад, стараясь отодвинуться от приближающегося преподавателя, но тот неумолимо наступал на нее, гневно выговаривая:

— Я терпел ваше восторженное невежество в отношении к темной магии. Я закрывал глаза на вашу наглость. Я пытался донести до вас истинную суть темной стороны, но вы не слушали. Я надеялся, вам хватит ума хотя бы пройти спецкурс до конца, и только потом пускаться в опасные эксперименты, но нет. Вы решили поставить крест не только на своей жизни, но еще и на моей, а это уже слишком.

— Профессор Норман, — попыталась я окликнуть его, чтобы как-то остановить. Мне казалось, что еще мгновение — и он швырнет в Анну какое-нибудь заклятие.

Он не отреагировал, только пнул ногой еще несколько свечей, на которые едва не наступил, продолжая надвигаться на Анну. Та продолжала в ужасе отползать от него, уже, кажется, поскуливая от страха. По ее щекам катились слезы.

— Чтобы ноги вашей больше не было на моих занятиях. Это как минимум. И я хочу, чтобы вы знали: я буду добиваться вашего исключения из Орты и пожизненного запрета для вас посещать мир за Занавесью.

— Профессор Норман! — снова позвала я его, но он вновь остался безучастным.

Я могла его понять: закон возлагал на него всю ответственность за подобную глупость студентов, хотя среди нас совсем уж детей не было. А судя по ритуалу, Анна собиралась не просто сотворить темный портал ради того, чтобы попробовать на вкус темный поток. Кажется, она собиралась провести ритуал привязки. В результате которого она, скорее всего, погибла бы, а Норман отправился бы в тюрьму на очень большой срок за то, что не уследил. Это было несправедливо, на мой взгляд, но закон есть закон, он не всегда бывает адекватен и справедлив. Поэтому гнев Нормана я прекрасно понимала, но никому не станет лучше, если он со злости сам прибьет ее на месте.

— Что здесь происходит? Госпожа Ларина? Ян?

Только появление ректора заставило Нормана остановиться и даже сделать шаг назад. Я

подошла к рыдающей Анне и обняла ее за плечи. Она, конечно, дура, но и я не без греха. Я тоже совершала глупые поступки, в том числе и такие, из-за которых страдали другие люди, а потом получала утешение, которое совершенно не заслуживала. Я не видела причин отказывать в этом Анне. Тем более сейчас она не выглядела такой высокомерной и надменной, как в четверг в библиотеке: она тут же уткнулась мне лицом в плечо и заревела еще сильнее, совсем как ребенок. Это напомнило мне о том, что она, как и большинство моих сокурсников, была на добрых пять лет меня младше.

— Госпожа Бауэр пыталась провести ритуал привязки, — холодно сообщил Норман, бросив на меня недовольный взгляд и тут же отвернувшись, чтобы посмотреть на ректора.

— Вот дерьмо, — выдохнул ректор и посмотрел на Анну со смесью ужаса и отвращения. — Портал открыть успела?

— Почти, но поток не прошел, я успел его запечатать.

— О, ну слава древним богам, — на этот раз слова ректора прозвучали с облегчением. — Значит, ничего страшного не произошло?

— Что значит, не произошло? — кажется, Норман был слегка шокирован таким резюме. — Она чуть не убила себя!

— А откуда, кстати, она узнала детали ритуала? — удивился ректор и с подозрением посмотрел на него. — Разве ты даешь в своем курсе детали?

— Конечно, нет, — раздраженно процедил Норман. — Очевидно, она каким-то образом взяла запрещенную книгу в библиотеке.

— Она оформила разрешение на вынос пяти книг по демонологии из библиотеки, — припомнила я нашу недавнюю встречу. — А одну оставила на конторке. Скорее всего, еще одну засунула за пояс джинсов или что-то в этом роде. Вот сигнальные чары и не сработали.

Ректор посмотрел на меня, как будто уже успел забыть, что я тоже тут.

— Ларина, а вы как здесь оказались?

Я бросила на Нормана быстрый взгляд, но он тоже изобразил удивление, поэтому я только пожалала плечами.

— Совершенно случайно. Хотела уточнить у профессора Нормана, почему у меня не получилось во время занятия направить темный поток, а он как раз уже спешил сюда. Вот я и увязалась за ним.

— Понятно, обсудите это позже, — отмахнулся ректор. — Желательно обращаться с такими вопросами на неделе. Преподаватели тоже люди и имеют право отдыхать в выходные. А сейчас отведите Бауэр в ее комнату. Нам надо решить, что теперь делать. Легионеры будут тут с минуты на минуту, они наверняка заметили открытие портала.

— Я требую исключения, — уверенно заявил Норман.

— Обсудим, — кивнул ректор. — Пойдем, поговорим спокойно. И вы идите, — эти слова он уже адресовал мне.

Я помогла Анне подняться и повела ее прочь, бросив по пути взволнованный взгляд на Нормана. Но он не посмотрел на меня. Как будто его задело, что я бросилась утешать Анну.

А меня сейчас волновало другое: грозит ли ему какая-то опасность со стороны Легиона?

Ни в тот день, ни на следующий я Нормана не видела. Наш разговор так и остался незаконченным. Две ночи подряд я почти не могла уснуть, гадая, чем закончилось их разбирательство с легионерами и как они решили судьбу Анны. Пойти к Норману и все узнать я не решалась. Даже еще одну нашу тренировку решила пропустить. Он ее не отменял, но, учитывая обстоятельства и то, что мне сказал ректор, я решила лишний раз не оказываться «случайно» рядом с ним. Хватало и того, что он снова попал в поле зрения легионеров.

У меня отлегло от сердца только в понедельник утром, когда я увидела Нормана в столовой на завтраке. Параноя твердила, что и сейчас не стоило бы подходить к нему. Однако разум убедил в том, что будет вполне естественно подойти и поинтересоваться, чем закончилась история с Анной. Раз уж я стала невольным свидетелем.

— Доброе утро, профессор Норман, — тихо поприветствовала я, подходя к той же витрине, у которой стоял он. В этот момент он с серьезным видом выбирал десерт.

— Доброе утро, Таня.

Мягкий спокойный тон меня ободрил: вероятно, ситуация разрешилась не так ужасно, как я представляла себе все это время. Но все же я хотела знать наверняка.

— Как все прошло в выходные? Надеюсь, у вас не возникло серьезных проблем с Легионом?

Он поморщился, как будто надкусил лимон. Я решила, что Ротт опять вынул из него всю душу, но Норман удивил меня:

— Как ни странно, разбирательство не заняло много времени. Они прислали дежурного легионера, тот записал наши показания, убедился, что темный поток не успел пройти через портал. Выдал заключение о том, что закон не нарушен, и удалился.

Я удивленно хлопнула глазами. Ротт не использовал такой прекрасный шанс? Интересно, почему? Решил, что основания все равно очень хлипкие? Раньше его это не останавливало. Значит, потерял к Норману интерес? Мне стоило порадоваться этому, но почему-то у меня появилось нехорошее предчувствие.

— Странно, — пробормотала я, на что Норман кивнул.

— Не то слово. Что еще более странно, ректор не удовлетворил мою просьбу об исключении Анны Бауэр из Орты. И даже попросил оставить ее на моем курсе.

Новость о том, что Анну не исключили, меня почему-то обрадовала. Мы не были с ней подругами, а теперь уже и не станем, но мне было бы жаль, если бы она навсегда лишилась возможности вернуться в мир магов из-за одного глупого поступка. Даже несмотря на то, что стояло на кону. Наверное, я просто до конца не верила в то, что Норман мог опоздать. Мне казалось, он не умеет ошибаться.

— Вы согласились?

— Конечно, нет, — оскорбленно отрезал Норман. — Я понимаю, почему ректор не захотел лишать ее шанса все же закончить спецкурс, но и дальше нести за нее ответственность я не готов. Я не хочу оказаться в тюрьме. Особенно сейчас, когда... — он осекся и решительно взял с полки порцию шоколадного мусса со взбитыми сливками, сердито хмурясь.

Я почувствовала, как сердце забилося быстрее. Он же наверняка имел в виду меня?

— Когда что? — я попыталась сделать вид, что не поняла, о чем он собирался сказать.

— Почему ты не пришла на тренировку в воскресенье, позволь узнать? — понизив голос, поинтересовался он.

Я смутилась. Значит, он все-таки меня ждал? Нехорошо получилось. Надеюсь, он не решил, что я не пришла из-за нашего не склеившегося разговора о чувствах.

— Я подумала, что у тебя и так хватает проблем, — я пожалала плечами и улыбнулась ему. — Побоялась, что, если нас снова кто-то увидит вместе, у ректора могут появиться подозрения.

Он кивнул, признавая мою правоту.

— Это разумно, но я надеюсь увидеть тебя на тренировке завтра. Там и поговорим нормально.

Он взял поднос и направился к столу, за которым сидели другие преподаватели, а я пошла выбирать, что буду есть на завтрак. В процессе я заметила Анну, сидящую в одиночестве в углу. Я видела, как к ней подсел Марек Кролл и что-то заговорил со своим обычным наглым выражением лица. Наверное, издевался, как всегда, потому что Анна почти сразу встала и чуть ли не выбежала из столовой, так ничего и не съев. Интересно, откуда основной курс уже успел про все пронюхать?

От понедельника, в который у нас было всего две пары, я никогда не ждала подвоха. Последний неприятный инцидент случился на первом занятии по Энергии магического потока, когда у меня не оказалось базового фокусирующего артефакта. С тех пор все всегда проходило гладко, но в этот раз что-то не заладилось.

На Энергии магического потока меня ждали два сюрприза. Во-первых, профессор Дангл сразу понял, что не так давно я пробовала пропустить через себя темный поток. Это произошло, едва он попытался помочь мне пропустить поток через усиливающий артефакт. Когда я подтвердила его догадку, он недовольно поджал губы.

— Уже который год пытаюсь убедить ректора запретить профессору Норману эти демонстрации.

— Почему?

— А зачем вам — юной и чистой — такая гадость в жизни? Разве вам не было противно?

— Было, — согласилась я. — И я навсегда твердо для себя решила, что не хочу пользоваться темной магией. И мне кажется, именно эту цель и преследует профессор Норман, когда дает нам попробовать темный поток.

Дангл удивленно приподнял брови, но больше ничего не сказал. Похоже, он никогда не смотрел на проблему с этой точки зрения.

После этого он все же помог мне пропустить поток через артефакт, и вот тут случилось «во-вторых».

Для измерения силы потока мы направляли максимально возможный ударный импульс в специальную гранитную плиту, которую Дангл материализовал в аудитории. У большинства, как и у меня, ударный импульс до усиления не причинял плите никакого ущерба. Все-таки это заклятие было рассчитано для удара по человеку и даже ему не наносило сильного вреда. Максимум могло оглушить. Однако усиленное артефактом, оно позволяло плиту пошатнуть, а паре учеников даже удалось пустить по поверхности небольшую трещину или отбить кусочек.

Когда же через артефакт свой магический поток пропустила я, гранитную плиту

расколото надвое.

В аудитории сразу стало очень тихо. Даже Дангл молчал, чуть приоткрыв рот, и смотрел на пострадавшую плиту.

— Первый раз такое вижу, — выдохнул он. — Очень похоже на резонанс, но... Так не бывает.

— Резонанс? — переспросила я, чувствуя себя не очень уютно под любопытными взглядами.

— Да, когда два человека абсолютно синхронно бросают одно и то же заклятие в одну и ту же цель, их магические потоки складываются и усиливаются. Очень странно. Возможно, конечно, ваш поток настолько силен, что простым ударным импульсом способен расколоть гранит. И в обычной жизни что-то мешает вам использовать его на всю силу, а артефакт снимает это сдерживание... Или...

Он не закончил свою мысль, только очень странно посмотрел на меня. Прямо в глаза, словно что-то искал в них, а потом вдруг отвернулся и вызвал следующего студента. Я ничего не поняла, но решила, что усиливающим артефактом мне лучше не пользоваться.

Однако самое большое испытание в тот день ждало меня на Истории магического мира: нам решили рассказать о королевстве Рейвен и семье Сорроу.

Оказалось, что этот род правил Рейвеном чуть ли не с самого переселения магов за Занавесь. В самом начале Рейвен имел довольно скромные размеры, а род Сорроу не пользовался темной магией. Однако потом территория начала разрастаться: то наследники престола заключали удачные браки, то действующие короли шли войной на своих соседей. За несколько веков Рейвен превратился в самое крупное государство магического мира.

— Падение рода Сорроу началось без малого за триста лет до образования Первой Республики, — с энтузиазмом рассказывал Грокс. — Когда один из наследников престола решил, что для более уверенного правления ему нужно стать темным магом. Он прошел инициацию, а потом то же самое сделал и его сын. Еще через три поколения это стало традицией рода Сорроу: и наследники престола, и все младшие сыновья обязаны были становиться темными магами. Их готовили к этому с детства. Только дочерей не принуждали, поскольку Сорроу понимали, что так их будет сложнее удачно выдать замуж.

Я внутренне напряглась еще на словах про «падение рода». Дальше Грокс ударился в рассуждения о том, как темная магия постепенно превращала род Сорроу в монстров на престоле. Я почувствовала, как во мне закипает злость. А когда он дошел до Норда Сорроу — последнего из рода, на котором «темный кровавый пир прервался», я не выдержала.

— Да откуда вы знаете, каким он был? — я перебила Грокса на полуслове. — В смысле, каким он был человеком?

Преподаватель немного растерялся, не ожидая такого бурного протеста, и развел руками:

— Мы судим по поступкам, госпожа Ларина, по воспоминаниям очевидцев.

— Рона Риддик была о нем высокого мнения, — заметила я, но тут же прикусила язык. Не буду же я призывать в свидетели ее личный дневник. Там слишком много... личного.

— Леди Рона была великим дипломатом, — Грокс улыбнулся, как всегда, когда говорил одрвенней королеве. — И естественно переписку с ним она вела очень вежливо по всем требованиям этикета тех времен.

— Но он продвигал образование, при нем Рейвен процветал. Что из этого вы называете «кровавым пиром»?

— Я же и не говорю, что он был плохим королем. Да, Норд Сорроу так усилил экономику Рейвена, что многие соседи стали зависеть от него. Это во многом помогло объединению в Республику...

— Инициатором которого тоже был он, — выпалила я, даже не подумав, как собираюсь это доказывать.

Однако Грокс этого не потребовал. Он снисходительно улыбнулся и покивал головой.

— Я понимаю. Среди ученых-историков есть несколько поклонников короля Сорроу, которые высказывают такие предположения. И даже очень убедительно аргументируют свою позицию. Наверное, вы прочитали одну из таких книг, где Норд Сорроу представлен человеком, который тяготился властью и мечтал о более спокойной жизни. А все жестокие поступки, которые он совершил, объясняются исключительно обстоятельствами. Якобы они причиняли ему большие страдания. Госпожа Ларина, это очень красиво и поэтично, я понимаю. Юные девушки часто ищут свет в самых темных душах.

На этих словах я услышала смешки и шепот за спиной и почувствовала, что начинаю краснеть.

— Но вот вам несколько фактов, — продолжал Грокс. — Норд Сорроу прошел инициацию в четырнадцать лет. Чтобы вы понимали: это *очень* рано. Ему еще не исполнилось пятнадцати, когда он совершил свое первое убийство. А свое пятнадцатилетие он отметил массовой казнью.

— *Первое* убийство? — переспросила я, почувствовав внутри неприятный холодок.

— Своего регента, да. Он вызвал его на дуэль. И в последствии многих неугодных ему людей устранял через дуэль.

— Но разве дуэль — это убийство? — возмутилась я. — Разве это не поединок чести и все такое?

— Дуэль темного со светлым — это фактически убийство, потому что светлый не может победить. Отказаться тогда тоже не всегда было возможно, особенно если на поединок тебя вызывает король.

— Насколько я знаю, — неожиданно подал голос Грег, — Сорроу вызвал регента на дуэль, обвинив в том, что тот организовал заговор с целью свержения его рода. В результате того заговора Сорроу и стал королем: его отца и брата убили.

— И мать тоже, — тут же снова оживилась я, вспомнив, как Норман рассказывал об этом. — Массовая казнь, о которой вы говорите... Разве это не была казнь сообщников регента? Он наказывал тех, кто убил его семью.

— Я не говорю, что у него не было причин, — Грокс примирительно поднял руки, — но это не меняет главного. Он был темным магом. Потомственным. Его отец и брат были еще хуже, потому что заговор и возник...

— Да что с того, что он был темным магом? — возмутилась я. — Темный маг — это еще не приговор.

— Вам, наверное, трудно это понять, но демоническая сила, проходя через человека, меняет его. И далеко не в лучшую сторону. Это неизбежно.

— Знаете, меня в Орте дважды пытались убить, — кажется, это был первый случай, когда я так спокойно сказала об этом вслух, перед всем курсом. — И знаете кто? Оба раза светлые. А единственный известный мне темный оба раза спасал меня. Причем в первый раз едва не отдал за это собственную жизнь. Хотите убедить меня в том, что Норд Сорроу был хорошим королем, но плохим человеком только потому, что он был темным? Флаг вам в

руки, но я на это не куплюсь. Не цвет магии важен, а человек, который эту магию использует. Во благо или во вред — вот что важно. Норд Сорроу был хорошим человеком. Я это просто знаю.

На тренировке во вторник Норман с самого начала был мной недоволен. Он пытался поставить мне удар, но я все делала не так.

— Ты сдерживаешься, а это плохо. У тебя и так силы немного, а когда ты еще и боишься ее применить, твой удар вообще превращается в ничто! Бей сильнее, не бойся. Не жалея меня.

Я выпрямилась и устало опустила руки. Нет, я любила наши совместные тренировки, но иногда Норман вел себя невыносимо. Как будто готовил меня на войну. Конечно, я сама об этом попросила, но порой он очень уж увлекался.

— Как я могу тебя не жалеть? — мой голос был полон возмущения. — Ты же ничего плохого мне не сделал. Вот когда буду драться с тем, кто сделал, тогда и буду бить в полную силу.

— Не будешь, — возразил он. — Не будет привычки. Ты точно так же будешь этого бояться, как и сейчас со мной. Или еще хуже: ударишь со всей дури и выбьешь себе сустав. Давай еще раз. Только теперь серьезно.

Я даже не подумала, что он имеет в виду собственную серьезность. Если до сих пор он больше оборонялся, то теперь перешел в наступление, заставляя меня и наносить удары самой, и закрываться от его.

Видимо, он решил показать мне, что такое тренировка без сдерживания и жалости. Мне даже стало страшно, я уже не говорю о том, что это было иногда больно.

— Давай, Таня. Сделай уже что-нибудь со мной, иначе не выйдешь отсюда живой. Будь я низшим, уже доедал бы тебя.

С каждым таким комментарием во мне разгорались злость и обида. Чего он хочет от меня? Почему не может пожалеть? Если бы я могла сражаться с противником вроде него, разве я бы сейчас была здесь? Умом я понимала, что он все равно сдерживается: если бы он атаковал в полную силу, я бы уже лежала в нокауте, но эмоции все равно переполняли меня. Мне хотелось заорать на него, разреветься и убежать прочь. И пусть потом вымаливает прощение, иначе близко к нему больше не подойду!

Он швырнул меня на мат, и что-то во мне в тот момент изменилось. Злость захлестнула с такой силой, что я перестала адекватно воспринимать реальность. И когда он подошел ближе, то ли чтобы снова высказать мне все, что он думает о моей обороне, то ли чтобы помочь подняться, я не глядя лягнула его ногой со всей той самой дури, которую он помянул за несколько минут до этого.

Я не целилась специально в какое-то определенное место, но судя по тому, как он охнул, сложился пополам и повалился на мат, попала во что-то очень чувствительное. Естественно, мою злость как рукой сняло. Я тут же метнулась к нему, глядя с тревогой на то, как он корчится от боли.

— Прости... прости, пожалуйста. Я не хотела...

— Хотела, — возразил он с улыбкой, все еще немного морщась. — Я наконец добился этого от тебя. Удара без сдерживания. Конечно, возможно, теперь у нас не будет детей, но я доволен. В некотором смысле.

— У нас... что? — переспросила я, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в улыбке. — Ты планируешь иметь со мной детей?

Он сел прямее, на лице все еще отражались отголоски боли от моего удара.

— Конечно. А ты нет? — Норман как будто даже удивился. — В браке ведь все еще принято заводить детей?

— В браке? — кажется, в моем тоне промелькнул испуг.

— После всего, что между нами было, как честный человек я обязан на тебе жениться, — он улыбнулся. — И собираюсь сделать это, как только наши отношения перестанут быть... незаконными.

— О, — удивленно выдохнула я. — Спасибо, что спросил мое мнение на этот счет. Он склонил голову набок, глядя на меня с недоумением и интересом.

— Ты столько раз говорила: «Я люблю тебя». Это заставило меня думать, что ты не будешь против, — заметил он. — Но, конечно, когда придет время, я задам официальный вопрос. У тебя будет шанс послать меня к демону с моими планами на наш счет.

Он говорил об этом так спокойно, что я никак не могла понять: он надо мной издевается или говорит серьезно? Из-за этого я не знала, как реагировать. В конце концов, от него заветного «люблю тебя» я так и не услышала. Как я могла предположить, что он уже планирует наших общих детей? По нему ведь ничего не поймешь.

Но я определенно была рада это услышать. Ян Норман уже пустил корни во всем моем существе. Я чувствовала себя так прочно связанной с ним, что разлука меня убила бы, наверное. Мне казалось, что больше в моей жизни подобной любви не будет. И это пугало до чертиков. Если он действительно все это время планировал пожениться и нарожать детей, то я точно не собиралась его от этого отговаривать.

Однако он мое молчание воспринял как-то по-своему, потому что внезапно поцеловал лоб — почти как отец, а не любовник — и поднялся на ноги.

— На сегодня можем закончить, если ты устала.

— Стоит закончить, чтобы еще больше друг друга не покалечить, — смущенно пробормотала я, тоже поднимаясь с мата и потирая плечо, которое болело довольно сильно.

Норман заметил это, привлек меня к себе и погладил больное место горячей ладонью, после чего боль исчезла, и я снова смогла свободно двигаться.

— Спасибо.

— Да не за что. Ты прости, — он кивнул на плечо. — Наверное, ты меня сейчас ненавидишь, но я хотел убедиться, что ты действительно сможешь выдать больше, когда почувствуешь реальную угрозу.

— Едва ли я могу почувствовать реальную угрозу с твоей стороны, — возразила я, вытирая полотенцем лоснящееся от пота лицо. — Но разозлить меня тебе удалось.

— Это все потому, что ты считаешь меня лучше, чем я есть на самом деле, — заметил он. — Я слышал о твоём конфликте с Гроксом вчера.

Я смутилась. Конечно, он слышал, как же иначе?

— Они специально к тебе бегут жаловаться на меня? — смущенно поинтересовалась я, с интересом разглядывая полотенце в своих руках, хотя на нем не было даже примитивного узора.

— Нет, хуже: Грокс рассказывал об этом за обедом всем преподавателям и кидал при этом на меня такие многозначительные взгляды.

— Прости, — я нахмурилась, почему-то только сейчас подумав, что мое поведение могло вызвать неприятные подозрения.

— Да нет, ты знаешь, мне было приятно, — я не смотрела на него, но по его тону

поняла, что он улыбается. — Редко кто вслух напоминает, что светлая и темная магия не делают нас хорошими или плохими. Хотя темный поток действительно меняет человека, это неизбежно. Ты теперь тоже немного не такая, какой была до того, как я заставил тебя попробовать его. Любое зло, с которым мы сталкиваемся, меняет нас. Вопрос только в том, как именно. И это уже решаем мы сами. Но я хочу сказать тебе важную вещь: Норд Сорроу не был хорошим человеком. Он был хорошим королем, наверное, но совместить и то, и другое он не мог.

Я подняла на него удивленный взгляд. О чем он говорит? Как он может про себя такое говорить? Я же знаю его.

— Почему это? — я так возмутилась, словно собиралась защищать его даже от него самого.

— Потому что такова судьба королей: порой приходится забывать о том, что ты человек. Идти на сделки с совестью, отстаивая интересы государства и людей, в нем живущих. Принимать решения, которые ты никогда бы не принял, будь ты простым смертным. Имей ты возможность переложить ответственность за эти решения на других людей. Да и ненависть к тем, кто лишил меня семьи, не делала меня лучше. Наверное, если бы они убили только отца и брата, все было бы иначе. Но гибель моей матери — добрейшей женщины, которая за всю жизнь никому не сделала зла, а только терпела его от мужа-тирана, — я им простить не мог.

— Это понятно и абсолютно нормально, — настойчиво сказала я. — Виновные должны быть наказаны по заслугам, они же сами сделали свой выбор.

— Не знаю, только ли виновных я покарал. До сих пор не знаю, — он горько усмехнулся. — Еще долгие годы я так боялся нового заговора, что порой, наверное, перегибал палку. Я уж не говорю о том, что если какой-то человек вставал на пути интересов государства, какими я их видел, я не останавливался ни перед чем, чтобы убрать его с дороги. Тяжело оставаться хорошим человеком, когда творишь очень сомнительные вещи.

Я опустила взгляд в пол, чувствуя, как лицо из раскрасневшегося от тренировки становится пунцовым от захлестнувших меня эмоций. Не знаю, что превалировало: стыд или обида.

— Я от тебя ничего, кроме добра, не видела. Ты хороший человек, — упрямо повторила я, не глядя на него. — И ничто не убедит меня в обратном.

— Я стараюсь быть хорошим человеком, — поправил он. — Я больше не король и уже никогда не буду им. Последние десять лет я учился быть другим человеком. Яном Норманом. И я им стал. Смею надеяться, что я стал лучше. А твоя любовь сделает меня еще лучше. Уже делает.

Я посмотрела на него исподлобья, все еще немного дуясь, сама не зная на что.

— Моя любовь к тебе? Или все-таки твоя любовь ко мне делает тебя лучше?

Он рассмеялся и покачал головой.

— А ты непременно хочешь услышать признание, да?

Я неуверенно пожала плечами.

— Было бы неплохо, знаешь ли. Неужели это так трудно? Ты хочешь, чтобы я родила тебе детей, но не можешь сказать, что чувствуешь? Если чувствуешь, конечно.

— Разве слова что-нибудь стоят? — мягко спросил он. — Неужели нужно все проговаривать вслух? Разве действия не говорят громче слов?

— Почему нельзя совмещать то и это? Роне Риддик ты тоже никогда не говорил о своих

чувствах? Она к этому нормально относилась?

Не знаю, зачем я приплела сюда его бывшую возлюбленную. Наверное, потому что в глубине души предполагала: это из-за нее он не говорит о любви. Это ей он остается верен, ей досталась вся его любовь, а мне навсегда уготована роль второго плана.

Его лицо мгновенно помрачнело. Норман отвернулся и отошел от меня. Он долго молчал, а потом признался:

— Говорил. В каждую нашу встречу, — его голос звучал холодно и отстраненно. — Я забрасывал ее признаниями и клятвами.

— А я, стало быть, недостойна? — с горечью уточнила я, отчаянно желая сбежать отсюда прямо сейчас. Почему я так болезненно ревновала его к той, кого уже давно нет в живых? Мне хотелось затмить ее. Хотелось быть не просто привлекавшей его внимание девчонкой, с которой он закрутил роман от безысходности. Он был для меня первой и последней настоящей любовью. Мне хотелось стать для него чем-то в этом роде.

— А что толку от моих слов? — он повернулся и гневно сверкнул глазами. — Что они тебе дадут? Что они дали ей? Меня никогда не было рядом. Я появлялся в ее жизни на пару дней и исчезал на пару месяцев. Где я был, когда ей было грустно, страшно или одиноко? Где я был, когда низшие рвали на части ее еще живое тело? Защитили ее мои признания? Нет! Мои слова ничего не стоили!

Я непроизвольно отступила назад, испугавшись этой вспышки. Столь сильные эмоции Ян проявлял редко, но когда это происходило, мне хотелось спрятаться. Он, видимо, понял это, потому что взял себя в руки и закончил уже спокойнее:

— Когда я попал в это время, встретил Абрахама Реда и вернулся в Орту, я первым делом пошел в нашу тайную комнату. Там на столе я нашел ее дневник, а в нем — перстень, который теперь носишь ты. На странице под перстнем было прощальное послание Роны ко мне. В нем она проклинала меня. Меня и мои слова. Она писала, что я навлек на нее позор и бросил. Что она больше никому и никогда не сможет верить, а потому выходит замуж за Гордона, хотя и не любит его. Так скажи мне, Таня: что дали ей мои слова? Что такого они дали ей, чего я не даю тебе?

Я молчала. И потому, что не знала, как на это ответить, и потому, что ком в горле все равно не позволил бы мне ничего сказать. Сердце и душа разрывались от противоречивых чувств. Часть меня понимала, что он пытается донести. И эта часть сейчас как никогда хорошо понимала предупреждение ректора о том, что прошлое Нормана всегда будет тяготить и преследовать его. И грехи прошлого, и призрак погибшей возлюбленной, и сожаления, и горечь, и неисполнимое желание вернуться назад и все исправить. Он не мог простить себя. После всех этих лет он все равно не мог простить себя и, вероятно, никогда не сможет. Это был тот самый багаж, который шел в нагрузку к нему. Тот самый багаж, который мне не стоило взваливать на свои хрупкие плечи. Вот только у меня уже не было выбора.

Так и не придумав, что сказать, я молча подошла к нему и обняла. Он не стал отстраняться или как-то еще демонстрировать свое недовольство. Наоборот, крепко обнял, прижал к себе, коснулся губами виска, как будто просил прощения за свою вспышку. Я погладила его по плечу, так же молча прощая.

Вероятно, он был прав: слова не так уж и важны, когда умеешь дать понять главное без всяких слов.

На следующем занятии по Темным ритуалам и заклятиям наша группа выглядела особенно крошечной. Вроде нас стало меньше всего на одного человека, но вместе с тем мы потеряли пятую часть состава. Перед началом занятия Грег и Томас с энтузиазмом двух старых сплетниц пытались выудить из меня подробности произошедшего. Я вяло отбивалась от их расспросов.

— С чего вы вообще ко мне пристали? — я попыталась изобразить недоумение. — Почему я должна знать все подробности?

— Говорят, ты там была, — заметил Томас. — Значит, все видела.

— Да и вообще, все знают, что вы с Норманом... кхм... дружны, — добавил Грег.

Я закатила глаза, пытаюсь сделать вид, что эти досужие домыслы меня только раздражают, хотя они меня пугали. Я знала, что сплетни и разговоры не могут навредить Норману, проблемы начнутся, если мы будем пойманы с поличным, но все равно каждый раз напрягалась.

В этот момент дверь в аудиторию открылась, вошел Норман, поэтому допрос тут же прекратился. Под хмурым взглядом преподавателя мы все почувствовали себя неловко, как будто это мы пытались призвать демона и повязать себя с ним.

Поздоровавшись с нами, Норман решил сам ответить на все вопросы:

— Полагаю, вас всех интересуют подробности инцидента, произошедшего на выходных. Чтобы не плодить домыслы и сплетни, объясню. Госпожа Бауэр, невзирая на все мои предупреждения, решила, что она достаточно хорошо изучила темную магию, чтобы повязать себя с демоном. Она обманом взяла в библиотеке книгу с подробным описанием ритуала и попыталась его провести. Поскольку я отвечаю за подобные инциденты наравне со студентом, который решит преступить закон, я контролирую использование темной магии на территории Орты. Наверное, мне стоило предупредить об этом раньше. Возможно, это знание остановило бы госпожу Бауэр, хотя до конца я в этом не уверен. Знание того, что это будет стоить ей жизни, на нее не произвело впечатления. Мне удалось вовремя остановить проведение ритуала, однако второй раз я так рисковать не хочу. Поэтому госпожа Бауэр более не будет заниматься на моем курсе. Поскольку меня убедили, что в произошедшем есть и моя вина, ее не исключат из Орты. До следующего нарушения, по крайней мере. В качестве специализации она будет вынуждена изучать Снадобья, весь предыдущий семестр ей придется нагонять самостоятельно. Поскольку никто из вас не виноват в сложившейся ситуации, мне разрешили сохранить нашу группу, невзирая на то, что теперь вас меньше необходимого минимума. Я хочу обратить ваше внимание: если кто-то еще решит побаловаться с темными силами, группа будет закрыта. На этом считаю инцидент исчерпанным, но если кто-то хочет задать вопрос, я отвечу.

Он обвел нас взглядом, выжидая несколько секунд, а потом удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, раз вопросов нет, мы можем начать изучение следующей темы...

Ничего другого он сказать не успел: в дверь аудитории внезапно постучали, а потом она открылась, явив нашим взглядам госпожу Бауэр собственной персоной. Мне редко доводилось видеть Нормана таким удивленным.

— Похоже, инцидент не желает считать себя исчерпанным, — немного растерянно протянул он, глядя на Анну. — Чем обязан вашему визиту? Разве вас не уведомили, что

отныне вам следует посещать Снадобья?

Неловко переминаясь с ноги на ногу, Анна молча стояла у двери, сжимая в руках какой-то предмет, завернутый в кусок ткани. Она выглядела бледнее, чем обычно.

— Простите меня, профессор Норман. Я очень сожалею, что доставила вам столько неприятностей, — наконец подала она голос и бросила на нас неуверенный взгляд.

— И в качестве извинений вы решили сорвать мне лекцию? — Норман недовольно скрестил руки на груди. В его глазах все еще полыхал гнев. Я поняла, что умение прощать не относится к его сильным сторонам. — Вы не знаете, где меня найти вне занятий? Или так хотели принести извинения публично?

Во взгляде Анны промелькнуло что-то недоброе, неуверенность исчезла. Она сделала несколько решительных шагов вперед и остановилась на расстоянии вытянутой руки от преподавателя. У меня появилось нехорошее предчувствие, но я только удивилась себе: едва ли Анна могла что-то сделать Норману. Даже если она попытается, он мгновенно скрутит ее в бараний рог.

— И это тоже, профессор Норман, но у меня есть еще одна причина, по которой я решила потревожить вас во время лекции. Я собиралась задать вам этот вопрос сегодня, но... — она развела руками. — Думаю, остальным тоже будет интересно послушать, поэтому и пришла. У нас дома хранится один артефакт, остался от прадеда, который был темным. Меня давно интересовало, что это, но родители всегда избегали темной магии, поэтому рассказать мне не смогли. Я думала, может быть, вы мне поможете? — и она показала ему сверток, который до этого нервно сжимала в руках.

Норман раздраженно потер лоб рукой и проворчал:

— Ваша наглость не знает границ. После всего, вы не только тратите мое время, но еще и просите об одолжении.

Он старался выглядеть недовольным, но я видела, что он смягчился. Может быть, никто другой не мог этого заметить, но было в натуре Яна Нормана что-то такое, что делало его хорошим преподавателем: он всегда был готов объяснять, делиться своими знаниями. Даже с теми, кто его подвел.

— Ладно, давайте ваш артефакт, — со вздохом резюмировал он, протянув руку.

Анна снова замешкалась на секунду, а мое сердце почему-то пропустило удар. Чего я боялась, я не знала. До того момента, как Анна вместо того, чтобы отдать артефакт, как есть, завернутым в ткань, проворно вытряхнула его на ладонь Нормана.

Это была маленькая фигурка, похожая на шахматную, детали которой я не смогла разглядеть с того расстояния, на котором находилась. Но я видела, что она, словно уголь из костра, обожгла Норману руку. На мгновение он машинально сомкнул вокруг фигурки пальцы, вздрогнул всем телом, а потом поспешно выбросил артефакт.

Но было уже поздно.

— Что ты наделала? — испуганно прошептал он, а потом согнулся пополам как от резкой боли.

Анна попятилась назад, я подскочила со своего места, Хильда охнула, а сам Норман схватился за край своего стола, чтобы не потерять равновесие.

— Все вон отсюда, — хрипло велел он, снова содрогаясь всем телом. Когда никто из нас не шелохнулся, он поднял на нас свирепый взгляд и прикрикнул: — Вон! Немедленно! Дверь закройте... И ректора сюда!

Первой среагировала Анна: она тут же бросилась к двери и скрылась за ней. Ребята и

Хильда тоже подскочили со своих мест и, опасливо косясь на Нормана, поторопились к выходу. Я же стояла на месте, словно мои ноги приросли к полу.

Раньше я уже видела нечто подобное. В подземелье, когда Норман уничтожал кладку низших. В тот раз его лицо немного менялось, сквозь знакомые черты проступало что-то нечеловеческое. И сейчас это повторялось, только гораздо более выражено. Лицо менялось сильнее, черты искажались почти до неузнаваемости. Прозрачно-серая радужка глаз пропадала, зрачок становился вертикальным, а белок окрашивался в грязно-желтый цвет. Норман делал над собой заметное усилие — и изменения пропадали, его облик снова становился человеческим, но несколько секунд спустя все повторялось. Словно что-то рвалось наружу, а он пытался это удержать.

— Чего ты стоишь? — голос плохо его слушался и от того звучал грубо, как звериный рык. — Уходи. Таня, пожалуйста...

Наверное, было правильнее послушаться. Оставить его здесь, запереть аудиторию снаружи, позвать ректора. Я не знала, что происходит, но видела, что это, во-первых, причиняет ему боль, во-вторых, грозит потерей контроля над демоном, с которым он был повязан.

Я вышла из-за стола, но вместо того, чтобы скрыться за дверью, подбежала к нему. Из его горла вырвался стон, смешанный с рычанием, ноги подкосились, и он упал на колени. Я сделала то же самое и обняла его за плечи.

— Тише, тише...

— Уйди, — повторил он. — Это опасно...

По его телу волнами прокатывались судороги. Пальцы руки, которой он держался за край стола, побелели от напряжения. Он так стискивал зубы, что те вполне могли начать крошиться. Его лицо покрылось испариной, демонические черты проступали все чаще, а глаза уже почти все время пугали вертикальным зрачком.

Повинуясь внезапному порыву, я приложила руку к его груди и направила магический поток. Кое-чему я по своим учебникам успела научиться. Поддерживающее силы заклятие применялось во время продолжительных болезней или при тяжелых ранениях. Оно помогало восстановить внутренние резервы организма. Я не знала, может ли оно помочь в данном случае, но ничего другого в голову просто не пришло.

Судороги прекратились, а глаза Нормана снова стали обычными. Лишь на одно мгновение передо мной снова оказался Норд Сорроу, но потом иллюзия восстановилась. Он закрыл глаза и прижался лбом к моему виску.

— Непослушная девчонка, — прошептал он недовольно, но нежность в его тоне выдавала истинные чувства. — Я же мог убить тебя.

Я улыбнулась, перебирая в одно мгновение взмокшие волосы на его затылке. Кажется, кризис миновал. Что бы это ни было.

— Ты бы меня не бросил. Никогда не бросал, — напомнила я ему, поворачиваясь и целуя его в щеку. — Почему я должна поступать иначе?

Прежде чем он успел мне ответить, от двери раздался встревоженный голос ректора:

— Какого демона тут происходит?

От оклика ректора я вздрогнула и отшатнулась от Нормана. Тот в свою очередь проявил больше сдержанности и попросил меня помочь ему подняться. Выпрямившись, он спокойно ответил:

— Боюсь, я опять должен требовать исключения госпожи Бауэр из Орты.

— Ян, да что случилось? На тебе лица нет, — ректор сделал несколько шагов вперед и случайно наступил на фигурку, которую ранее Анна вручила Норману.

— Не трогайте ее! — испуганно воскликнула я, когда ректор наклонился за ней.

— Нет, Таня, не бойтесь, эта вещь опасна только для темных, — успокоил меня Норман и кивнул ректору. — Проявляющий демона, полюбуйтеесь.

Ректор поднял фигурку и задумчиво покрутил ее в руках, подходя к нам ближе. Теперь я смогла разглядеть маленького монстра, который держался за голову, запрокинув ее назад, и кривил рот в беззвучном крике.

— И сюда его принесла Анна Бауэр? — уточнил ректор. — Тебе?

Норман кивнул, а потом по его телу снова прокатилась судорога. Я сжала его руку, только сейчас замечая, что так и держу ее. Однако на этот раз судорога не закончилась попыткой трансформации.

— Полагаю, хотела отомстить мне, — справившись с приступом, добавил Норман.

— Жестоко, — протянул ректор. — Но где она его взяла? Я за всю жизнь ни одного не видел, только на картинках.

— Она сказала, что эта вещь осталась от прадеда, который был темным, — вставила я.

— Это, скорее всего, ложь, — хмыкнул Норман. — Ни один темный не станет держать у себя такую вещь.

— А что это? — я посмотрела на фигурку, испытывая одновременно любопытство и отвращение.

— Проявляющий демона — артефакт, в древности использовавшийся для выявления темного мага, который скрывал свою сущность, — просветил меня ректор.

— А темный маг может скрывать это? — удивилась я. — Как же метка?

— Ее точно так же можно скрыть под иллюзией, — пояснил Норман. — А этот артефакт при физическом контакте заставляет демона показать свое лицо.

— Вот только пользоваться ими перестали почти сразу, — добавил ректор. — Слишком... кроваво получалось.

— Оказалось, что артефакт на некоторое время вытаскивает демона из его измерения и он овладевает магом. Это не то же самое, что привести демона на постоянной основе, он получает только временный контроль. Однако если маг не может с ним справиться, демон начинает убивать всех, кто находится рядом. — Норман выразительно посмотрел на меня. — Поэтому я и попросил всех уйти.

— А вы, я так понимаю, остались? — усмехнулся ректор, тоже посмотрев на меня.

— Я не понимала, что происходит, — я попыталась сыграть дурочку. — Думала, профессору Норману нужна помощь... медицинская.

— И что вы сделали? — брови ректора удивленно взметнулись вверх.

— Применила заклятие, поддерживающее силы при болезни или ранении, — честно ответила я. — Я читала, что оно универсально и не вредит никогда.

Ректор уважительно кивнул и перевел взгляд на Нормана.

— Что ж, Ян, скажи девочке спасибо. Возможно, она тебе жизнь спасла.

— Скорее себе, — недовольно отозвался Норман. — Хотя уйти из аудитории, как я

просил, было бы надежнее.

— Это он пытается принизить ваши заслуги, — ректор заговорщицки мне подмигнул. — Ведь если бы демон завладел им, а рядом никого не оказалось, он бы убил его.

Я тяжело сглотнула и снова инстинктивно сжала руку Нормана, которую продолжала держать. Ректор заметил это, но комментировать не стал. К тому же Нормана скрутила новая судорога.

— Что происходит? — меня волновало, что эти судороги никак не утихали. — Почему оно не заканчивается?

— Это теперь еще надолго, — ректор сокрушенно покачал головой.

— Как минимум на несколько часов, — подтвердил Норман. — Будет рваться наружу.

— Тебе лучше пойти в лазарет, — посоветовал ректор, но Норман покачал головой.

— Нет, я пойду к себе. Госпожа Ларина меня проводит. Занятие придется перенести на другой день.

Ректор, кажется, хотел возразить, но потом снова посмотрел на наши сцепленные руки и тяжело вздохнул.

— Что ж, пусть будет так, — пробормотал он. И мне показалось, что он имел в виду не только план Нормана на ближайшее будущее. — А госпожой Бауэр я займусь.

— Обязательно выясни, где она взяла артефакт, — попросил Норман. — Не нравится мне это... Слишком сложно для мести девочки со спецкурса.

— Я выясню, — пообещал ректор.

Довести Нормана до его комнат оказалось не так просто, как я думала, хотя они находились недалеко. Все преподаватели были размещены в Орте так, что аудитории, в которых они преподавали, их рабочие и личные кабинеты, а также жилые комнаты находились на одном этаже и как правило рядом. Нам всего-то требовалось дойти до конца коридора и повернуть за угол, но Норман чувствовал себя куда хуже, чем пытался показать. Он шел очень медленно, держась одной рукой за стену, а другой — за меня. Время от времени он останавливался, когда его снова скручивало от болезненной судороги. Я уже была готова собственноручно придушить Анну. Если раньше я испытывала к ней симпатию и жалость, то теперь осталась только злость. Одно дело по глупости играть в чернокнижника, другое — совершить сознательную диверсию, фактически, покушение на жизнь. И в тот момент меня не интересовало, где она взяла опасный редкий артефакт.

К счастью, по пути мы никого не встретили, если не считать моих сокурсников, которые ждали нас сразу за дверями аудитории. Они только молчаливо шарахнулись в сторону, увидев Нормана в таком состоянии. Я их понимала: меня и саму его вид пугал, правда, по другим причинам.

Все же мы добрались до его гостиной, где Норман попытался снова меня прогнать, заявив, что дальше справится сам. Я настояла на том, чтобы помочь ему добраться до спальни. Там я усадила его на кровать и потянулась к пуговицам сюртука, но Норман меня остановил.

— Не надо, дальше я сам. Иди к себе.

— Я только помогу тебе раздеться и уложу в постель, — я настойчиво отвела его руку в сторону, но он тут же снова перехватил мою.

— Таня, не надо, — тихо, но настойчиво повторил он, не глядя на меня.

— Что это за внезапное смущение, профессор Норман? — я удивленно улыбнулась и попыталась пошутить, хотя меня встревожило это его настойчивое желание, чтобы я

ушла. — Я видела тебя и полностью раздетым, поэтому вряд ли увижу что-нибудь новое.

— Дело не в этом, — он покачала головой. — В этот раз все иначе. Я не... я плохо себя чувствую и... Не стоит тебе и дальше на все это смотреть. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

— Каким — таким?

— Слабым.

На мгновение я потеряла дар речи, никак не ожидая, что его могут волновать подобные вещи. Он же еще вчера собирался со мной детей рожать! И что, он будет выгонять меня из дома каждый раз, как заболит?

— Знаешь, Ян Норман, так не пойдет, — возмущенно заявила я, заставив его посмотреть на меня. — Не знаю, какие клятвы у алтаря дают у вас, а в нашем мире принято брать на себя обязательства быть вместе в хорошем и плохом, богатстве и бедности, болезни и здравии. Поэтому сделай одолжение: не мешай мне.

Я снова потянулась к пуговицам сюртука, и на этот раз он меня не остановил, позволив снять и сюртук, и футболку, и даже брюки. После этого он лег, а я накрыла его одеялом и села рядом, улыбнувшись.

— Вот видишь, совсем не страшно.

Он задумчиво смотрел на меня, снова вглядываясь в мои глаза и что-то ища в них. Порой этот пытливый взгляд меня пугал: я не знала, что он ищет, и боялась, что он это так и не найдет. Пока не находил.

Я снова коснулась рукой его груди и направила магический поток на заклятие для поддержания его сил. Очень уж бледным он выглядел.

— Спасибо, — пробормотал Норман. — Ты... Ты ведь действительно, возможно, спасла мне жизнь.

— Было бы неплохо. Хоть за один раз с тобой рассчиталась бы.

Он улыбнулся, а потом неожиданно попросил:

— Поцелуй меня, а потом иди к себе. Дальше я справлюсь.

Против первой части просьбы я ничего не имела, поэтому с энтузиазмом наклонилась и прижалась к его губам. Его руки скользнули по моим плечам, пальцы зарылись в волосы. Несколько секунд все было божественно, я даже почувствовала совершенно неуместное в данной ситуации желание. А потом вдруг его рука сжалась, больно дернув волосы. Глаза распахнулись, и я снова увидела вертикальный зрачок посреди грязно-желтого белка.

С перепугу я все перепутала и вместо того, чтобы направить магический поток на заклинание, я влила в Нормана чистую энергию потока. Он дернулся, выпустил мои волосы, а потом поспешно оттолкнул меня.

— Прости. Ты иди, пока я еще что-нибудь не натворил. Рядом с тобой мне трудно сконцентрироваться.

В этот раз я не стала настаивать. Только поправила его одеяло, убрала в шкаф преподавательскую форму и вышла из спальни, плотно прикрыв за собой дверь.

Конечно, я не ушла. Я не оставила бы его в таком состоянии одного. Какое-то время я бездумно бродила по жилищу Нормана. В гостиной попыталась разобраться, как развести огонь в камине, но быстро бросила это занятие: ошибка могла закончиться пожаром. Поэтому я просто машинально сложила брошенный на диване плед, убрала в шкаф книгу, которая валялась на столике. Потом потратила какое-то время на разглядывание содержимого шкафа. В основном здесь стояли книги, созданные в мире магов, я узнавала их

по характерному алфавиту, но целая полка отводилась книгам моего мира. Системы или понятного принципа, по которому их отбирали, я не нашла: пресловутый Гарри Поттер, почему-то только один том, причем третий, а не первый, соседствовал с более классическими книгами из разных стран. Причем каждая книга была на языке оригинала. Ничего странного, учитывая, что маги могли читать на любом языке благодаря артефактам-переводчикам. Фэнтези разного уровня сложности здесь перемешивалось с приключениями, историческими романами, женской сентиментальной прозой, детективами и даже космической фантастикой. Интересно, где Норман берет подобную литературу? Он утверждает, что никогда не был за Занавесью, значит, эти книги как-то попадают сюда. Возможно, их тоже продают в столице, как и кофе?

Я взяла одну из книг, которую можно было отнести к так называемому «женскому фэнтези», и убила чтением добрых два часа. А ведь раньше такие истории казались мне скучными, потому что были далеки от моих представлений о реальной жизни.

Устав читать, я поставила книгу на место и вернулась в спальню Нормана. Он все еще лежал на спине, хотя я точно знала, что он не любит так спать. Его дыхание было тяжелым, лицо иногда искажалось то ли от боли, то ли просто от каких-то неприятных ощущений. Оно оставалось бледным и блестело от пота. И все же он едва ли бодрствовал, потому что никак не прореагировал ни на мое появление, ни на то, что я села на постель рядом с ним.

Я осторожно коснулась его груди и снова немного подпитала силы. Он не открыл глаза, но лицо расслабилось и дыхание стало спокойнее. Зачем он так настаивал, чтобы я ушла? Если не хотел, чтобы я за ним ухаживала, пошел бы в лазарет, пусть бы все это делала медсестра.

Впрочем, я догадывалась о причинах. Ян Норман — тогда еще наследный принц Норд Сорроу — рано научился прятать свою слабость. Его отец подобного не терпел, и, судя по обрывкам воспоминаний, которые Норман иногда озвучивал, старательно «ломал» младшего сына, который характером пошел не в него, а скорее в мать. А потом в его жизни были разговоры и смерть родных, угроза жизни и ранняя связь с демоном, которая требовала от него постоянно быть сильным — сильнее демона. Он отстаивал свое право на престол, управлял государством, плел интриги. У него просто не было в жизни периода, когда он мог позволить себе быть слабым. Как минимум позволить себе демонстрировать слабость другим. Стоило ли удивляться, что он пытался скрыть ее от меня?

Убедившись, что с ним все в порядке, я снова оставила его одного, чтобы не мешать и не разбудить неосторожным движением. Ему определенно требовался отдых.

Мне было отчаянно скучно. Я не знала, чем заняться. Читать учебники не хотелось, тем более что с собой у меня были только те, которые требовались сегодня, а доставать что-то сквозь пространство я пока так толком и не научилась. Радовало то, что завтра у нас только физическая подготовка и фехтование, а потому готовиться и не требуется.

Ища, чем заняться, я забрела в личный кабинет Нормана. Здесь на столе были разложены какие-то книги и тетради. Я села в кресло, с интересом разглядывая их. Некрасивое желание заглянуть в ящики стола усилием воли пришлось подавить: я и так вторгалась на территорию, куда меня не приглашали, Норман мог этому не обрадоваться, а лазить по шкафчикам — только усугублять ситуацию.

А еще я боялась наткнуться в одном из них на какой-нибудь портрет Роны Риддик. Мне и так хватало дурацких мыслей на ее счет.

Поэтому я предпочла какое-то время изучать книги и записи. Похоже, в свободное

время Норман занимался какими-то научными изысканиями по темной магии. То ли что-то писал, то ли выводил какие-то формулы. Я почти ничего не понимала: сами по себе слова были знакомыми, конечно, но все вместе не связывались во что-то внятное. Моих познаний в теории темного потока явно не хватало. Но мне все равно было интересно листать тетради, читать примечания на полях. Мне было интересно все, что касалось Яна.

Не знаю, сколько я просидела в его кабинете. Очнулась только тогда, когда почувствовала на себе чужой взгляд. Я оторвалась от чтения и посмотрела на дверь: Норман стоял у входа, прислонившись спиной к стене и скрестив на груди руки. На нем был плотно запахнутый халат, волосы так и оставались всклокочены после сна, но лицо выглядело уже лучше.

— Я думал, ты ушла, — тихо произнес он, неотрывно глядя на меня.

Я опасливо вылезла из кресла и подошла к нему, изучая выражение лица и не находя следов недовольства. Это меня ободрило.

— Хотела убедиться, что с тобой все будет в порядке. Как ты себя чувствуешь?

— Уже хорошо, спасибо, — он кивнул, продолжая смотреть на меня со странным, незнакомым мне выражением во взгляде. — Думаю, демон успокоился.

— Я рада это слышать.

В кабинете повисла тишина. Норман все еще смотрел на меня, на этот раз просто смотрел, ничего не ища ни на лице, ни на дне глаз. Только как будто чему-то удивляясь, но я не могла понять, вызвано ли это удивлением какими-то моими действиями или чем-то другим.

— Что ж, — наконец выдавила я, почему-то чувствуя себя неловко. — Тогда я, наверное, могу со спокойной совестью пойти к себе?

Мои слова почему-то прозвучали как вопрос, и Норман отрицательно качнул головой.

— Остайся, пожалуйста, — его голос прозвучал непривычно тихо, как будто ему все еще было тяжело говорить. — Феерической ночи любви в этот раз не обещаю, я не настолько лучше себя чувствую, но... Мне очень нужно, чтобы ты сегодня была со мной. Чтобы ты спала рядом, а я мог обнимать тебя хоть всю ночь.

Кажется, на несколько секунд я забыла о том, что живому человеку необходимо дышать. Он еще никогда сам не просил меня остаться. По крайней мере, *так* не просил. Сердце забилось где-то в горле, и чтобы ответить, мне пришлось с трудом его проглотить.

— Отличный план, мне он очень нравится. А я почему-то думала, что ты разозлишься на то, что я не ушла...

Он нахмурился и снова покачал головой, как будто опять чему-то удивляясь.

— Нет, я был рад увидеть, что ты все еще здесь. По-настоящему рад, понимаешь? Неужели ты не знаешь, что я хотел бы, чтобы ты всегда была здесь? Всегда была рядом со мной.

Он вдруг протянул ко мне руки и привлек к себе, крепко прижав к груди. От неожиданности я даже на мгновение потеряла равновесие, но потом с удовольствием уткнулась лицом в изгиб его шеи, вдыхая ставший уже родным запах и наслаждаясь теплом объятий.

Он склонил голову, и его тихий, но уверенный голос прозвучал у самого моего уха:

— Я люблю тебя, Таня Ларина. Я действительно очень сильно тебя люблю.

Это был еще один день, изменивший отношения между нами. Еще одна вежа. Даже не из-за слов, которые я так давно хотела услышать. Мы впервые остались вместе не потому что любовники, а потому что близкие люди, любящие друг друга. В тот вечер Норман стал как-то иначе воспринимать меня, я это чувствовала, хоть и не совсем могла понять. Словно между нами рухнула еще одна стена, о существовании которой я даже не знала до того момента.

После нашего разговора в кабинете Норман заказал плотный ужин прямо в свои комнаты. Мы ели одни и те же блюда на двоих, поскольку он не мог сделать заказ на две персоны, не спровоцировав этим новых разговоров. Потом сидели с горячим чаем прямо на полу, покрытом мягким ковром, у камина. Он объяснял мне, какую тему изучает и описывает. Из его слов я поняла не больше, чем из записей, но мне нравилось слушать. Даже не потому, что я любила его голос и готова была слушать его часами, а потому что он делился со мной какой-то частью своей жизни, которая до сих пор оставалась скрыта.

И просто спать в его постели было ничуть не хуже, чем спать в ней после занятий любовью.

Анну отчислили из Орты, так и не добившись от нее признания, где она взяла артефакт, который подсунула Норману. Даже вызванные в Орту родители не смогли на нее повлиять и заставить говорить. Они лишь подтвердили, что дома такого артефакта у них никогда не было. Как не существовало темного прадеда. После этого Анна принялась утверждать, что нашла фигурку в Орте, о ее эффекте не знала, а историю с прадедом выдумала только для того, чтобы Норман заинтересовался и посмотрел артефакт. Даже я понимала, что это ложь, и была уверена, что легионеры ее распознают. Однако Легион неожиданно вынес заключение, что Анна не имела намерения навредить Норману и другим студентам, а причиненный ею вред является следствием недосмотра со стороны преподавателя.

Когда я спросила Нормана, что все это значит, он только пожал плечами.

— У нас нет доказательств того, что она намеренно подсунула мне вредоносный артефакт. Такие доказательства должны были бы собрать легионеры, но ты же знаешь отношение Ротта ко мне.

На это мне нечего было возразить. Я была рада и тому, что Анну хотя бы отчислили и отправили за Занавесь с пожизненным запретом когда-либо появляться в мире магов. Это значило, что она больше не сможет навредить Норману. Для меня это было главным. После декабрьских событий я от местной правоохранительной системы и так ничего не ждала. К тому же мне казалось, что в этом может быть замешан Марек Кролл, не зря же он тогда подходил к Анне в столовой. Ему было за что ненавидеть Нормана, и это объяснило бы, почему Легион так быстро все замял.

Сам Геллерт Ротт, к моему удивлению, снова так и не появился в Орте, прислал рядовых служителей закона. То ли он окончательно потерял интерес к Норману, то ли затаился, что-то замышляя. Мне хотелось думать на первый вариант, но я подозревала второй: после всех событий я стала менее доверчивой.

Зато в остальном я была безоблачно счастлива. Я жила фантазиями о том, как закончу обучение в Орте и навсегда свяжу свою жизнь с Норманом. При этом старалась не думать о том, как отреагируют родители на наши отношения. И о том, чем я буду заниматься в

магическом мире. И где мы будем жить. И не достанут ли меня там монархисты. Единственный вопрос, над которым я позволяла себе размышлять, — это почему же мне так повезло. Как так вышло, что такой шикарный мужчина как Норман обратил внимание именно на меня? Почему он в меня влюбился? Чем я ему так понравилась? По всему выходило, что «спасибо» за это стоило сказать моим родителям с их странной тактикой защиты и Корде Мест с ее ревностью и преданностью Ноту. Именно благодаря им началось наше с Норманом общение. А то, что он в меня влюбился... Значит, было за что.

В учебе я начала немного отставать: дополнительные тренировки и встречи с Норманом съедали слишком много времени, но очень уж больших «хвостов» не появилось, так что и этот факт меня не огорчал. Зато Норман был доволен нашими тренировками: мне уже требовалось не больше пяти секунд на то, чтобы достать сквозь пространство меч. Теперь мы начинали этим каждое совместное занятие.

Я стала бывать у него чаще. На ночь по-прежнему оставалась только в выходные и максимум один раз на неделе, но однажды он сам предложил зайти к нему после обеда. Я сказала, что мне нужно заниматься, а он предложил помочь. Так и получилось, что иногда я стала приходиться писать рефераты не в библиотеку, а к нему. У него в двух кабинетах и гостиной тоже хватало полезных книг, а подсказать, какие мне нужны, он мог даже лучше, чем вредный библиотекарь. И с отработкой заклятий всегда был готов помочь.

В такие дни мы могли несколько часов просидеть в его гостиной, занимаясь каждый своим делом: я готовилась к занятиям, он проверял рефераты. Иногда я наблюдала за ним, глядя поверх книг на то, как он хмурится, вчитываясь в очередной опус, закатывает глаза, иногда криво улыбается и начинает что-то пометать и писать комментарии на полях. Я задавалась вопросом, не надоедает ли ему заниматься этой рутинной из года в год. Все-таки он родился и долгое время жил для другого. Однако спросить об этом вслух я так и не решилась: я уже достаточно бередила его раны, мне не хотелось снова это делать. Я предпочитала вызывать своими действиями и словами его улыбку. Настоящую, широкую, которая совершенно меняла его строгое лицо и которую не видел, наверное, никто, кроме меня. Да и я сама до недавнего времени о ее существовании не подозревала.

Все было хорошо. Даже, наверное, слишком хорошо вплоть до очередного понедельника в самом начале мая.

С утра ничто не предвещало беды. День обещал быть теплым и солнечным, всего две не самые сложные пары должны были пролететь довольно быстро. Меня тревожила только судьба реферата по истории, который накануне я написала не слишком хорошо, но даже о недостаточно высокой оценке я узнала бы только через неделю.

В самом начале лекции профессор Грокс сразу привлек мое внимание к теме, которую собирался освещать сегодня.

— Обычно я оставляю эту тему на самое последнее занятие семестра, — с непривычной серьезностью сообщил он, оглядывая нас. — Потому что это не совсем история... Это территория домыслов, теорий и верований в том виде, в котором они существуют в магическом мире. Но у меня накануне возник интересный разговор с коллегой, поэтому захотелось с вами поговорить о развоплощении и ревоплощении магического потока.

Я наострила уши: очень уж интересной мне казалась эта тема, хотелось все-таки понять, что это такое.

— Как я уже упоминал, главная сложность развоплощения в том, что никто не знает, как это происходит. Некоторые скептики утверждают, что такого феномена и вовсе не

существует, все это суеверия и домыслы. В пользу этого говорит и тот факт, что ни одного официально зафиксированного ревоплощения не существует. Все это остается на уровне теорий. Однако есть и несколько фактов. Один из таких фактов — Явление.

Он остановился и вывел на доске только что озвученное слово. Я вспомнила, что о чем-то таком разговаривали Норман и ректор, когда я была бесплотна.

— Явление — это тот решающий фактор, который позволяет причислить мага к Развоплощенным. Сразу после смерти, как правило в течение суток, к кому-то из родственников является своего рода бесплотный дух, как его назвали бы в вашем мире. Мы называем это посмертной астральной проекцией. Как правило проекция приносит родным и близким весть о кончине мага. Она может явиться родителям, братьям или сестрам, иногда супругу или супруге. Чаще всего проекции обещают однажды вернуться или присматривать за теми, кто остался среди живых. Иногда проекцию видят только те, на кого она направлена, но порой силы магического потока Развоплощенного достаточно для того, чтобы проекцию увидели и случайные свидетели. Это всегда длится недолго: от нескольких секунд до пары минут. Известные истории проекции только приносили сообщения, они не отвечали на вопросы и не поддерживали разговор.

На этом месте рассказа я нахмурилась. Странно, что ректор тогда был так убежден, что я — то самое Явление. Похоже, Норман был прав насчет него: чаще всего он не совсем адекватен. А ведь от человека на такой должности ждешь большей тонкости. Видимо, зря.

— Достоверных свидетельств того, что после первичного Явления следуют и другие, не существует. Теория о Развоплощении появилась еще после шестого явления, но бурное развитие получила только после развоплощения Роны Риддик. К тому времени накопилось достаточное количество обещаний вернуться, из чего был сделан вывод, что конечная цель развоплощения — вернуться к жизни в новом теле. Поскольку каждый маг получает толику Общего потока в тот же момент, когда формируется эмбрион в теле матери, предполагают, что человек, который станет таким новым телом, будет иметь два потока. Поток Развоплощенного по теории должен войти в тело будущего мага в то же самое время, что и собственный.

Это подтверждало слова Нормана, которым я и так, конечно, верила. Я снова задумалась о том, почему папа считал, что поток Роны Риддик может войти в меня во взрослом состоянии. Плохо ориентируется в теории развоплощения? Что-то было с этим не так, но Грокс продолжал говорить, и мне некогда было об этом как следует подумать.

— Едва ли маг сам сможет почувствовать присутствие второго потока или это будет заметно со стороны, но в процессе оценки магического потенциала это вполне можно заметить. Главным доказательством ревоплощения считается реагирование определенных артефактов на магический поток человека. Дело в том, что практически после каждого мага остаются вещи, которые он зачаровывает только для себя. Как правило это шкатулки с драгоценностями, личные дневники или другие документы, личные кабинеты, иногда оружие или что-то в этом роде. Например, до сих пор никто не может открыть кабинет Дангора Рамла — великого мастера снадобий, развоплотившегося в тысяча двести пятьдесят третьем году. Говорят, в его кабинете стоят пузырьки со снадобьем, дарящим вечную жизнь, поэтому многие очень ждут именно его ревоплощения.

— Ох, что-то я сомневаюсь, — фыркнул Грег. — Что ж он его не выпил, если оно у него было?

— У него могли быть на это причины, но я скорее согласен с вами, — усмехнулся

профессор Грокс. — Развоплощенные вообще довольно быстро обрастают большим количеством легенд.

— Я вот не понял, — подал голос Андрей. — Почему два потока? Разве это не своего рода перерождение в новом теле? Вы же говорили, что с потоком сцепляется и личность развоплощенного мага. А как же личность, которая относится к другому магическому потоку? Что происходит с ней?

Грокс помрачнел.

— Это самая неприятная деталь всей этой теории. Два потока, потому что, когда зарождается новая магическая жизнь, в нее всегда входит частичка Общего магического потока. Это закон природы, он неизменен. Магический поток развоплощенного мага пребывает в состоянии лимба, как я уже говорил, то есть в Общий поток не возвращается. Поэтому в тело мага он может войти только в тот же момент, когда входит частичка Общего потока, но не *вместо* него. *Вместе* с ним. Большинство теоретиков считает, что ревоплощение завершается тогда, когда магический поток Развоплощенного... подавляет собственный магический поток мага. И тогда же личность Развоплощенного... подавляет личность мага.

— Как-то это нечестно, — хмыкнул Андрей.

Что ответил ему Грокс, я уже не слышала. Я почти забыла, как дышать. Перед моими глазами стояла потайная комната, которую не смогли открыть ни старший легионер столицы, ни ректор Орты, но которая исправно появлялась передо мной каждый раз, когда я оказывалась рядом с ней одна. Она открывалась только Норману и мне. То есть Норду Сорроу и...

Горло сдавил спазм, а в животе шевельнулось что-то огромное, склизкое и мерзкое.

Мне стало жарко, в ушах застучала кровь. Нет, этого не может быть. Это будет уже слишком. Так не бывает.

Или бывает?

Грокс сказал про двойной поток, который можно заметить при оценке магического потенциала мага. А что сделал Норман в тот день, когда я попала под темное заклятие его студентки? И не двойной ли поток, вступивший в резонанс из-за усиливающего артефакта, стал причиной разрушения гранитной стены на прошлом занятии по Энергии магического потока? Почему я раньше обо всем этом не подумала?

Я не слышала больше ничего из лекции. Грокс еще что-то рассказывал, но мне словно уши ватой заложило. Когда я заметила, что все собираются и встают со своих мест, я вцепилась в руку Хильды и чужим голосом попросила ее:

— Пойдем со мной.

Кажется, она мне до этого что-то говорила, я перебила ее на полуслове, но то ли мой голос, то ли мой вид напугал ее так, что она даже вопросов не стала задавать, просто молча кивнула.

Я привела ее туда, где находилась тайная комната. Двери в стене не оказалось, хотя я, как обычно, провела по ней рукой.

— Что это? — спросила Хильда. — Зачем мы пришли сюда?

— А ты не могла бы теперь отойти подальше и подождать меня там? — все тем же хриплым, незнакомым мне самой голосом попросила я.

— Хорошо, но после этого ты мне все объяснишь.

Я кивнула, а она пошла прочь по коридору и вскоре скрылась за поворотом. Я снова

провела рукой по стене. В этот раз моя ладонь наткнулась на дверную ручку, а сердце почти замерло.

Я вошла в комнату, обвела ее взглядом, чувствуя, как ноги подгибаются в коленях. Портреты Роны Риддик и Норда Сорроу стояли все на том же месте, и меня словно острым ножом проткнуло. Как я сразу не догадалась? Хотя как можно о таком догадаться? Как можно подумать, что ты ревоплощение древней королевы? Я и сейчас все еще не хотела в это верить.

И все же я подошла к столу, перевернула несколько страниц дневника, потом открыла его в конце и провела пальцем по краешку вырванной страницы.

«На странице под перстнем было прощальное послание Роны ко мне. В нем она проклинала меня. Меня и мои слова. Она писала, что я навлек на нее позор и бросил...»

Прощальное послание Роны Риддик. На странице дневника, которую он вырвал и забрал с собой. Остальное оставил здесь. Потому что не знал, что написано на других страницах — он не мог их прочесть. Она зачаровала дневник так, чтобы только она сама могла его читать, поэтому была так откровенна.

Я схватила дневник и поторопилась к Хильде. Мне требовалось подтверждение моей теории.

Подруга, как я и просила, ждала меня за поворотом. Я протянула ей раскрытый дневник и нервно спросила:

— Что тут написано? Ты можешь прочитать?

Хильда удивленно полистала тетрадь туда-сюда и пожала плечами.

— Нет, я вижу только пустые страницы. А ты видишь текст?

Из легких вышел весь воздух, а втянуть его обратно я никак не могла.

— Таня, что происходит? — взволнованно спросила Хильда.

«...Ревоплощение завершается тогда, когда магический поток Развоплощенного... подавляет собственный магический поток мага. И тогда же личность Развоплощенного... подавляет личность мага...»

Меня так сильно замутило, что показалось — сейчас вырвет. Я стиснула зубы, прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Спокойно. Не дергайся, сначала разберись.

— Прости, мне надо срочно поговорить с родителями.

Прижав дневник к груди, я побежала к порталам. И только в главном холле вспомнила, что по будням они закрыты для студентов. Но я не могла ждать еще целую неделю. Мне казалось, я и так могу умереть в любую секунду.

На мое счастье один из порталов открылся, и из него появился ректор с какими-то бумагами в руках.

— Пожалуйста! Ректор Ред, пожалуйста, пустите меня домой. Это вопрос жизни и смерти!

— Ларина? — удивился он. — Что за пожар? У вас были целые выходные...

— Ректор Ред, пожалуйста! — крикнула я так, что мой голос сорвался, а ректор испуганно вздрогнул.

— Ладно... — пробормотал он, посмотрев на тетрадь, которую я прижимала к груди.

Активировав портал и сделав приглашающий жест, ректор внезапно сказал:

— От судьбы не убежать, Таня. Надеюсь, вы вернетесь.

Пока я бежала под дождем, который шел в моем мире, пока добиралась на метро, пугая других пассажиров резкими движениями и пряча от них лицо, я старалась не думать. Я боялась мыслей, которые могли родиться в моей голове, боялась на придумывать себе ужасов. Словно мантру, я твердила себе: «Сначала поговори с родителями». Мерзкий голосок внутри меня твердил, что все действительно так ужасно, как мне кажется, иначе родители не стали бы скрывать правду, но я старалась его не слушать.

Наверное, мама совершенно не ожидала увидеть меня среди дня в понедельник. А может быть, мое лицо выглядело настолько ужасно, что заставило ее испуганно побледнеть.

— Таня? Что случилось?

— Рона Риддик, — выдавила я из себя, так и стоя на пороге. Голос плохо слушался, челюсти сводило, поэтому слова приходилось выталкивать из себя с усилием. — Революция. Я. Что ты знаешь об этом?

Ее лицо сразу сказала о многом. Горечь и облегчение смешались на нем в причудливое выражение, какого я никогда раньше не видела. Она тяжело вздохнула и кивнула.

— Я знала, что если ты отправишься в Орту, ты рано или поздно все узнаешь.

Она посторонилась, пропуская меня внутрь. Я вошла, только сейчас осознав, что меня бьет крупной дрожью. И не только от возбуждения, но и от холода: я совсем промокла и оказалась одета недостаточно тепло для московского мая. Зато дневник в моих руках, который я так и прижимала к груди, не пострадал. Видимо, он был защищен не только от чужих глаз, но и от неблагоприятного воздействия.

Мама в первую очередь дала мне сухую одежду и отправила в ванную переодеться и высушить волосы.

— Я пока позвоню папе, — пообещала она. — Лучше нам поговорить всем вместе.

Я согласно кивнула, невзирая на желание заорать и потребовать, чтобы мне объяснили все немедленно. По лицу мамы я видела, что ей эта тема причиняет не меньшую боль, нежели я испытывала сейчас сама, поэтому закатывать истерику было бы нечестно с моей стороны.

Когда я вышла из ванной, мама вручила мне чашку горячего чая. Моего любимого: с бергамотом и мятой.

Мы сели в гостиной на диван. Я держала чашку в руках и смотрела на крошечный листик мяты, плавающий на поверхности.

— Скажи мне хотя бы, это действительно так? — попросила я, глядя на дрейфующий листик. — Она ревоплотилась во мне?

Мама коснулась моих волос, которые я высушила как попало, поэтому они наверняка торчали во все стороны.

— Да, это действительно так, — грустно подтвердила она, давая мне понять, что все мои страхи имели под собой нешуточные основания.

— И давно вы об этом знаете?

— С самого твоего рождения. Мы с твоим папой были постоянными гостями Дома Роны... Чтобы ты понимала: это как здесь быть прихожанами одной церкви. Там и познакомились. И когда ты родилась, мы, конечно, отнесли тебя к хозяину Дома. Для благословения. Чтобы Развоплощенная знала о тебе и приглядывала за тобой. И тогда

сработал первый артефакт. Ее амулет — его прикладывали ко всем младенцам. Эта традиция такая давняя, что все уже и забыли, для чего она. Хозяин, конечно, был шокирован. Мы с папой тоже. Сначала. Потом наступила эйфория. Как же! Великая Рона Риддик вернулась. То, чего ждали веками, наконец состоялось. А наша дочь оказалась Избранной.

В ее голосе слышалась горечь. Мама вздохнула и отвернулась от меня, решив напиток чая и себе. А я продолжала смотреть на несчастный листик. Лишь через пару минут тишины я наконец поинтересовалась:

— Если это такое благо, то чего же вы молчали?

— Благо обернулось проклятием почти сразу. Или кто-то из тех, кто был в тот момент в Доме, нас выдал, или кто-то из друзей. Монархисты узнали, и нам всем подписали смертный приговор.

— Но почему? Чем им мешает Рона Риддик?

— Своим обещанием, — пояснил папа, неизвестно откуда появившийся на пороге гостиной.

Ни я, ни мама не слышали, как он вошел. И я не представляла, как он так быстро добрался до дома: или был где-то недалеко, или воспользовался порталом, не иначе.

— Каким обещанием? — не поняла я, хотя смутное воспоминание всколыхнулось на дне памяти.

Папа прошел в комнату, сел в кресло, стоявшее рядом с диваном, и посмотрел на меня.

— Прежде всего, хочу тебе кое-что объяснить. В магическом мире мой род — один из древних. И много веков мы были приближены к королевской семье. Я сейчас имею в виду род Риддиков. Когда Рона Риддик вышла замуж за Гордона Геллерта и они были объявлены властителями Объединенного Королевства, мой далекий предок оказался приближен уже к ним обоим. И в тот день, когда Рона погибла, а ее муж изображал горе, он был рядом с ним. В том числе в тот момент, когда разгневанная проекция погибшей супруги явилась Гордону. Она была достаточно сильным магом, поэтому ее проекцию видели и слышали все, кто в тот момент находились в одном зале с королем. Рона во всеуслышание заявила, что это он ее убил: они с отрядом легионеров действительно были атакованы большой группой низших, но отбились. Не все: в живых осталась только она и еще трое легионеров. Когда они выбирались, они наткнулись на Гордона с группой легионеров, преданных только ему. Те нанесли ранения своим товарищам, а Гордон лично ранил Рону в ногу, после чего она уже почти не могла идти. Потом нападавшие ушли, а запах крови привлек низших...

Я закрыла лицо рукой, и папа резко замолчал, видимо, осознав, что слишком увлекся кровавыми подробностями.

— Значит, это он подстроил ту ловушку, да еще лично проконтролировал, чтобы Рона из нее не выбралась, — я отняла руку от лица и вопросительно посмотрела на папу. — Зачем? Он же любил ее.

— От любви до ненависти путь такой же короткий, как и в обратном направлении. Ходили слухи, что их брак был всего лишь политическим союзом, но потом их интересы разошлись. Рона хотела вернуть Республику. Королевство она видела временной мерой, просто чтобы успокоить народные массы. А Гордон желал править пожизненно и передать власть наследнику. Идея Республики его не вдохновляла. Но Явление стало для него началом конца. Те, кто был по-настоящему предан Роне, исполнили ее волю и вынудили Гордона уйти. Сделать вид, что он передает власть Республике добровольно, чтобы не возникло новых волнений. Взамен ему обещали полное королевское содержание до конца жизни и

значимое место в истории.

Я покачала головой. Просто блеск! Интриган и убийца стал народным героем, а человек, который на самом деле создал их драгоценную Республику, представлен тираном, из-за которого она рухнула после первой попытки.

— Ничто из этого не объясняет, почему монархисты пытаются всех нас убить, — напомнила я, понимая, что меня уже тошнит от политических подробностей.

— В своем Явлении Рона Риддик пообещала Гордону, что пока она существует, ни он, ни его наследники править магическим миром не будут.

Папины слова упали на меня тяжелым камнем. Еще одним из тех, которыми меня стремительно засыпало.

«Пока я существую, ни ты, ни твой род никогда не будете править этим миром, так и знай...»

Воспоминание яркой вспышкой промелькнуло в голове, и я снова закрыла лицо рукой. Оно уже прорывалось ко мне раньше, но Норман сделал вид, что оно ничего не значит, и я, погрузившись в водоворот событий, благополучно забыла о нем. Выкинула из головы как нечто не нужное. Как нечто пугающее.

Потому что это было не мое воспоминание, а ее.

— Значит, — я тяжело сглотнула, — монархисты, желающие вернуть власть потому что Гордона Геллерта, прознали, что Рона Риддик ревоплотилась и ее можно уничтожить. Вы ударили на опережение: инсценировали свою смерть и скрылись в мире людей. Так?

Папа кивнул.

— Признаюсь честно: на тот момент нашей задачей было защитить тебя... как новое воплощение великой королевы. И помогали нам те, кто хотел защитить именно Рону Риддик. Те, кто верит, что с ее возвращением Республику ждет новый расцвет. — Он вдруг улыбнулся, а когда продолжил, голос его зазвучал гораздо мягче: — Но ты росла, у тебя появлялся характер, своя индивидуальность, а у нас крепло понимание, что все это исчезнет, когда ревоплощение завершится. Когда Рона Риддик полностью возьмет контроль над телом. Я понял, что не готов принести Роне Риддик такую жертву. Мы оба были не готовы, — он бросил грустный взгляд на маму, а потом снова посмотрел на меня, — и у нас родилась безумная идея. Мы решили сбежать еще раз: теперь уже от тех, кто ждал твоего взросления и возвращения королевы. Мы с мамой изменили внешность, а тебе мы изменили возраст, когда тебе было почти семь, сделав тебя почти на два года младше. Мы не могли полностью скрыться от магического мира. Совсем не пользоваться магией для нас — это нереально, рано или поздно все равно сорвались бы. И это привлекло бы к нам внимание: шутка ли, неучтенные маги в мире людей. Поэтому просто спрятались среди других Покинувших.

— Мы решили, что если ты никогда не начнешь пользоваться магией, если твои потоки не начнут фокусироваться, то и ревоплощение не завершится, — перехватила инициативу мама. — Ведь это магический поток Роны Риддик должен был завершить начатое. Поэтому мы не рассказывали тебе ничего о магическом мире и не хотели отпускать в Орту. По нашей задумке ты должна была прожить жизнь Тани Лариной — обычной девушки из обычного мира. А древняя королева потом пусть сама бы искала себе новое тело.

— Но когда начались убийства девушек из семей Покинувших, мы поняли, что монархисты не успокоятся, — снова вмешался папа. — Они, вероятно, предположили, что ревоплощенную Рону Риддик будут держать в мире людей, пока процесс не завершится.

— Нам пришлось срочно менять план, — мама бросила на папу мрачный взгляд. —

Тогда-то твой отец и предположил, что если твоя первая неделя в Орте превратится в ад, то ты не захочешь продолжить обучение

— Но вместе с тем ты окажешься в списках отчисленных, а не отказавшихся от обучения. И даже если кто-то обратит на тебя внимание, никто не поверит, что великую Рону Риддик могли отправить в Орту такой... неподготовленной и незащищенной. Ты бы вернулась домой, а твой поток так и остался бы неактивированным. План должен был сработать, но...

— Он бы сработал, — перебила я, снова глядя на чашку, из которой я так и не сделал ни глотка. — Если бы Норман не вмешался, он бы сработал.

Я вспомнила все свои мысли в первые дни обучения. Свою истерику в лазарете. Твердое решение бросить обучение и вернуться домой, невзирая на штраф. Вспомнила, как родители сами потом активно склоняли меня к этому, но было поздно: я уже влюбилась в Нормана, хоть еще и не осознавала этого.

Я посмотрела на перстень, который блестел на моем пальце: я совсем забыла спрятать его, как делала каждый раз, возвращаясь домой на выходные. Папа проследил за моим взглядом и нахмурился.

— Когда я понял, что наш план уже не сойдется, я занялся поисками фокусирующего артефакта. Пытался найти что-то, что сможет фокусировать только твой поток и совершенно не подойдет потоку Риддик. Но ваша магия оказалась очень похожей. У тебя нет ни одной ее внешней черты, но внутренняя магическая суть почти такая же. Поэтому это заняло так много времени. Однако в процессе я узнал, что это за перстень и понял: тот, кто его тебе дал, узнал в тебе поток Роны Риддик, и решил помочь ему завершить реинкарнацию. Тогда я взял просто артефакт, который тебе подходил. Чтобы заменить им перстень. Чтобы у твоего потока было больше шансов фокусироваться. Я точно не знал, может ли это помочь, но... Надеялся.

Я вдруг разозлилась. Неужели трудно было объяснить все это еще на каникулах? В тот вечер, когда мы разговаривали?

— Почему ты мне не сказал? Зачем придумал эту глупость про поток, который может войти в меня через перстень? Почему не сказал, что он уже во мне?

— А как сказать подобное своему ребенку? — папа выглядел в этот момент таким несчастным, что моя злость внезапно захлебнулась, так и не захватив меня полностью. — Как сказать родной дочери, что на ее тело претендует Развполощенная? Что она уже его захватывает? Прости меня, Таня. Я оказался недостаточно сильным для этого. Поверь, все, что я делал, я делал, чтобы тебя защитить, но я подвел тебя. Я кругом ошибся и везде опоздал. Прости.

Я какое-то время молчала, глядя на перстень. Меня душили слезы, но почему-то глаза оставались сухи.

— Ты не виноват, — в конце концов сказала я. — Вы оба ни в чем не виноваты. Ваш план мог сработать. Но древние короли — лучшие во всем. Их воле трудно противостоять.

Я почувствовала, как мама снова коснулась моих волос и услышала ее тихий всхлип. Я же сглотнула вставший поперек горла ком и снова посмотрела на папу. Стараясь, чтобы голос не дрожал, спросила:

— Как это будет? В один прекрасный день вместо меня проснется она? Или это будет похоже на раздвоение личности: мы будем по очереди захватывать контроль над телом, пока я полностью не исчезну?

Мама всхлипнула громче, даже у папы глаза заблестели, а голос охрип, когда он ответил:

— Мы не знаем. Никто не знает.

В тот день я в Орту не вернулась. Родители, конечно, на этом и не настаивали. Они вообще опять предложили мне бросить обучение.

— Может быть, если ты перестанешь пользоваться магией, процесс еще можно будет остановить, — с надеждой предположил папа.

Я сказала, что подумаю, и скрылась за дверью своей комнаты.

Я не жила здесь уже почти год, навевалась только на выходные, причем последнее время не чаще раза в месяц, но в комнате все оставалось без изменений. Мама только протирала пыль и иногда убирала на место вещи, которые я бросала где попало. В остальном все выглядело так, будто я могла в любой момент вернуться к прежней жизни.

Однако это было обманчивое впечатление, сейчас я чувствовала это особенно остро.

Ничто и никогда уже не сможет стать прежним. Все мои бывшие планы сейчас казались мне глупыми, детскими, несерьезными. Жизнь, о которой я мечтала раньше, теперь пугала своей пустотой. После планов, которые я строила последние несколько недель, и надежд, с ними связанных, перспектива вернуться в мир людей, пойти работать в офис и выйти замуж за какого-нибудь нового Сережу казалась ужасной.

За те несколько месяцев, что я провела в Орте, магия стала неотъемлемой частью меня. Я понимала, что уже не смогу ею не пользоваться. Папа ведь и сам так сказал: для мага это почти нереально, рано или поздно сорвешься. Потому что без тепла магического потока я стану чувствовать себя неполноценной. Это как решить, что отныне ты не пользуешься правой рукой, хотя она у тебя есть.

Так что идею перестать использовать магию и таким образом остановить ревоплощение я отменила почти сразу. А что оставалось? Оставалось ждать, когда я перестану существовать, а на мое место придет та, которую маги ждут последние пять веков.

Почему она выбрала меня? Этот вопрос бился в черепной коробке как птица, пойманная в силки, несколько дней подряд. Почему именно я? Чем я ей так приглянулась? Почему она не выбрала кого-то другого? Какую-то другую девушку.

В глубине души я понимала, что должна быть благодарна ей за этот выбор. Ведь именно благодаря ему в моей жизни случился Ян Норман. Я могла бы не быть новым телом для Роны Риддик, спокойно жить и расти в мире магов под своим именем, могла даже пойти учиться в Орту, но Ян не обратил бы на меня внимания. Я бы стала для него всего лишь одной из многих и прошла бы мимо его жизни абсолютно незамеченной.

Когда я задумывалась об этом, когда вспоминала про него, сердце то начинало биться быстрее, то как будто почти останавливалось. Вопросы в моей голове менялись.

Как он мог мне врать? Смотреть в глаза, говорить о любви — и врать? Я считала его лучшим из людей, идеальным мужчиной, который никогда меня не предаст, а он...

А что он? Он предупреждал.

«На самом деле я далек от идеала. Не хочу, чтобы ты обманывалась на мой счет».

А я обманывалась и радовалась этому, лишь теперь поняла, что он имел в виду. Хотя если задуматься и на секунду забыть о своем треснувшем и истекающем кровью сердце, то понимаешь, что он не сделал ничего предосудительного. Просто любил женщину, просто хотел ее вернуть. Не останавливался ради этого ни перед чем. Будь я Ронной Риддик, я бы оценила.

Но я была Таней Лариной — в крайнем случае, Дарлой Вонен — и потому оценить его преданность не могла. Во мне высокой волной поднималась злость. Как в тот раз, когда он впустил в меня темный поток. Но теперь я старалась разжигать в себе эту злость, повторяя себе снова и снова, что он предал меня, обманул мое доверие, растоптал мои чувства.

Только сколько бы я ни твердила себе это, что-то внутри меня сопротивлялось и не хотело верить. Возможно, то было воздействие мерзкого паразита, уже пустившего корни в моем теле — Роны Риддик? Может, именно она не давала мне снять перстень, подаренный Норманом, даже сейчас, когда я понимала, что он только приближает мое исчезновение и ее победу.

Злость рассыпалась на куски, когда я вспоминала день, в который Норман подарил мне его. Как он возился со мной, помогая подготовить реферат. Как активировал поток, как разговаривал, отвечая на интересующие меня вопросы. На смену этому приходили и другие воспоминания: моя некрасивая истерика после похода в торговый центр Апарин за платьем, наши танцы на балу, ужасная ночь, которая последовала за этим. Теперь все становилось на свои места и вопросов больше не оставалось. Он защищал меня, потому что во мне уже теплилась жизнь его потерянной возлюбленной. Теперь я понимала, что он искал взглядом. Искал и не находил: знакомое выражение, проблеск воспоминаний. Он искал во мне ее.

Я задавалась вопросом, как такой шикарный мужчина мог увлечься такой обычной девушкой, как я? Вот и ответ: никак. До меня ему равным счетом не было никакого дела. Может быть, поэтому он так долго не говорил мне заветного «люблю»? Чтобы не врать лишнего? Зачем он вообще пошел на отношения со мной, а не дождался окончательного ревоплощения? Просто чтобы я не была с кем-то другим? Чтобы было проще меня контролировать и сохранять мое тело для нее?

Вопросы разрывали мне голову несколько дней, я каждый раз ждала, что вот-вот разревусь от обиды, но слез не было. Они рождались внутри, сдавливали грудную клетку, но так и не доходили до глаз.

Мои бедные родители не знали, что им делать, как отвлечь меня от мрачных мыслей. Сейчас я как никогда хорошо понимала, почему они ничего не рассказывали и пытались просто уберечь меня. Несколько лет жить с мыслью о том, что на твое тело претендует другая душа, которая рано или поздно тебя вытеснит, — это все равно, что жить в ожидании смертной казни. Отчасти я жалела, что им не удалось сохранить эту тайну. Но только отчасти.

Этот учебный год стал самым необычным в моей жизни. Границы моего мира расширились до небывалых размеров. Я узнала так много, я увидела так много, столько пережила и почувствовала. Целой жизни в душной Москве могло бы никогда не хватить для такого. Я узнала себя с разных сторон, я боролась за свое место, за свою жизнь, за свою любовь. И ни за что не променяла бы все это на покой и безопасность незнания.

А главное: я ни на что не готова была променять эти месяцы рядом с Яном. Взгляды и прикосновения, разговоры и приключения, ночи и дни, поцелуи украдкой, улыбку, лишь слегка приподнимающую уголки губ, но совершенно меняющую выражение глаз, его голос и слова, которые все равно настойчиво звучали в моем сердце.

«Я люблю тебя, Таня Ларина. Я действительно очень сильно тебя люблю».

Возможно, себя в тот момент он обманывал даже больше, чем меня. Все эти годы он продолжал любить только одну женщину — Рону Риддик. С этим мне предстояло смириться.

Но только с этим. Если чему-то Ян меня и научил за эти месяцы, так это не тратить время на жалость к себе и бороться до конца, до последней секунды, пока есть хотя бы малейшая возможность. Даже если все тебя уже мысленно похоронили. Этим я и собиралась заняться.

Я решила, что мне плевать на планы всех древних королей и королев вместе взятых. Роне Риддик нужно мое тело? Эта стерва обойдется! Я заняла его первой, пусть поищет себе другое. Неважно, почему она меня выбрала. Может быть, решила, что я окажусь легкой добычей? Ведь я всю жизнь была слабой, избалованной. Избегала проблем, уходила от столкновений. Уступала. Надеялась на других. Смирялась. Возможно, предполагалось, что я и тут смирюсь, уступлю и буду покорно ждать конца? А вот как бы не так! Еще посмотрим, чей поток окажется сильнее.

Если Яну Норману была нужна Рона Риддик, я могла ему только посочувствовать. Потому что пока здесь была только Таня Ларина. Не идеальная, не великолепная, не великая, не королева и не богиня, а совсем обычная девчонка. До сих пор я позволяла другим определять свою судьбу: родителям, монархистам, Яну, Роне. Я подставлялась под удары Корды Мест, Марека Кролла, Вильяма Нота. Я позволяла себе быть слабой и доверчивой постоянно искала того, кто будет решать мои проблемы: сначала эту роль выполнял мой отец, а когда он перестал справляться и начал совершать ошибки, я повесила себя на шею Яну Норману. Но теперь со всем этим было покончено.

Помочь себе остаться собой могла только я сама.

* * *

Родители от моего решения в восторг не пришли, но долго спорить и отговаривать не стали. Они чувствовали вину за не сложившиеся планы, а потому теперь были готовы дать мне полную свободу действий.

В Орту я вернулась воскресным утром, и в первую очередь отправилась в свою комнату, надеясь найти там Хильду. Я задолжала подруге объяснения.

Хильда, как обычно в это время, готовилась к тренировке. Заставив себя улыбнуться, я спросила, возьмет ли она меня с собой. Судя по недовольному взгляду, который достался мне в ответ, она все-таки обижалась, но тем не менее дала мне шанс:

— У тебя будет ровно сорок пять минут на то, чтобы объяснить мне, какая муха укусила тебя в понедельник и куда ты потом пропала. По истечении этого времени считай, что я с тобой больше не дружу.

Я согласно кивнула и поторопилась переодеться.

На то, чтобы все объяснить, мне хватило короткой прогулки до спортивного корпуса. Я вновь обошла стороной настоящую личность Яна, из-за чего картина получилась не совсем полной. К счастью, для магов было столь естественно и нормально обожать Рону Риддик и желать ее возвращения, что причина, по которой он подарил мне перстень, была все равно очевидна. Хильда слушала, не перебивая, но очень доходчиво выражала отношение к моему рассказу живой мимикой. Когда я закончила, она задала только один вопрос:

— И что ты теперь будешь делать?

Мы уже дошли до спортивного зала, который воскресным утром по обыкновению пустовал, и были готовы начать разминку, но Хильда медлила, внимательно разглядывая мое

лицо. Я пожалала плечами и малодушно отвела взгляд в сторону. Вдруг она не одобрит мое решение и попытается переубедить?

— Постараюсь остаться собой. Я, конечно, очень сочувствую ей: она рано погибла и ее предал самый близкий на тот момент человек, но себе я как-то больше сочувствую. У меня были планы на эту жизнь, и я не готова отдать другой свое тело.

— С этим-то все понятно, — отмахнулась Хильда. Похоже, она другого варианта и не видела. — Что ты будешь делать со своими отношениями? Если он все это время старался вернуть Риддик, то ваши интересы теперь расходятся.

Я кивнула, по-прежнему не глядя на подругу. Я чувствовала себя неловко из-за того, что не говорю всей правды, но это ведь была уже не моя тайна. Поэтому мне пришлось ограничиться лаконичным:

— Я не думаю, что при таком раскладе у нас теперь что-то получится.

Наверное, что-то такое прозвучало в моем тоне, из-за чего Хильда не стала задавать новых вопросов. Вместо этого она хлопнула в ладоши и велела:

— Так, ну хорошо! А теперь все это выкидываем из головы и начинаем потеть.

Именно так я и постаралась сделать. И то ли несколько пропущенных тренировок дали о себе знать, то ли Хильда очень старалась выбить все мысли из моей головы, но уже через четверть часа я думала только о том, как бы не задохнуться и не свалиться от усталости раньше срока. Тревога и боль, которые никуда не делись даже после того, как я приняла судьбоносное для себя решение, на какое-то время отступили на десятый план.

К сожалению, ненадолго. Я еще принимала душ, когда они вновь накатили на меня с новой силой, и на этот раз я даже смогла от души поплакать, растворяя слезы в потоках воды. Впервые с того момента, как узнала всю правду.

Соблазн отсидеться до понедельника в общежитии был велик. Я почти не сомневалась, что Норман в Орте. Каждую минуту, что я проводила вне комнаты, я рисковала встретиться с ним. Однако я понимала, что не сегодня — так завтра, не завтра — так в среду, но я все равно столкнусь с ним лицом к лицу. Объясняться все равно придется. И мне нужно будет где-то взять силы подвести черту под нашими отношениями.

Поэтому после душа я смело отправилась в библиотеку. Хильда осталась в комнате: она планировала посвятить время до обеда отработке некоторых заклятий.

Моему запросу библиотекарь не удивился, поскольку наш курс и так проходил тему развоплощения. Несколько студентов даже сидело за столами читального зала и корпело над рефератами для Грокса.

Получив стопку книг, я отнесла ее к самому дальнему столику, спрятавшемуся в углу, и углубилась в чтение. Мой план был прост: я собиралась узнать про развоплощение все, что о нем известно. А главное: все теории, которые существуют на тему ревоплощения. Возможно, что-то из этой информации подскажет мне, как помешать Роне Риддик полностью завладеть моим телом. Пока мои идеи ограничивались решением отныне использовать для фокусировки потока только кулон, подаренный отцом. В идеале я хотела бы научиться отличать свой магический поток от чужого, но пока я не представляла, как это сделать.

Я не услышала шагов, поскольку слишком погрузилась в чтение, но все равно как-то почувствовала присутствие Нормана.

— Таня? — в его голосе причудливо смешались тревога, удивление и недовольство.

Я глубоко вдохнула, на мгновение прикрывая глаза, а потом все же осмелилась поднять на него взгляд. Сердце моментально болезненно заныло, и на одно короткое мгновение я

почувствовала, как моя решимость тает. Я понимала, что не смогу теперь быть с ним, зная, что он постоянно ищет во мне взглядом признаки пробуждения Риддик. И в то же время не знала, как же я теперь буду без него.

— Я рад видеть вас в добром здравии, — между тем продолжил он, стоя над моим столом в до боли знакомой позе: с прямой спиной и сцепленным за ней руками. Его взгляд скользил по разложенным передо мной книгам. — Ректор сказал, вы внезапно заболели и были вынуждены временно вернуться домой.

Я бросила взгляд на соседние столики: сокурсники занимались своими рефератами, если кто и бросал на нас взгляд, то почти сразу терял интерес.

— Да, пожалуй, так оно и было, — хрипло отозвалась я, тяжело сглотнула и откашлялась, чтобы привести голос в норму. — Прошу прощения за прогул, профессор Норман.

Он оторвал взгляд от книг и перевел его на мое лицо, слегка прищурился, разглядывая его. Видимо, уже что-то понял по голосу, но пока не мог определиться с причиной моего странного поведения. Я изо всех сил старалась не отводить от него взгляд, радуясь, что сегодня в библиотеке оказались другие студенты. Это значило, что до откровенных разборок у нас дело не дойдет.

— Ничего страшного, — протянул Норман, а потом снова скользнул взглядом по учебникам. — Надеюсь, вам уже лучше?

— Пока нет, — честно призналась я. — Но я работаю над этим.

Мои руки непроизвольно сжали книгу, которую я читала, сильнее. Во взгляде Нормана промелькнуло понимание, но внезапную догадку он явно не захотел принимать с первого раза.

— Готовите реферат по истории? — глухо уточнил он.

Кажется, я все-таки горько усмехнулась, услышав этот вопрос.

— Вроде того. Но тема вообще оказалась очень интересной. Для *меня*.

Эти слова — или то, как я их произнесла, — заставили его побледнеть. За все время я, кажется, всего один раз видела Нормана испуганным: тогда в подземелье, когда монстр, старательно отвлекаемый им, все-таки едва не бросился на меня. Теперь к тому разу добавился еще один.

— Таня... — тон, которым он произнес мое имя, не имел ничего общего с тоном профессора Нормана. Это был мой Ян. Такой, каким он был со мной только за закрытой дверью своих комнат. Следующие слова так и умерли у него на губах, когда он тревожно оглянулся на других студентов. — Все не так, как ты думаешь, — все же закончил он. — Поверь мне.

Я покачала головой, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

— Простите, профессор Норман, но я обещала себе больше не быть доверчивой дурочкой.

Неожиданно он наклонился ко мне, уперся руками в стол. Его лицо оказалось очень близко. Он заговорил тихо, быстро и уверенно:

— Таня, послушай меня. Я знаю, как все это сейчас выглядит для тебя. И понимаю, что ты, должно быть, в бешенстве и уже готова меня возненавидеть, но позволь мне все объяснить. Наедине.

Я хотела согласиться. Господи, я так хотела согласиться, что слова: «Я зайду к тебе вечером» уже жгли грудную клетку изнутри. Пусть бы у него действительно нашлось для

меня объяснение. Пусть бы он нашел правильные слова, после которых боль, разрывающая сердце, унялась.

Но я боялась, что объяснит он мне другое. Объяснит, насколько правильнее будет принять свою судьбу и дать Роне Риддик второй шанс. Я знала, что если он скажет всего несколько нужных слов, забуду обо всех своих решениях и выполню любую его просьбу. Даже если это будет равносильно моей гибели.

— У тебя была масса времени все мне сказать, — так же едва слышно ответила я, из последних сил не отводя взгляд в сторону, — а сейчас я уже не готова это слушать.

Несколько секунд он оставался неподвижен. Смотрел на меня, как будто искал, за что зацепиться. Не нашел. Зато я заметила, что все больше студентов обращает внимание на наше странное общение.

В конце концов Норман кивнул, как будто смиряясь с неизбежным, и выпрямился.

— Что ж, — резюмировал он, — я подожду, пока ты будешь готова. Просто дай мне знать. Только помни, пожалуйста, что я сказал тебе в тот день, когда Анна Бауэр подсунула мне Проявляющего.

Сказав это, он повернулся и стремительно вышел из библиотеки. А я наконец смогла выдохнуть и ссутулиться. Меня трясло, перед глазами все расплывалось. Только сейчас я заметила, что неосознанно смяла рукой страницы книги. А потом обратила внимание на перстень, который так и блестел на моем пальце.

Продолжая замороженно наблюдать, как свет шаров отражается от граней драгоценных камней, я против воли в тысячный раз прокручивала в голове те его слова.

«Я люблю тебя, Таня Ларина...»

Хотел ли Норман этим сейчас сказать, что в какой-то момент все-таки полюбил меня? Или это была какая-то уловка?

Я не знала, во что мне верить. Да и вообще не чувствовала в себе сейчас силы *верить*. Я должна была во всем разобраться и все понять, а потом уже принимать решения.

Я стянула с пальца перстень и положила его в карман сумки.

Когда начался мой головокружительный роман с преподавателем, время летело быстрее пули. Я едва успевала ходить на лекции, тренировки, отрабатывать заклинания, писать рефераты, проводить время с Яном, думать о времени, которое я проведу с Яном, навещать родителей. Теперь же половина всех этих занятий отвалилась. Первым делом я вычеркнула из своего расписания утренние тренировки и вечерние визиты в личные комнаты преподавателя. На лекцию по ТРЗ в среду тоже так и не заставила себя пойти. Возвращаться на выходных домой мне не хотелось: и мне, и моим родителям требовалось время свыкнуться с мыслью, что никаких секретов больше не осталось. Я бы с удовольствием заполнила освободившееся время дополнительными тренировками с Хильдой и, может быть, какими-то другими совместными занятиями, но у той времени как раз не хватало. Ее роман с Андреем только набирал обороты. Поэтому приходилось порой тренироваться одной.

Видела я во всем этом и положительную сторону: всего за две недели я наверстала упущенное по учебе, что накануне экзаменов было весьма кстати. Во вторую сессию я имела все шансы завалить только ТРЗ, а по остальным предметам получить высший или почти высший балл. Учитывая, что у меня имелась в запасе вторая специализация, проваленное ТРЗ не могло помешать мне получить диплом и право посещать магический мир. Не то чтобы я планировала в него вернуться, но и отказываться от имеющейся у меня возможности не хотела. Этому меня тоже научил Норман.

Я боялась, что он предпримет новые попытки поговорить со мной. Остаться наедине, подловить меня в коридоре или еще что-то. Он ведь не мог просто взять и бросить свою затею? Ему ведь была нужна Рона. Если только он не был уверен, что она все равно рано или поздно ревоплотится, а потому нет смысла тратить время и силы на убеждение меня. Так или иначе, хотя судьба сталкивала нас достаточно часто и я постоянно ловила на себе его взгляд, он не пытался навязать мне разговор. Может быть, действительно ждал, когда я сама созрею?

Все свободное время я посвящала изучению вопроса развоплощения и последующего ревоплощения. Однако если про первое маги знали мало, то про второе не знали вообще ничего.

Как нам и сказал Грокс, большинство авторов, исследовавших вопрос, сходились на том, что человек, который станет новым телом для умершего мага, будет иметь два магических потока: свой и Развоплощенного. В этом они не ошиблись. Далее, по их мнению, Развоплощенный через какое-то время должен был подавить второй поток, поскольку существование с двумя потоками одновременно не могло длиться долго. Это могло безболезненно происходить только до тех пор, пока потоки оставались не активированы. При подавлении все, что было связано со вторым потоком — личность и воспоминания — могло исчезнуть. Потому что маг — это прежде всего магический поток, остальное надстраивается сверху. Так утверждали книги. Меня даже немного удивило, что все теории звучат так похоже, словно списаны с одной и разбавлены несущественными подробностями. На фоне того, что ни одного ревоплощения еще не было, это выглядело странно.

Все это не очень обнадеживало, означая, что «симбиоза» у нас с Роной не выйдет. Или я ее, или она меня — третьего не дано. Но, по крайней мере, у меня оставался шанс противостоять ей. Если ее поток мог подавить мой, то и мой мог сделать то же самое. Если

окажется достаточно сильным. Или я научусь его усиливать. Я даже начала задумываться о том, а не поможет ли мне темная магия остаться собой и победить Рону?

В последнее воскресенье мая, ровно через две недели после моего возвращения в Орту, когда до начала экзаменов оставалась всего неделя, я по обыкновению сидела в библиотеке, читая очередную книгу на тему ревоплощения, которая мало отличалась от предыдущих. Библиотекарь теперь посматривал на меня косо, поскольку учебным процессом мой интерес уже нельзя было объяснить, но я не обращала на него внимания.

Голоса Хильды и Андрея я слышала еще до того, как они вошли в библиотеку. Оказалось, что сегодня они решили позаниматься со мной.

— А то что ты тут все время одна сидишь, — хмыкнул приятель. — У нас ведь тоже экзамены на носу.

Это пусть немного, но подняло мне настроение: в обществе других людей, когда мне приходилось слушать и реагировать, невеселые мысли ненадолго стихали в голове.

— Что читаешь? — поинтересовался Андрей, притащив себе несколько нужных для подготовки книг. — Мы же вроде это уже проши?

Библиотекарь недовольно посмотрел на нас, но ничего не сказал: этим утром библиотека оставалась пустой, поэтому наши разговоры никому не могли помешать.

— Просто тема заинтересовала, — я пожала плечами, стараясь все же говорить тише.

— Правда? А меня вот совершенно не зацепило. Это же надо было столько написать, гадая на кофейной гуще. Откуда они могут знать, как пройдет ревоплощение, если его еще ни разу не происходило? Это как вариации на тему жизни после смерти: у каждого есть свое представление, но никто никогда не узнает, как оно на самом деле, пока сам не умрет. Зато пока живы, готовы спорить об этом до хрипоты и развязывания военных конфликтов.

В чем-то он был прав, конечно. С тем же успехом я сама могла написать любую теорию о ревоплощении. У меня имелись все шансы оказаться ближе к истине хотя бы потому, что во мне уже сидела Развоплощенная.

Я задумалась: а не стоит ли именно так и поступить? Может быть, если я придумаю свою теорию ревоплощения и достаточно сильно поверю в нее, то так и будет? Как говорил мне Норман? Если есть сильное желание, очень сильное, то можно сделать и то, чему тебя не учили, магический поток подстраивается.

Стоило вспомнить о Нормане, как он тут же материализовался в библиотеке: вошел следом за ректором, который что-то уверенно вещал. Судя по выражению лица самого Нормана и тому, как он раздраженно тер рукой лоб, слова ректора его не убеждали.

Они подошли к библиотекарю и принялись что-то обсуждать с ним. Я слышала только обрывки фраз, поэтому не могла понять, о чем идет речь. Да и старалась не прислушиваться. Я бы вообще предпочла испариться, хотя Норман даже не взглянул в мою сторону и, возможно, не заметил.

Зато ректор заметил, когда уже собирался уходить.

— Ларина! Как удачно я застал вас здесь. А ведь уже хотел в понедельник вызывать к себе.

Он подошел ближе и сделал знак Норману последовать за ним. Тот нехотя подчинился. Мое желание испариться усилилось. Кажется, ректор еще никогда меня так не пугал.

— Что же вы, госпожа Ларина? — он сердито посмотрел на меня. — Собственными руками организовали группу спецкурса по Темным ритуалам и заклятиям, а теперь прогуливаете?

Норман заметно поморщился, но промолчал, только скрестил руки на груди. На меня он продолжал не смотреть. Я же не удержалась, бросила на него изучающий взгляд. Что-то в его облике было не так. Он выглядел... усталым. Как будто недостаточно спал последнее время. Я подавила в себе желание справиться о его здоровье и попыталась сосредоточиться на словах ректора.

— Мало того, что группа уже сократилась до четырех человек, вы хотите сказать, что на экзамен выйдут вообще трое? — недовольно продолжал тот. — Так не пойдет. Это учеба, госпожа Ларина, а не кружок по интересам, чтобы ходить по желанию.

Я почувствовала, что не просто краснею, а, должно быть, становлюсь яркого свекольного оттенка. Конечно, Хильда мне уже намекала, что третий прогул подряд будет замечен. И даже взывала к моей совести: ведь она пошла на предмет исключительно из-за меня. Но я ничего не могла с собой поделать. Даже короткие встречи с Норманом в столовой, библиотеке, внутреннем дворе или коридорах Орты давались мне с трудом. Что уж говорить о целой лекции?

— И как вы прикажете мне теперь поступить? — настаивал ректор на какой-то ответной реакции.

Неожиданно вмешался сам Норман:

— Ректор Ред, студентка Ларина не виновата. Ответственность за ее пропуски полностью лежит на мне. Я повел себя... недостойно. У нее есть причины меня избегать.

Я буквально лишилась дара речи. Судя по выражению лиц ректора и моих друзей, их такое заявление шокировало ничуть не меньше. Еще бы, ведь это прозвучало почти как признание в домогательствах в отношении студентки. Хотя, конечно, формально Норман ничего такого не сказал и мог иметь в виду что угодно, но *прозвучали* его слова именно так.

— Хм, — ректор смущенно кашлянул. — Мне об этом ничего неизвестно. От студентки Лариной не поступало каких-либо жалоб на ваше поведение, профессор Норман. Если же такое имело место быть, то, я полагаю, это должно быть зафиксировано, иначе пропуски лекций выглядят именно как прогулы. — Он вопросительно посмотрел на меня. — Так что, госпожа Ларина? Желаете оформить жалобу?

Я тяжело сплотнула и отрицательно покачала головой. Пришлось взять себя в руки и найти сбежавший голос.

— Нет, ректор Ред. Никаких жалоб. Я уверена, все это не более, чем недоразумение. — Я снова посмотрела на Нормана, который, по странному совпадению, в тот же момент все-таки посмотрел на меня. Наши взгляды встретились, и я поняла, насколько предсказание ректора оказалось правдивым: да, Норман причинил мне боль, но сам страдал от этого не меньше. Интересно, ректор уже тогда все знал? — Сомневаюсь, что профессор Норман хотел меня обидеть. Я слишком остро отреагировала, так что вина за прогулы полностью лежит на мне. Я обещаю вам исправиться.

— Что ж, хорошо, — ректор кивнул. — У вас осталось еще целое одно занятие до экзамена, чтобы исправиться. Ян, если студентка Ларина все же соизволит прийти на лекцию, обязательно дай ей знать, какие темы придется изучить самостоятельно.

Норман рассеянно кивнул, продолжая смотреть на меня. В его глазах читался вопрос, но, видимо, ответа в моих он не находил. В конце концов я первой отвела взгляд в сторону.

У меня оставалось ровно три дня на то, чтобы найти в себе смелость все же подготовиться к разговору с ним. Потому что избежать его теперь точно не удастся.

Конечно, подготовиться я не успела: именно тогда, когда было не нужно, время полетело со страшной скоростью. Среда наступила совершенно внезапно. С самого утра Хильда косилась на меня и, кажется, готовилась в нужный момент схватить за руку и силой дотащить до аудитории Нормана.

Этого не потребовалось: пусть я не была готова, но сбегать я не собиралась. Я ведь уже пообещала. У меня хватало недостатков, но слово свое я держать умела.

Норман заметно удивился тому, что я все-таки пришла, но почти не акцентировал внимание на этом, ограничившись небольшим дополнением к приветствию:

— Я рад видеть, что сегодня вы в полном сборе. Поскольку это наша последняя лекция перед экзаменом, я сегодня ограничусь ревизией тем и небольшим рассказом о том, что буду требовать с вас на экзамене. Прежде всего, хочу обратить ваше внимание на то, что экзамен будет состоять только из теоретической части...

Он говорил и говорил, как всегда присев на краешек своего стола и скрестив руки на груди. Обводил нас спокойным взглядом, ни разу не задержавшись на мне дольше, чем на других. Только глаза все так же выдавали усталость или плохой сон. Почему-то я почувствовала себя виноватой.

До конца занятия оставалось еще почти пятнадцать минут, когда Норман развел руками и с улыбкой сообщил:

— На этом у меня все. Больше в рамках спецкурса я ничему не могу вас научить. Хочу поблагодарить вас за интерес, проявленный к моей дисциплине. Мне было приятно общаться с вами, — его взгляд скользнул по пустому месту, на котором могла бы сидеть Анна. — Почти всегда, скажем так. Тех из вас, кто решит продолжить обучение в Орте, я буду рад увидеть в новом учебном году. А в этом жду вас на экзамене. Посмотрим, многому ли я смог вас научить. На этом я прощаюсь с вами на сегодня. Ларина, вы задержитесь, пожалуйста, остальные могут быть свободны.

Мои однокурсники нестройным хором поблагодарили его, а Грег даже добавил, собирая вещи в сумку:

— А вы оказались нормальным таким преподом, профессор Норман. По первому собранию я вас представил себе другим. Думал, вы жестче.

По губам Нормана скользнула недобрая усмешка.

— Вы сначала экзамен сдайте, а потом будете говорить.

— Заметано, — ничуть не смутившись, кивнул Грег. — До свидания.

— Хорошего всем дня, — привычно попрощался Норман.

Он дождался, пока за последним студентом закроется дверь, а потом повернулся ко мне, с трудом подавив тяжелый вздох. Взяв со стола несколько исписанных листов, он подошел ближе и протянул их мне.

— Я сделал для тебя конспект тех лекций, которые ты пропустила: здесь все самое важное, что потребуется на экзамене. Это чтобы тебе не пришлось тратить время на изучение книг. Но если вдруг тебе этого захочется, я там добавил рекомендации, где о чем можно подробнее прочитать.

Я взяла листы, просмотрела их и ошарашенно взглянула на Нормана. Такого я ожидала меньше всего. Это было... мило и никак не вязалось у меня в голове с тем состоянием наших

отношений, в котором они находились последние две недели.

— Спасибо, — пробормотала я. — Не стоило так утруждать себя. Хватило бы и просто списка тем или вопросов.

Он пожал плечами и криво усмехнулся.

— У меня теперь непривычно много свободного времени. Забавно, как быстро привыкаешь к хорошему в своей жизни и как трудно от него отвыкнуть.

— Спасибо, — зачем-то повторила я, упрямо глядя на строчки, написанные его аккуратным почерком.

На этом мое красноречие было исчерпано, но я не торопилась уходить, а он не торопился меня отпускать. Вместо фразы: «Можете быть свободна», он попросил:

— Таня, пожалуйста, давай поговорим. Если ты, конечно, готова. Просто позволь мне объяснить.

Я осторожно сложила врученный им конспект в сумку и все-таки подняла на него взгляд, честно признаваясь:

— Я не готова. Но, наверное, будет справедливо выслушать тебя.

— Что ж, — он кивнул, — спасибо. Но давай пройдем для этого в кабинет.

Я не стала возражать. А поскольку разговор обещал быть личным, мы и пошли в его личный кабинет. Закрыв за нами дверь, Норман повернулся ко мне, но прежде, чем он успел мне что-то сказать, я задала вопрос, который мучал меня больше всего:

— Как давно ты знаешь, кто я?

Он задумался на мгновение, словно проводил ревизию воспоминаний, а потом уверенно кивнул.

— Если говорить о «знаю», то с того момента, как увидел Шары Аргора на столе ректора. Только два человека на всем белом свете когда-либо имели возможность открыть дверь в ту комнату: я и Рона. Заподозрил я немного раньше, когда активировал для тебя базовый артефакт. Я почувствовал знакомый магический поток.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не знаю, что я ожидала услышать, но эти слова добились те жалкие крохи надежды, что еще оставались у меня.

— Значит, практически с самого начала, — пробормотала я, опустив голову. — Этим я тебя и привлекла...

— Нет, ты ошибаешься, — возразил Норман. Он так и стоял у двери, в то время как я прошла почти до самого его стола. Словно специально сохранял дистанцию. — Ты привлекла мое внимание, попав под заклятие. Оценивая твой потенциал для создания исцеляющего браслета, я понял, что с твоим потоком что-то не так. Но не понял, что именно. Поначалу это был интерес исследователя. Да и твоя ситуация вызывала много вопросов: ни разу я не видел студентки, который бы не дали дома базовый артефакт. Я поделился с ректором своими наблюдениями, просил его как-то повлиять на тебя, убедить остаться в Орте. Мне было любопытно. А он показал мне ту вырезку из газеты про Берда Вонена и его семью. По иронии судьбы в свое время он был таким же частым гостем Дома Риддик в столице, как и твои родители.

— Он знал, что она во мне?

Норман пожал плечами.

— Мне он об этом не сказал, только объяснил, почему для тебя может быть опасен магический мир и почему твои родители так странно поступили. Я, конечно, знал про то,

что девушек из семей Покинувших убивают. И в тот момент я испытал странное, иррациональное желание... нет, даже потребность защитить тебя. Поэтому я похитил Шары Аргора и вывел из строя порталы. Поэтому отдал тебе перстень. Я еще не знал, кто ты.

Это заставило меня сделать один неуверенный шаг к нему. По крайней мере, он отдал мне перстень, чтобы защитить, а не чтобы ускорить ревоплощение. Однако я тут же остановила себя: я опять верила на слово, а ведь обещала себе больше этого не делать.

— Почему ты ничего не сказал мне? Почему не сказал правду?

Он тоже сделал шаг ко мне, по обыкновению держа руки за спиной, но ближе подходить не стал.

— Поначалу я считал, что это только навредит. Ты выглядела слишком эмоциональной, слишком... нестабильной. Я боялся, что такая новость напугает тебя еще больше, и ты все-таки сбежишь.

— А потом? Ян, я ведь спрашивала тебя об этом! Я спрашивала про перстень, про то, может ли Развоплощенная завладеть моим телом, а ты соврал мне.

— Я не врал! — эмоционально возразил он, но тут же как будто смутился. — Я не сказал тебе всей правды. Перстень действительно ни на что не влияет, магический поток Развоплощенной был в тебе с рождения. И не сказал я тебе про это, потому что... — он вдруг с каким-то отчаянием прижал руку к лицу, потер лоб, а потом бросил на меня такой несчастный взгляд, что мне стало не по себе. Я не привыкла к таким явным эмоциям на его лице. — Потому что ты говорила о потоке Роны с таким ужасом. Потому что мы всего один раз были вместе, и все казалось мне таким хрупким. Я не знал, согласишься ли ты мне. Это было чудесное утро после чудесной ночи, и я просто не мог сказать тебе: «Доброе утро, дорогая. Вот твой кофе. Кстати, давно хотел тебе сказать, что в твоём теле магический поток моей бывшей возлюбленной, но это ничего не значит».

— Но после этого была еще масса дней, которые мы провели вместе, — возразила я, с трудом проглатывая ком, перекрывавший горло. — Почему ты не сказал ни в один из них? Ты ведь понимал, что рано или поздно я узнаю.

— Понимал, — согласился он. — И хотел сказать. Каждый раз, засыпая рядом с тобой, я обещал себе, что завтра мы поговорим. Но наступало утро, ты просыпалась, улыбалась, целовала меня. Такая юная, красивая... счастливая. В твоих глазах было столько света, тепла и любви, что я снова думал: «Подожди, не сегодня, еще есть время». И все повторялось. Я понимал, как ты это воспримешь. Понимал, какие вопросы у тебя сразу появятся. Понимал, что тебе будет тяжело это принять. Я боялся потерять тебя. Что и произошло.

Я хотела возразить, что если бы он сам все сказал мне, этого не произошло бы, но слова застряли в горле. Действительно ли так? Существует ли в мире способ узнать о таком и отнестись спокойно?

— В любом случае, все вышло из-под контроля, — уже спокойнее, как будто устав от эмоций, продолжил Норман. — Дангл заметил в тебе второй поток, поговорил об этом с Гроксом, а тот решил поменять порядок лекций. Я думал, у меня есть время до последней недели семестра. Снова и снова я всматривался в тебя, надеясь обнаружить единый поток, но каждый раз их оказывалось два. Я надеялся, что ревоплощение завершится раньше, и мне ничего не придется объяснять. Ты сама поймешь, что в нем нет ничего опасного для тебя...

— Ох, вот как! — не сдержавшись, воскликнула я. Во мне вновь поднялось раздражение, и все его слова растаяли в моем сознании, уступая место тем мыслям, что крутились там с тех пор, как я узнала правду. — Действительно, что может быть опасного в

нем? Я ведь прокачаюсь до уровня древней королевы! Только той меня, какая я есть, уже не станет. Но кому нужна глупая, навязчивая, плаксивая девчонка, такая слабая и такая скучная?..

— Таня, ну что ты такое говоришь!

Каким-то образом он почти мгновенно пересек расстояние между нами, оказался рядом и взял в ладони мое лицо. Сначала я дернулась, желая отстраниться, но тут же передумала, осознав, как давно он не касался меня. И как мне этого не хватало. Его пальцы так знакомо поглаживали кожу щек, что я непроизвольно закрыла глаза, на мгновение отдаваясь этим ощущениям. И когда почувствовала, как его губы накрывают мои, не удержалась — ответила. Это длилось всего несколько секунд, а потом он отстранился, его руки скользнули на мои плечи и сжали их. Он заговорил — быстро, тихо, словно боялся, что в любой момент я могу прервать его:

— Таня, послушай меня, пожалуйста. Я понимаю, что все, что я говорил тебе о своих чувствах к Роне, сейчас свидетельствует против меня, но все же поверь мне. Я действительно никогда не лгал тебе. Не договаривал — да, но не лгал. Я давно смирился со смертью Роны. Не мог себе простить, что допустил это, и до сих пор не могу, но смирился. Я никогда не ждал ее возвращения. Ревоплощения ее потока — ждал, но лишь потому, что существование в состоянии лимба неестественно. Я хотел, чтобы ее магический поток смог вернуться в общий, потому что того требует равновесие Общего потока. И потому что это правильно. Я признаю, что во время Бала Развоплощенных бросился спасать тебя именно потому, что уже знал про поток Роны. Я защищал тебя, потому что ты была тем человеком, который мог помочь ее потоку вернуться в естественное состояние. Ты мне нравилась, но я ведь почти не знал тебя, я еще не был влюблен в тебя... Или я так думал, потому что я не знаю, когда влюбился. Но я влюбился и все, что было между нами, было правдой. Я люблю тебя, Таня. Действительно люблю. Я никогда не пытался использовать тебя, потому что я не верю в то, что ревоплощение способно вернуть к жизни мага. Магический поток — это не душа, в которую верят люди. Нельзя через магический поток вернуть личность и память. В определенный момент ваши потоки просто сольются в один, но тебе это ничем не грозит. Я ничего тебе не говорил, потому что тебе ничего не угрожает.

Я не прерывала. Стояла, замерев, так и не открывая глаза, слушала его голос и отчаянно хотела верить ему. Хотела обнять его, как делала это уже много-много раз, уткнуться лицом в плечо, почувствовать, как его руки сомкнутся вокруг меня кольцом, защищающим от всех бед и невзгод. Так происходило раз за разом и казалось таким правильным.

Однако сейчас я все же уверенно уперлась ладонью в его грудь и сделала шаг назад. Его руки лишь на мгновение напряглись, не желая меня отпускать, но потом все же отпустили. Я посмотрела на него и увидела в глазах горечь разочарования.

— Во всех книгах написано иначе, — мой голос прозвучал так слабо и так жалко, что я разозлилась на себя.

— В книгах иногда пишут неправду. Ты разве не знаешь этого? Факты подтасовываются, желаемое выдается за действительное, ложь обрастает подробностями и становится легендой. Почему ты веришь им и не веришь мне?

Я пожала плечами, стараясь не отводить от него взгляд. Я ведь собиралась стать сильной, да? Собиралась противостоять великой королеве. Глубокий вдох и медленный выдох помогли мне собрать те жалкие силы, которые зародились во мне в последние месяцы. Благодаря Яну Норману, кстати, но об этом я сейчас старалась не думать.

— В моей жизни оказалось столько лжи. Мне лгали все подряд. Ты можешь считать, что просто не договаривал, но ты тоже лгал. Я бы простила тебе это, как ты прощал мне многое. Как я простила своих родителей. Но речь идет о моей жизни, Ян. Мне страшно. Мне больно. У меня нет права на ошибку. Я бы хотела тебе поверить. Господи, если бы ты только знал, как я этого хочу! Но я не могу. Я слушаю тебя и думаю: «А что если он опять играет фактами, недоговаривает? Что если я опять задаю не те вопросы, а он этим пользуется? Что если он просто говорит мне то, что я хочу услышать?» Сейчас для меня главное остаться той, кто я есть, а ты с большой долей вероятности можешь быть заинтересован в обратном. Пока я чувствую эту угрозу, я не могу тебе верить.

Он медленно кивнул, как будто через силу признавая мою правоту. Ни горечь, ни разочарование не исчезли, но к ним добавилось понимание.

— Я знал, что однажды ты станешь более осторожной и менее доверчивой. Жаль, что именно на мне закончился твой запас доверия, но, наверное, я это заслужил. Надеюсь, что однажды смогу его вернуть, но, видимо, не сейчас. Время покажет, кто был прав: я или твои книги.

— Время покажет, — согласилась я, даже скривив губы в подобии улыбки. — Ты либо окажешься прав, либо к тебе вернется любовь всей твоей жизни. Беспроигрышная позиция.

Мне казалось, он молчал и смотрел на меня целую вечность, прежде чем сказать:

— Тогда отчего у меня такое чувство, будто я уже проиграл?

После разговора с Яном стало только хуже. С одной стороны, его слова дали мне надежду. Ту надежду, которую я так отчаянно искала в книгах, но которую не смогла там найти. С другой стороны, я боялась ему поверить. Что если это уловка? Всего лишь способ ослабить мою бдительность? Я хотела верить ему, но именно поэтому боялась это сделать. И это угнетало как ничто другое. С первых дней в Орте он стал моим союзником. Он защищал, помогал, говорил о важном. Задолго до того, как стать моим любовником, он стал для меня наставником, который помогал увидеть жизнь под другим углом. Благодаря ему я находила точки опоры, чтобы идти вперед и вверх. Я привыкла доверять ему, но в этом я сейчас видела свою уязвимость.

И как будто мне было мало этих проблем, жизнь решила подкинуть мне новых.

В пятницу, едва войдя в аудиторию, Дилан Мор нашел меня взглядом и кивнул на дверь.

— Ларина, вас вызывает к себе ректор. Он ждет вас в преподавательской. Идите.

— Сейчас? — зачем-то уточнила я, за что заслужила недовольный взгляд.

— Поскольку ректор ждет вас сейчас, было бы неплохо, если бы вы сейчас к нему и отправились.

Хильда бросила на меня вопросительный взгляд, а я, немного нервничая, пожала плечами в ответ. По какой причине ректор мог хотеть меня видеть, я не представляла. Я ведь пришла на ТРЗ, как мы и договаривались.

Однако стоило мне открыть дверь в преподавательскую, как некоторые вещи встали на свои места. Помимо ректора, меня ждали хорошо знакомый старший легионер столицы и совсем незнакомый очень полный мужчина лет пятидесяти на вид. Выглядел последний очень серьезно и важно, из чего я сделала вывод, что он главнее Ротта, кем бы он ни был.

— Госпожа Ларина! — почти радостно воскликнул Ротт, вставая при моем появлении. — Рад видеть вас в добром здравии. Вы чудесно выглядите.

Поскольку я последнее время плохо спала и меня совершенно не тянуло по утрам ни скрывать последствия этого косметикой, ни как-то укладывать волосы, его слова прозвучали не слишком убедительно.

— Вы как всегда очень грубо льстите, господин легионер, — отозвалась я и настороженно посмотрела на второго мужчину, который так и остался сидеть. Он не делал каких-либо попыток встать, представиться или объяснить свое присутствие.

Оказалось, что за него это был уполномочен сделать Ротт.

— Таня, разрешите представить вам господина Эрдингера, уполномоченного обвинителя.

Уполномоченный обвинитель — то есть, местный прокурор, как я поняла — едва кивнул, так и не встав. При его грузности вставать-садиться едва ли было легко.

— Очень приятно, — осторожно отозвалась я, все еще не понимая, что этим господам от меня нужно.

И снова прояснить ситуацию взялся Ротт, который сегодня отчего-то был сама любезность.

— Господин Эрдингер выступает обвинителем на процессе Вильяма Нота, — пояснил он. — Сейчас дело дошло до слушаний и свидетельских показаний. Поскольку вы и есть основной свидетель обвинения, он хочет пройтись с вами по вашим показаниям.

— Мне что, надо будет выступать в суде? — от этой мысли меня передернуло.

— Всего лишь рассказать, как все было, — наконец подал голос Эрдингер. В противовес не очень располагающей внешности голос у него оказался довольно приятный: низкий, бархатистый, успокаивающий.

Я кивнула, даже удивляясь, что совсем не ожидала такого поворота. По логике следовало бы. После того, как легионеры забрали Нота, я поначалу ждала какого-то продолжения истории, но потом слишком увлеклась другими вещами.

Ротт сделал приглашающий жест в сторону кресла, на котором до этого сидел сам, и пояснил:

— Ректор присутствует здесь в качестве вашего представителя, поскольку формально вы все еще несовершеннолетняя. Беседа эта неофициальная, вам ничего не грозит, но мы подумали, что так вам будет спокойнее. И если хотите, мы можем вызвать кого-то из ваших родителей, но тогда процесс немного затянется.

— Да нет, не стоит, — я отмахнулась. Уж если я тогда выдержала в одиночку допрос тремя легионерами — как я теперь понимаю, совершенно незаконный по местным правилам — то как-нибудь обойдусь молчаливой поддержкой ректора, который со скучающим видом рассматривал потолок. — Задавайте ваши вопросы.

Я боялась, что за прошедшие месяцы мелкие детали случившегося в начале каникул стерлись из моей памяти, но стоило начать рассказывать, как все вернулось и предстало перед моими глазами в таких подробностях, словно это случилось вчера. Только эмоции немного улеглись, поэтому на вопросы я отвечала даже более четко и последовательно, нежели на первом разбирательстве.

До тех пор, пока обвинитель не спросил:

— Вы знаете, почему Вильям Нот хотел вас убить?

Я замаялась. Теперь-то я знала это, но очень сомневалась, что мне стоит озвучивать эту причину даже тут, в узком кругу. О том, чтобы заявить об этом в зале суда, и речи быть не могло.

— Насколько я знаю, он принадлежит к каким-то местным террористам, — в конце концов выдавила я. — Но я так и не поняла, почему они желали моей смерти.

— И у вас нет никаких догадок? — настаивал Эрдингер.

— Мне кажется, госпожа Ларина уже ответила на этот вопрос, — неожиданно вмешался ректор, хотя я думала, что он вообще нас не слушает. — И мне кажется, что ответ на него должен знать господин Нот. Спросите у него.

— Ректор Ред прав, господин Эрдингер, — неожиданно поддержал Ротт. — Думаю, если у защитника возникнет такой вопрос, то лучше его опротестовать. Всегда можно сослаться на угрозу безопасности госпожи Лариной в случае ответа на него.

Эрдингер кивнул и что-то записал в блокнот, в котором делал пометки по ходу нашего разговора.

— Что ж, тогда на этом у меня пока все. Если вы будете так же спокойно и четко отвечать в суде, все пройдет хорошо.

— А можно и мне задать вопрос? — неожиданно осмелела я. — Почему так долго? Нот пытался убить меня в конце января. Сейчас конец мая. И вы только дошли до суда? Что вы делали все это время?

Эрдингер и Ротт переглянулись, после чего Эрдингер с тяжелым вздохом поднялся из кресла.

— Что ж, на этот вопрос вам ответит Геллерт, но лучше мне этого не слышать. Ректор Ред, проводите до порталов? Я не учился в Орте, ничего у вас тут не понимаю.

Мое сердце тревожно забилося, когда ректор тоже поднялся со своего места и вышел вслед за Эрдингером. Оставаться наедине с Роттом мне совершенно не хотелось, наши частные разговоры еще ни разу не доставляли мне удовольствия.

— Таня, да не бойтесь вы меня так, — с улыбкой попросил Ротт, пересаживаясь в кресло, которое освободил Эрдингер. — Я знаю, наше с вами общение не задалось с самого начала, о чем я искренне сожалею. Но я представитель закона и не причиню вам вреда.

— Почему-то меня это не успокаивает, — пробормотала я. — Наверное, потому что законы местные мне как-то доверия не внушают.

Ротт пожал плечами и развел руками, как бы извиняясь за несовершенство системы.

— Так что вы делали все это время? — напомнила я свой вопрос.

— Я буду откровенен с вами, — Ротт печально вздохнул. — Мы пытались заключить с Нотам сделку. Надеялись, он сдаст нам свою ячейку.

— То есть вы торговались с ним, — я покачала головой. — И как, сторговались?

По губам Ротта скользнула виноватая улыбка. Наверное, это должно было выглядеть мило, но с каждым мгновением поведение легионера вызывало у меня все больше подозрений. Что-то было не так в его обходительности, как раньше что-то было не так в том, что он полностью потерял интерес к Норману. Это заставляло насторожиться.

— Нет, он не сдал свое руководство, как не захотел говорить о причинах покушения на вас.

— Может быть, вы мало предлагали?

— Ему были готовы дать даже условный срок, — не стал скрывать Ротт.

От этой новости мне стало не по себе. Человека, едва не убившего меня, были готовы отпустить на свободу. При том, что другой человек, тоже пытавшийся меня убить, даже не был обвинен.

Это напомнило мне кое о чем.

— А что с Кордой Чест?

— А что с ней? Она отбывает наказание.

— Но ведь то покушение, очевидно, тоже организовал Нот, — возмутилась я. — Он же манипулировал ею! Она просто была влюблена в него.

— Предлагаете ее выпустить? — удивился Ротт.

— Предлагаю пересмотреть меру ее ответственности.

— Я передам ваши слова обвинителю, — после недолгой паузы пообещал Ротт. — На этом позвольте и мне откланяться.

Он встал, я последовала его примеру. Ротт протянул мне руку на прощание, и я машинально пожала ее в ответ. Однако он неожиданно поднес мою руку к губам.

— Мне так жаль, Таня, что наши отношения сразу пошли в столь неприятном направлении, — признался он, продолжая удерживать мою ладонь в своих. — Иначе я бы пригласил вас на кофе. Я знаю, что вы его любите.

— Я больше не принимаю таких приглашений, господин Ротт, — поторопилась я охладить его пыл. А потом, повинувшись внезапному порыву, поинтересовалась: — Скажите, а вас называли Геллертом в честь Гордона Геллерта?

Он удивленно приподнял брови и рассмеялся.

— Нет, меня называли Геллертом в честь моего отца — его тоже звали Геллертом.

Я не успела ничего ответить на это: дверь преподавательской распахнулась и на пороге появился Норман.

* * *

Он вошел и замер на пороге, удивленно глядя на нас. Я не сразу поняла, как мы с Роттом выглядим со стороны: он стоял слишком близко и все еще держал мою руку в своих. Учитывая, что при этом мы в преподавательской находились вдвоем, ситуация получалась весьма двусмысленной.

Я поспешно высвободила руку и сделала шаг назад. Это движение заставило Нормана тоже отмереть. Он закрыл за собой дверь и сделал несколько шагов к нам, как всегда сцепляя руки за спиной.

— Профессор Норман, какой сюрприз, — Ротт вежливо улыбнулся. — Давненько мы с вами не виделись.

— Я даже удивлен, насколько давно, — равнодушно согласился Норман, скользя по мне быстрым взглядом. — Госпожа Ларина, приветствую вас.

Я только кивнула ему, надеясь, что не выгляжу слишком виноватой. Конечно, мы вроде как расстались, но мне совершенно не хотелось, чтобы он думал, будто я флиртую с Роттом. Учитывая всю историю их отношений, с моей стороны подобное было бы настоящей подлостью.

— А вы успели по мне соскучиться? — удивленно уточнил Ротт.

Что-то было явно не так в его манере общения сегодня. Судя по тому, как едва заметно нахмурился Норман, он тоже это заметил.

— Да нет, я бы с удовольствием не видел вас еще столько же. Но не повезло.

— Успокойтесь, в этот раз я не к вам. У меня более интересное задание, — он кивнул на меня.

Норман едва заметно сощурился, поджав губы. Судя по всему, наше общение с Роттом все-таки вызвало у него какие-то нехорошие подозрения, поэтому я поторопилась объяснить:

— Господин Ротт сопровождал прокурора, они готовили меня к выступлению в суде.

— Заметив, как они оба непонимающе уставились на меня, я исправилась: — То есть не прокурора, а уполномоченного обвинителя.

— Вы хотите вызвать ее в суд? — теперь на лице Нормана промелькнула тревога.

— В Аларию? Не слишком ли опасно?

— Она будет под защитой Легиона. И под моей личной защитой.

— Едва ли это способно вселить уверенность хоть в кого-то, — процедил Норман едко.

— Может быть, вы сами хотите ее сопровождать? — Ротт иронично вздернул брови. — Интересно, в каком качестве? Насколько я знаю, вы ей не родственник.

Норман стиснул зубы, понимая, что на это ему нечего возразить. Ротт довольно усмехнулся и снова повернулся ко мне.

— Может быть, когда вы будете в столице, вы хотя бы согласитесь со мной пообедать, раз уж кофе вам больше не нравится. А теперь мне пора. Всего доброго, Таня, — с придыханием добавил он.

С Норманом они только молча раскланялись. Мне показалось, я слышала, как у того скрипнули зубы.

Когда за Роттом закрылась дверь, Норман снова посмотрел на меня.

— Ты же не собираешься с ним обедать, правда?

Его так беспокоил этот вопрос, но при этом он так старался это скрыть, что я против воли улыбнулась.

— Не знаю, посмотрим, — не удержалась я от того, чтобы подразнить его. — Как ты здесь оказался? Разве у тебя нет сейчас лекции?

В начале учебного года я ворвалась в его аудиторию именно в пятницу утром, когда меня выгнали с занятия по Снадобьям, поэтому мне казалось, что и сейчас он должен быть занят.

Норман только пожал плечами, едва заметно смутившись.

— Мне показалось, что тебе нужна помощь. — Он скользнул взглядом по моим рукам, не обнаружил на них перстня и добавил: — Вероятно, я ошибся.

Я достала перстень из кармана сумки и продемонстрировала ему, после чего черты лица Нормана заметно смягчились.

— Спасибо, что хотя бы носишь его с собой.

— Только в этот раз получилась ложная тревога.

Похоже, перстень слишком остро прореагировал на мой дискомфорт от общества Ротта.

— Что ж, извини, если помешал вашему общению с господином старшим легионером, — фыркнул Норман.

Я удивленно приподняла брови. Это что, ревность? Интересно, он вообще в курсе, что мы расстались?

Однако прежде, чем я успела что-либо на это ответить, дверь снова открылась и на пороге возник ректор. Судя по его взгляду, он не ожидал увидеть здесь Нормана и был не очень доволен тем, что увидел.

Я решила, что мне лучше поскорее удалиться, поэтому быстро попрощалась, ни к кому конкретно не обращаясь, и выскочила в коридор. И тут же замерла из-за внезапно пришедшей в голову идеи.

Это было глупо. Норман и ректор могли вовсе не разговаривать друг с другом или говорить о чем-то скучном. И вообще едва ли они станут обсуждать меня, но... вдруг?

Быстрее, чем успела все обдумать, я скользнула в крошечную комнатку, находящуюся рядом с преподавательской.

— Оставил бы ты девочку в покое, Ян, — сокрушенно сказал ректор, когда мне удалось проявить на стене одностороннее окошко.

— Меньше всего я хочу лишний раз нарушать ее покой, — сдержанно ответил Норман, не глядя на ректора.

— Тогда зачем ты ее мучаешь? Ей и так нелегко. Узнать такое... Даже представить себе страшно, каково ей. Не каждый взрослый с таким мог бы справиться, а она еще почти ребенок.

— Ей двадцать три года, Эйб. Она не ребенок, она взрослая женщина. Прекрасная, умная, тонкая, сильная, искренняя и нежная женщина. Она справится. Она справится с чем угодно в этой жизни. Я это точно знаю, потому что я знаю ее лучше, чем она сама себя знает.

В его тоне в этот момент было столько восхищения и столько нежности, что у меня в груди разлилось тепло, от которого защищало глаза. Слова прозвучали абсолютно искренне. Не поверить в то, что Норман действительно так считает, я не смогла бы при всем желании. Которого у меня не было. Да и зачем ему врать ректору?

Однако вопросы ректора тут же вернули меня с небес на землю:

— Ее? Или Рону?

— Да причем тут Рона! — внезапно вспыхнул Норман. — Ее нет. Ее нет уже пять веков! Ничто ее не вернет. Почему я один понимаю это? Вы совсем запутались в ваших суевериях. Окружили ревоплощение домыслами, которые не имеют под собой никаких оснований, но в которые вам так хотелось верить. И вы поверили. Я знаю, уходить в небытие страшно, но обманывать себя — это не выход. Умирая, мы умираем. Точка. Нет второго шанса, нет второй попытки.

— Откуда ты можешь это знать? — ректор плюхнулся в кресло, достал откуда-то самокрутку, повертел ее в руках, но закуривать не стал. Вместо этого он недовольно посмотрел на Нормана. — Не дураки же писали Теорию о Развоплощении.

— О, в этом я уверен, — хмыкнул Норман, покачав головой. А потом взглянул на ректора, как мне показалось, с обидой. — Эйб, по-твоему я хочу, чтобы Таня превратилась в Рону? Ты правда в это веришь? И в то, что перстень может поспособствовать этому?

Ректор пожал плечами и снова сосредоточил свое внимание на самокрутке.

— Я видел тебя, когда ты появился здесь. Видел твою реакцию, когда ты узнал, что Роны давно нет. И когда ты узнал, как именно все закончилось. Ты жить не хотел.

— Это было одиннадцать лет назад, — напомнил Норман. — Ты был моим другом все эти годы. Единственным другом. Ты видел, как я живу, как я меняюсь. До того, как появилась Таня, ты был единственным близким мне человеком. Как ты можешь считать меня монстром, способным загубить жизнь ни в чем неповинной девушки ради возрождения другой? Я не понимаю, как ты можешь считать подобным монстром Рону? Думаешь, она бы смогла жить с этим? В чужом теле, зная, что фактически убила его хозяйку? Она была хорошим человеком...

— Все хотят жить, Ян — перебил его ректор, ничуть не смутившись. — И я не считаю монстром того, кто просто борется за право жить. А что касается тебя... — На губах ректора появилась незнакомая мне улыбка. — Знаешь, ты мне нравишься. Ты мне всегда нравился, честно. Я люблю тебя почти как сына, которого у меня никогда не было. И я знаю, что ты целеустремлен, упрям и не умеешь отступать. Но я никогда не знаю, ни что творится в твоей голове, ни что у тебя на сердце. Можешь ли ты любить эту девочку сильнее своей королевы? Да демон тебя разберет. Но дело-то в том, что даже она не верит тебе. А ведь она тебя любит куда сильнее, чем я.

Норман так резко опустил в кресло, словно у него внезапно кончились силы и он больше не смог стоять. На его лице появилось отчаяние, смешанное с безысходностью.

— Она не верит мне, потому что не верит в себя. Она думает, что, выбирая между ними, я бы выбрал Рону.

Ректор несколько мгновений с интересом разглядывал его лицо, а потом мягко поинтересовался, понизив голос:

— Ян, сам-то ты во что веришь?

— Я верю в то, что Таня — лучшее, что случилось в моей жизни с тех пор, как меня выбросило сюда. И я должен был говорить ей об этом каждый раз, как мы были вместе. Но я почему-то считал, что все и так понятно. И не говорил.

— Может быть, еще не поздно? — в голосе ректора неожиданно прорезалось сочувствие, но секунду спустя, словно устыдившись этого, он спросил уже в своей обычной манере: — Кстати, разве у тебя нет сейчас лекции?

Норман закатил глаза и со вздохом поднялся из кресла.

— Да есть у меня лекция. Что вы ко мне пристали?

И с этими словами он вышел из преподавательской. Оставшись в одиночестве, ректор наконец закурил, довольно усмехнувшись.

— Вот молодежь... — пробормотал он.

А я сидела у окна, забыв прервать «сеанс» и пытаюсь переварить их разговор. Норман ведь не мог знать, что я подслушиваю. Ему же не было смысла врать ректору. Ведь не было же?..

В тот день я не смогла сосредоточиться ни на одном занятии. К счастью, это был последний учебный день для спецкурса. Со следующей недели у нас начиналась сессия, с которой мне предстояло попотеть. Я все еще с трудом направляла магический поток через подаренный родителями кулон.

Все мои мысли крутились вокруг подслушанного разговора. Я вспоминала лицо Нормана, когда он спрашивал ректора о том, действительно ли тот считает его монстром. И мне почему-то становилось очень стыдно. Считала ли я сама его монстром? Чем больше я задавала себе этот вопрос, тем больше понимала: нет, не считала. Больше того, я не хотела жить в мире, в котором известный мне Ян Норман был таким монстром.

Поэтому в субботу я не выдержала и отправилась к нему, считая, что нам нужно еще раз поговорить в более спокойной обстановке. К сожалению, ни в кабинете, ни в личных комнатах его не оказалось. Обе двери были заперты, и на мои попытки достучаться никто не ответил. Я не знала, куда он мог деться, но по всей видимости, Нормана не было в Орте, потому что я не нашла его ни в спортивном корпусе, ни в библиотеке.

Вечером того же дня я сидела в комнате общежития одна, старательно пытаюсь готовиться к экзаменам, но мысленно возвращаясь к вопросу, не стоит ли наведаться к Норману еще раз. Хильда как раз убежала на свидание с Андреем, поэтому отговорить меня от этой не самой гениальной идеи было некому.

Решиться я не успела: мои раздумья прервал деликатный стук в дверь. Когда я ее открыла, то лишилась дара речи, потому что на моем пороге стоял сам Норман собственной персоной. Я ни разу не видела его в студенческом общежитии, поэтому увидеть здесь сейчас никак не ожидала. Настолько, что застыла, глядя на него, как на пришельца из другого мира.

— Можно войти? — вежливо поинтересовался он. — Мне бы не хотелось долго стоять на пороге твоей комнаты. К чему нам лишние слухи?

Я судорожно кивнула, пятясь назад и впуская его в комнату и заодно окидывая ее быстрым взглядом. К счастью, в этот раз у нас с Хильдой особого бардака не наблюдалось, а такое бывало не всегда.

— Ты... — я запнулась, почему-то не понимая, как себя вести. Он еще никогда не был на моей «территории», мы всегда встречались на его: в аудитории, кабинете, гостиной, спальне. — Присаживайся, — в конце концов выдавила я, неловко указывая на свою кровать и радуясь, что она застелена.

— Я ненадолго, — заверил Норман, оставаясь стоять.

Он сделал знакомое движение рукой и извлек из воздуха довольно толстую и на вид очень древнюю книгу. Невооруженным глазом было видно, что ей как минимум несколько веков. Он протянул ее мне, но я побоялась ее коснуться и испортить: такой хрупкой она выглядела.

— Что это?

— Одна из немногих доживших до нашего времени книг, содержащая в том числе Теорию о Развоплощении, какой она была до гибели Роны Риддик. Было непросто ее найти: за пять веков большую часть книг на эту тему уничтожило время. Да и до того, как стать теорией о втором шансе на жизнь, Теория о Развоплощении была не такой уж популярной темой. Надеюсь, если ты прочтешь об этом в настоящей книге, тебе будет проще поверить в

мои слова.

Я осторожно коснулась кожаной обложки, потом взяла книгу в руки, приоткрыла ее и скользнула взглядом по пожелтевшим страницам. Потом снова посмотрела на Нормана.

— Где ты ее взял? В библиотеке Орты такого точно нет, я перечитала все.

— Пришлось побегать, — он сдержанно улыбнулся. — Как выяснилось, подобные книги сохранились только в личных библиотеках. И мало кто из владельцев готов был ее продать. Но мне повезло.

Я снова коснулась кончиками пальцев древней обложки, а потом прижала книгу к груди.

— Спасибо.

— Ты ведь прочитаешь ее? — он нахмурился, как будто опасался, что я просто выброшу книгу, едва он выйдет за дверь. — Обещай, что прочитаешь.

— Я обязательно ее прочитаю, — заверила я. — Но... ты не мог бы сам мне все рассказать? Прямо сейчас. Я бы очень хотела услышать это от тебя. Знаешь, я с самого начала должна была услышать это все от тебя.

— Да, пожалуй, ты права.

Норман все-таки воспользовался моим приглашением сесть на кровать, а я села рядом с ним и положила принесенную книгу на колени. Было так странно снова сидеть с ним рядом, особенно здесь.

— Таня, самое важное, что тебе стоит понять, — это то, что до гибели и развоплощения Роны Риддик этот процесс никак не связывали с возможностью вернуться к жизни в другом теле, — уверенно начал он, спокойно глядя на меня. Словно просто читал очередную лекцию.

— Ас чем его связывали?

Норман ненадолго задумался, должно быть, подбирая правильные слова.

— Помнишь, как ты посылала ко мне свою астральную проекцию? Ты создала ее, замерзая в лесу, бессознательно, отправила ко мне, потому что хотела сказать мне, что с тобой случилось и где тебя искать. С помощью нее ты звала на помощь. Та проекция получилась не очень удачной: она многого не помнила и не могла сделать главного — отвести меня к тебе. Но она выглядела как ты, говорила как ты и многое знала о тебе. А теперь представь на секунду, что ты умираешь. Стремительно, неизбежно. Спасти — невозможно, у тебя считанные секунды, звать на помощь бесполезно. Но где-то есть человек, которому ты что-то очень хочешь сказать. Может быть, это твой родственник, любимый... или же убийца, которого ты хочешь вывести на чистую воду. Тебе нужно отправить проекцию, но времени очень мало. Еще немного — и тело умрет, высвободит магический поток, который тут же вернется в Общий. Если хочешь доставить сообщение после смерти, поток надо изолировать, защитить от перехода в Общий. И если воля мага достаточно сильна в этот момент, то магический поток подстраивается. То состояние, в которое он переходит, и назвали лимбом.

— И что? — я пока не понимала, в чем разница.

— А то, что ни личность, ни воспоминания мага не в состоянии сцепиться с магическим потоком. Магический поток подхватывает и передает только проекцию. Созданную в сознании умирающего мага за считанные секунды, но способную длиться пару минут. Последнее сотворенное заклятие. Оно уходит адресату. Поэтому с проекцией никто и никогда не мог поговорить, пообщаться, как мы общались с твоей. Потому что там, на

другой стороне, уже никого нет. Некому общаться. Явление — это просто... как послание на автоответчике.

Упоминание автоответчика заставило меня недоверчиво сощуриться, но Норман очень быстро пояснил:

— Таня, я прочитал достаточное количество книг из твоего мира, чтобы освоить некоторые понятия, несвойственные миру магов.

Я кивнула, ненадолго задумавшись. Теория, изложенная Норманом, выглядела достаточно логично, достоверно, но пока она не объясняла пары тревоживших меня моментов.

— А как же воспоминания? — я снова вопросительно посмотрела на него. — У меня ведь есть ее воспоминания. Мне с самого детства снилось, как за мной гонятся низшие, хотя я даже ничего не знала про них. Мои магические потоки еще не были активированы, а значит, это не могло быть предвиденьем, правда? И воспоминание о Явлении Гордону Геллерту...

— А у тебя есть еще какие-то воспоминания? — тут же поинтересовался Норман.

— Что-нибудь о Норде Сорроу? Что-нибудь о правлении Роны? О ее детстве? Хоть о чем-нибудь.

Я задумалась, но сколько ни рылась в голове, так и не смогла вспомнить ничего, кроме строчек из дневника. И когда я читала дневник, я тоже ничего не вспоминала. У меня не было дежавю или чего-то в этом роде.

Я покачала головой, а Норман удовлетворенно кивнул.

— Другими словами, твои воспоминания связаны не столько с Роной, сколько с моментом развоплощения ее потока. С сообщением, с которым она отправила к Гордону свою проекцию, и с тем, что она видела в тот момент, когда ее создавала. Вот и все, что тебе досталось от нее.

— А что тогда с ревоплощением? Зачем ее потоку мое тело?

— После смерти мага его воля исчезает, а поток остается в состоянии лимба. Так и существует изолированной сущностью в неестественном виде. Это... неправильно, но освободиться сам поток не может, ведь у него нет своей воли, он подчиняется только воле мага. И насколько я понимаю, единственный шанс для развоплощенного потока вернуться в общий — это ревоплотиться, слиться со схожим потоком в единое целое, а потом уже вернуться в Общий поток. Уже после смерти этого другого мага.

Я чувствовала себя очень странно. Мне нравилась эта теория: в нее так хорошо все укладывалось, и она позволяла надеяться, что мне действительно ничего не грозит. Если в магическом потоке Роны нет самой Роны, то моя личность в безопасности.

Норман говорил об этом так уверенно, что у меня не было причин сомневаться в его искренности. И если все время он верил именно в эту теорию, то становилось понятно, почему он молчал. Он действительно не видел в ревоплощении угрозы для меня, но видел во всей этой ситуации угрозу для наших отношений. Он боялся, что я психану и... оказался прав. Я психанула и оттолкнула его. Сочла монстром, готовым принести меня в жертву своей настоящей любви. После всего, что он для меня сделал, после всего, что между нами было, я опять ему не поверила.

— Откуда же тогда взялась новая теория, если старая все так логично объясняла? — задала я последний вопрос, вызывавший у меня сомнения.

Норман презрительно фыркнул, выражая свое отношение то ли к новой теории, то ли к

истории ее появления.

— Я могу только догадываться, потому что меня уже не было. Но пока я изучал этот вопрос и искал книгу для тебя, у меня появилось некоторое понимание. Теория возникла очень быстро и старательно пропагандировалась с того момента, как Рону признали Развоплощенной. И я вижу только одну возможную причину. Рона была очень популярна, но, увы, мертва. А смещенный с престола Гордон — жив. Если бы вторая попытка республики провалилась, он вполне мог вернуть себе трон. Он тоже был популярен. Только возвращение Роны могло лишить его шансов, особенно если бы она обвинила его в убийстве. Думаю, это была страховка сторонников Роны. В случае неудачи они бы просто нашли подходящую девушку и предъявили народу ревоплощенную Рону Риддик. А чтобы ни у кого не возникло сомнений в ее праве на престол, в теорию добавили пункт о том, что ее личность была бы единственной в новом теле.

— Но как бы они доказали это? — не поняла я. — Как же проверки? Артефакты? Реагирование на магический поток.

— Таня, убедить людей в том, во что они сами яростно хотят верить, не сложно. Подтасовать такую проверку легче легкого, если договориться о ней на самом верху. Кто знает в деталях все шкатулки с драгоценностями королевы? Сейчас такое организовать было бы сложнее, конечно. Слишком много времени прошло. То, что могло начинаться как подготовка к мистификации, давно стало догмой. На этой вере выросли несколько поколений. В том числе люди, которые служат в Домах Риддик по всему магическому миру. Конечно, я не знаю наверняка, что все было именно так. Но новая теория подавила старую без каких-либо дебатов на эту тему за пару лет. Без тех, кто стоял в тот момент у власти, явно не обошлось.

В этом был смысл. Я ничего не могла возразить, да и вопросов у меня не осталось, поэтому я молчала, глядя на свои руки, лежавшие поверх книги. Норман тоже какое-то время молчал, словно давал мне возможность осмыслить все им сказанное, но так и не дождавшись реакции, снова заговорил сам:

— Я понимаю, что тебя тревожит не только твое будущее, но и искренность моих чувств к тебе. Кого я люблю: тебя или частичку Роны в тебе.

— Да, это тоже важный для меня вопрос, — тихо согласилась я, так и продолжая рассматривать свои руки. — Немного странно, что после всех этих лет ты вдруг влюбился именно в ту девушку, в которую ревоплотился магический поток твоей прежней возлюбленной.

— И это не случайное совпадение, — признался он. — Все эти годы я сознательно выбирал одиночество. Считал, что это будет справедливо по отношению к Роне. Чувство вины не давало мне смотреть по сторонам и искать кого-то, с кем бы я мог разделить жизнь. Но потом появилась ты. И сначала я увидел в тебе шанс на искупление. Я говорил тебе об этом. Я полагал, что если смогу защитить тебя и дать потоку Роны соединиться с твоим, то есть практически вернуться в Общей, я частично искуплю свою вину перед ней. Поэтому я взялся опекать и защищать тебя. Но чем больше я тебя узнавал, тем больше меня к тебе тянуло. Я сопротивлялся этому, ты знаешь. И все ждал, когда же ваши потоки соединятся, чтобы этой двусмысленности не было. Наверное, я так долго не говорил тебе слов, которые ты хотела услышать, по той же причине. Потом я понял, что это просто глупо. Я не могу любить чей-то магический поток. Я его даже не вижу, а без специального заклятия и не чувствую. Зато я вижу и чувствую живую девушку. Тебя. И люблю я тоже тебя. И когда эта

простая истина мне открылась, слова как-то пришли сами. Да, именно благодаря потоку Роны я обратил на тебя внимание. Благодаря тому, что он в тебе, я начал думать, что могу искупить вину перед ней и освободиться. Но люблю я *тебя*. И я буду повторять тебе это, пока ты снова не согласишься мне.

— Да я уже верю тебе, — выдохнула я, чувствуя невероятное облегчение.

Судя по удивлению на его лице, он не ожидал, что все окажется так просто. Но я улыбнулась ему, он улыбнулся в ответ, а секунду спустя его губы уже порывисто целовали меня, прогоняя остатки сомнений и горечь последних недель. А когда поцелуй прервался и я уткнулась лицом Норману в плечо, он наконец обнял меня, и я почувствовала, что теперь все правильно. Теперь я могла справиться с чем угодно.

— Как же мне тебя не хватало, — пробормотала я, сжимая его ладонь. — И как же мне без тебя было страшно. Прости, что так долго не верила тебе.

— Это ты прости, — прошептал он где-то над моим ухом. — Я должен был все тебе сказать раньше.

— Ну вот, устроили тут прощенное воскресенье... в субботу, — нервно рассмеялась я.

— Не знаю, что это такое, но мне уже нравится. Теперь все будет хорошо, Таня. Обещаю тебе...

Я отстранилась от него, тяжело вздохнув. Как бы мне ни хотелось верить, что на этом мои тревоги заканчиваются, это было не так.

— Не давай обещаний, которые невозможно сдержать.

Он нахмурился, не понимая, что я имею в виду, и я поторопилась объяснить:

— Ян, я верю в то, что ты веришь в прежнюю теорию. Она выглядит очень достоверно, но правда в том, что это такая же теория, как и та, что была рассказана нам Гроксом. Никто не знает, что произойдет на самом деле. Поэтому может случиться что угодно. Пока во мне два потока, я не могу знать наверняка, что со мной будет. То, что ты меня любишь, этого не меняет. Я все равно могу исчезнуть.

Он медленно кивнул, соглашаясь, в его глазах промелькнул испуг: кажется, мои слова поселили сомнения и в нем. Но я парадоксальным образом была рада увидеть его страх. Ведь он означал, что Норман действительно боится моего замещения Роной. Я сомневалась, что он совсем-совсем не обрадуется этому, но, по крайней мере, он действительно боялся меня потерять. Это грело душу.

Однако он тут же прогнал этот страх и снова уверенно улыбнулся. Этой спокойной уверенности мне тоже очень не хватало последние недели. Норман погладил меня по щеке, заправил за ухо непослушную прядь волос и игриво коснулся указательным пальцем кончика моего носа, вызвав у меня смешок.

— Выше нос, Таня. Все будет хорошо, — настойчиво повторил он. — Я никому не позволю причинить тебе вред.

— Даже Роне Риддик?

— Особенно Роне Риддик. Ради вас обеих.

И почему-то я снова ему поверила. Не представляла, что он может для этого сделать, но поверила. Он ведь еще ни разу меня не подводил.

Я снова потянулась к его губам, но наш новый поцелуй был почти сразу прерван внезапным появлением Хильды.

Та как всегда стремительно влетела в комнату и застыла, не сделав и двух шагов.

— Ох ты ж, как неловко-то, а...

Мое сердце испуганно екнуло, а я сама, как всегда, покраснела. Зато Норман совершенно спокойно выпустил меня из объятий и с невозмутимым видом поднялся на ноги, словно его каждый день кто-то заставлял за поцелуями со студентками.

— Добрый вечер, Хильда.

Его повседневная учтивость вернул растерянной Хильде дар речи.

— Добрый вечер, профессор Норман. Извините, вы... продолжайте... А я пойду еще погуляю.

Она даже сделала шаг к двери, но Норман ее остановил:

— Нет, не стоит, я уже уйду. — Он повернулся ко мне и едва заметно поклонился.

— Хорошего вам вечера, госпожа Ларина.

— И вам тоже, профессор Норман. Увидимся с вами на экзамене?

— Надеюсь, что доведется увидеться и раньше. Если вам понадобится моя помощь, вы знаете, где меня найти. В любое время.

Я кивнула. Голова слегка кружилась от этой резкой перемены режимов общения. И немножко — от внезапно накотившего на меня счастья.

Норман вежливо попрощался и с Хильдой. Когда за ним закрылась дверь, подруга выразительно посмотрела на меня.

— Ничего не говори, — попросила я.

— Да я и не говорю, — пожала плечами она, хотя на ее лице были написаны все ее комментарии.

— Вот и не говори.

Мне сейчас было слишком хорошо, впервые за последние четыре недели, поэтому я не хотела слушать чьи-либо сомнения. Я хотела задержаться в этом радостном мгновении. И хотела, чтобы оно продержалось хотя бы до выпускного вечера.

Но в последнее время мне не очень-то везло с такими желаниями.

Сессия опять прошла на удивление легко. Стоило все прояснить и помириться с Норманом, как у меня словно крылья за спиной выросли. К тому же он с энтузиазмом помогал мне готовиться к экзаменам, что в его обществе было делать куда приятнее, чем одной или даже в компании Хильды и Андрея. Норман обладал потрясающим умением объяснять просто многие сложные вещи. И в какой-то момент я с удивлением поняла, что ему это по-настоящему нравится. Если бы он не родился королем, он бы, наверное, стал преподавателем еще пять веков назад.

На своих экзаменах Грокс и Дангл смотрели на меня с затаенным предвкушением и, кажется, даже не слушали, что я говорю. Со слов Нормана я знала, что ректор строго-настрого запретил им распространяться о моем двойном потоке, но было видно, что их просто распирает.

Самым сложным экзаменом для меня неожиданно оказался экзамен по ТРЗ. Норман и других выспрашивал долго и нудно, а меня пригласил отвечать самой последней. Я-то наивно надеялась на поблажки, но он выслушал не только все, что я имела сказать на тему экзаменационного билета, но и задал штук десять дополнительных вопросов. Правда, в итоге все равно поставил высший балл, а потом еще и предложил вместе поужинать у него.

— Отметим тот факт, что ты больше не моя студентка. И ты можешь остаться у меня до самого выпускного, потому что теперь уже неважно, даже если нас увидят.

Его экзамен шел у нас последним, поэтому в тот момент, когда он поставил против моей фамилии оценку, я официально завершила спецкурс. Через день, в пятницу, должен был состояться выпускной бал, а в понедельник — вручение дипломов. Но и то, и другое было уже простой формальностью.

— Я бы с удовольствием, но мне нужно вернуться домой. У меня до сих пор нет платья для выпускного. Хочу сегодня добраться до дома, чтобы заняться его поиском завтра с утра и успеть вернуться в Орту к вечеру. Потому что в пятницу утром меня пригласили в суд.

Да, выступать в суде мне предстояло в день выпускного. Это казалось мне дурным предзнаменованием, но, вероятно, я просто боялась. Конечно, не того, что меня снова попытаются убить. В конце концов, до сих пор монархисты не нападали на меня в открытую и едва ли рискнут сделать это в здании суда. Они предпочитали действовать исподтишка, инсценировать несчастные случаи. Меня тревожила предстоящая встреча с Нотом, с местным правосудием и публикой, которая наверняка будет наблюдать за процессом.

Судя по тому, как Норман нахмурился, ему мое предстоящее появление в столице тоже не нравилось. Уж не знаю, по каким причинам.

— Твой отец пойдет с тобой? — взволнованно уточнил он.

Я кивнула.

— А еще Ротт обещал забрать меня из Орты в сопровождении двух легионеров.

— Я хотел бы пойти с тобой, — с сожалением признался Норман.

Мы оба понимали, что это невозможно. Сопровождать меня в суде мог только официальный представитель, роль которого взял на себя папа. Но даже до суда Норман не мог меня проводить. Это выглядело бы странно, а учитывая присутствие Ротта и папы, могло получиться очень нервно.

— Думаю, что день, в который ты начнешь сопровождать меня везде, неизбежен. И

наступит достаточно скоро.

Норман улыбнулся, хотя в его глазах все еще была видна тревога.

— Я очень на это надеюсь. А пока... Надень, пожалуйста, в пятницу перстень. На всякий случай.

Его перстень я продолжала носить с собой в сумке. Просто чтобы не было соблазна направлять через него магический поток. Норман хоть и считал это избыточной предосторожностью, относился к этому с пониманием. Это был первый раз, когда он попросил его надеть. Я пообещала сделать это и, чтобы не заканчивать наш разговор на печальной теме суда, склонила голову набок и игриво поинтересовалась:

— Пригласишь меня на танец на балу?

— Даже не думай, что я позволю танцевать тебе с кем-то, кроме меня, — с улыбкой заявил Норман, но выглядел при этом подозрительно серьезно.

В пятницу утром Ротт с двумя легионерами прибыл в Орту без четверти одиннадцать, как и было оговорено заранее. С папой мы встретились еще раньше все в той же преподавательской, которая сегодня пустовала: основной курс ушел на каникулы между первым и вторым триместром еще неделю назад, а спецкурс и вовсе закончил учиться, поэтому и преподаватели это утро проводили в своих комнатах. Только профессор Карр составляла нам с папой компанию, пока мы ждали легионеров.

Папа, конечно, заметил, что перстень Нормана — точнее, перстень Роны Риддик — снова красуется на моем пальце. Он недовольно поджал губы и вопросительно посмотрел на меня. Я только пожала плечами, не желая говорить на эту тему в присутствии профессора Карр. Та и так успела испортить мне настроение замечанием о том, что я могла бы из уважения к традициям магического мира одеться на официальное мероприятие соответствующим образом. Я не сразу поняла, чем ее не устроили скромные черные брюки и темная блузка. Мне этот вариант показался одновременно строгим, элегантным и вполне деловым. Только потом я вспомнила, что женщины здесь чаще носят платья и юбки, чем штаны.

Ротт вновь был сама любезность. С такой радостью приветствовал моего отца, словно знал, что когда-то тот и сам занимал его должность. Я неосознанно сцепила руки, погладила кончиками пальцев изумруд в перстне, пока папа со старшим легионером столицы обменивались любезностями.

Сразу после этого мы направились к порталам, и когда оказались в главном холле, один из них как раз открылся, впуская в Орту Марек Кролла. Наверное, даже если бы дорогу мне перебежала черная кошка, я бы не сочла это столь дурным предзнаменованием. Какого черта он тут забыл?

Встретившись со мной взглядами, Марек недобро усмехнулся, но потом почтительно отошел в сторону, заметив свиту, которая меня сопровождала. Похоже, старшего легионера столицы он все-таки побаивался, поскольку чуть ли не поклонился ему, исчезая с его пути. Легионер спокойно кивнул и тут же потерял к нему интерес.

Ротт занялся настройкой портала, а я обернулась, внезапно почувствовав на себе чей-то взгляд. На вершине лестницы стоял Норман, наблюдая за нашей отправкой издалека. Когда я обернулась и заметила его, он ободряюще улыбнулся. Я улыбнулась ему в ответ, отчего-то испытывая странное волнение.

Портал открылся, и отец аккуратно подтолкнул меня в спину. Не знаю, заметил ли он Нормана и наши переглядывания.

Сложно сказать, каким я ожидала увидеть суд в магическом мире, но реальность точно превзошла все самые смелые мои фантазии. Мы вышли через портал, находящийся на улице, перед огромным мрачным зданием, похожим на готический собор. Оно стояло посреди необъятной площади и давило своей громадностью на небольшие двух и трехэтажные домики, которые его окружали.

— Добро пожаловать в Легион, — улыбнулся Ротт и сделал приглашающий жест.

— Легион? — переспросила я. — Разве мы не в суд должны были отправиться?

— В магическом мире Легион объединяет в себе сразу несколько функций, — пояснил мне папа. — Это и полиция, и прокуратура, и суд, и армия.

— Зашибись, — пробормотала я.

— На самом деле это достаточно удобно, — заметил папа.

Я не стала спорить, а последовала за Роттом. Оба легионера шли позади нас, а папа шел рядом.

Мы поднялись на третий этаж по какой-то бесконечно длинной лестнице и вошли в небольшой зал. Все мои знания о судебных процессах ограничивались американским кинематографом, поэтому даже кадры из российских судов, которые я иногда ловила в новостях, казались мне странными. Здесь же я и вовсе растерялась. Больше всего зал суда походил на причудливый класс в школе или, скорее даже, на читальный зал в библиотеке Орты. Много небольших столов, за каждым из которых стояло по два стула, но места при желании хватило бы и на три, выстроились в три ряда. В каждом я насчитала по семь столов, и половина из них уже была занята. Судья и подсудимый находились у противоположной от входа стены. И снова у меня возникли болезненные ассоциации со школой. Стол судьи стоял не по центру, а немного сбоку. С другой стороны зала за таким же столом сидел подсудимый. Их лица были обращены друг к другу, а пространство между ними, как шепотом объяснил мне папа, как раз предназначалось для выступления тех, кого призывали в свидетели. Мне стало совсем плохо: всегда боялась сцены, а здесь это выглядело именно так.

Я взглянула на Нота и испытала острый приступ жалости. Он похудел, осунулся, как будто даже немного постарел. От молодого жизнерадостного красавчика, с которым я меньше года назад случайно столкнулась в коридоре Орты, не осталось и следа. Это показалось мне дико несправедливым. Ведь он действительно был хорош собой, умен, весел. Его любили студенты, а студентки — тем более. Он мог бы однажды все-таки сделать какую-то девушку по-настоящему счастливой, мог стать отцом очень красивых детей, но все это он отринул... ради чего? Ради сомнительного подвига — убить ревоплощение Роны Риддик? Привести к власти наследника древнего королевского рода? Какую преданность этому человеку надо было испытывать, чтобы почти за полгода так и не сдать ни его, ни других? Имея возможность в обмен на это остаться на свободе.

Нот как будто почувствовал мой взгляд и посмотрел на меня. Вся моя жалость мгновенно улетучилась: такой фанатичной ненавистью горели его глаза. Я поняла, что будь у него малейшая возможность, он бы сейчас придушил меня собственными руками. Наверное, жалеет, что все-таки пытался подвести мою смерть под несчастный случай, а не отравил меня сразу.

Я скользнула взглядом по его рукам, лежавшим на столе: серые металлические браслеты — те же самые или просто такие же как те, что застегнули на его запястьях еще в Орте — гарантировали то, что он не опасен. Папа еще тогда объяснил мне, что они

блокируют магический поток, превращая мага в обычного человека. Человек шесть легионеров, не считая тех, что пришли со мной, позволяли надеяться, что голыми руками он мне тоже навредить не сможет.

Процесс шел без особых расшаркиваний. Без всяких: «Встать, суд идет!» Без ударов молотка и волнений в зале, которые стоило бы ими прерывать. Я поняла, что среди сидевших за столами, были представители местной прессы, которые невозмутимо вели записи, и несколько студентов. Вероятно, из Академии Легиона или с каких-то местных юридических специальностей. Ни друзей, ни родственников подсудимого, ни случайных зевак. За столами в первом ряду сидели уполномоченный обвинитель и, как я поняла, официальный представитель. То есть прокурор и адвокат.

Меня вызвали почти сразу, других свидетелей не было. Только сейчас мне показалось странным, что в свидетели не призвали ни профессора Карр, ни Нормана, а только меня. Или их собирались выслушать в другой день?

Обвинитель задал мне все те же вопросы, что и на «репетиции», я дала все те же ответы, стараясь не смотреть на Нота, но чувствуя на себе его прожигающий ненавистью взгляд. Судья — худощавый мужчина лет шестидесяти — напротив, смотрел на меня сочувственно.

Защитник не проявлял особого рвения. По тем же американским сериалам я привыкла к тому, что адвокаты с пеной у рта защищают даже серийных убийц, которые чуть ли не были пойманы над телом с окровавленным ножом. Однако защитник задал мне всего несколько вопросов. В том числе о том, почему Нот мог желать моей смерти. А еще о том, пытался ли он бежать. Только после этого я задумалась: а почему, собственно, он не пытался этого сделать? Был уверен, что я замерзла в лесу и ему ничего не грозит? Знал, что ему не спрятаться? Или желал быть пойманным, чтобы получить свою долю аплодисментов от сочувствующих? Ведь он реально считал мою смерть значимым событием, сейчас я это чувствовала, как никогда.

После меня вызвали самого Ротта, и он пересказал все то, что узнал во время предварительного разбирательства. Рассказал он и про нападение Нота в самом его конце. По выражению лиц судьи и защитника, когда тот вел свой допрос, я поняла, что судьба Нота решится очень быстро. И решится не в его пользу. Наверное, меня это должно было обрадовать, но... не обрадовало.

Мне хотелось поскорее вернуться в Орту. Нет, веселиться на выпускном я после всего, что увидела в суде, едва ли смогу. Но я мечтала немедленно оказаться в гостиной Нормана, в его объятиях. Чтобы он прижал меня к себе, а его руки, сомкнувшись у меня на спине, отгородили от всех проблем и тревог.

Однако, когда заседание закончилось и мы вышли из давящих на психику серых стен на залитую солнцем площадь, никто не поторопился к порталам. Ротт остановился, чтобы выразить мне и папе благодарность. Я не понимала, за что он нас благодарит, поэтому промолчала, предоставляя папе право дать вежливый ответ.

— Таня, не расстраивайтесь так, — вдруг сказал мне Ротт с улыбкой. — Нот сам выбрал свой путь. И понесет ответственность за сделанный им выбор.

— От этого вся эта ситуация не становится менее печальной, — возразила я.

— Вы должно быть проголодались, — внезапно сменил он тему. — Может быть, хотите перекусить перед возвращением в Орту? Я все еще надеюсь на возможность угостить вас обедом.

Я покачала головой. Есть я хотела, потому что из-за нервов почти не завтракала, но я не

хотела ни задерживаться в Апарин, ни оставаться дальше в обществе Ротта.

— Я знаю отличное место, оно совсем рядом, — продолжал настаивать Ротт. — Прекрасный пример местной кухни. И это абсолютно безопасно: охрана пойдет с нами.

— Мне кажется, Таня хотела бы поскорее вернуться в Орту, чтобы отвлечься, — вмешался папа. — У нее сегодня все-таки выпускной.

— Честно говоря, господин Ларин, я не просто хочу угостить вас обедом, — серьезно признал Ротт, посмотрев на папу. — Есть некоторая информация, которая касается безопасности Тани. Мне хотелось бы поговорить с вами об этом.

И тогда папа согласно кивнул, а я подавила тяжелый вздох. Придется потерпеть еще как минимум час. Наверное, я смогу это сделать.

* * *

Небольшой ресторанчик, в который нас зазывал Ротт, действительно находился недалеко: мы немного прошли вдоль широкой улицы, свернули в узкий переулок и прошли почти до самого конца. Переулок заканчивался дальше тупиком, но мы не дошли до него, остановившись у неприметной двери. Оба легионера скользнули внутрь, меньше минуты спустя вернулись обратно и кивнули своему начальнику. Я чувствовала себя очень важной персоной, вокруг которой крутятся телохранители.

Внутри оказалось пусто: в заведении стояло не больше десятка столиков, которые сейчас никто не занимал, в зале суетился только полноватый мужчина с залысынами на голове, который радостно нам улыбнулся. Для обеда было уже поздновато, а для ужина — еще очень рано, поэтому персонал заведения скучал, а потому продемонстрировал настоящее радушие, увидев компанию из пяти человек. Пусть даже оказалось, что двое из них при исполнении и есть не будут.

Выбор блюд я доверила папе и почти не вслушивалась в его разговор с легионером. Услышала только, что поначалу Ротт, вопреки обещаниям, не столько рассказывал, сколько спрашивал. Знает ли папа о том, почему монархисты выбрали меня своей целью? Случались ли покушения или странные события раньше? Папа не стал раскрывать ему всех карт, только сообщил, что в свое время он покинул магический мир, опасаясь за свою жизнь. Он дал понять, что я могу быть мишенью по его вине, но даже не стал уточнять, что имел отношение к Легиону.

Так и не добившись ничего определенного, Ротт завел пространную беседу на тему того, что при таком раскладе для меня крайне опасно возвращаться в магический мир. Кажется, все его мысли о моей безопасности сводились к тому, что мне стоит после церемонии вручения дипломов вернуться домой и остаться там. Папа ответил, что он надеется на то же самое, но окончательное решение оставляет за мной.

— А вы, Таня, что думаете по этому поводу? — Ротт вонзил в меня пытливым взглядом. Я пожалала плечами. Меньше всего свои планы на жизнь мне хотелось обсуждать с ним.

— Вы же сами сказали, что Орта для меня сейчас — самое безопасное место, — напомнила я. — После спецкурса могу вернуться туда для полноценного обучения.

— Они внедрили туда одного агента, который терпеливо ждал вашего появления пять лет, — заметил Ротт. — Они могут внедрить нового. И если преподавателей еще как-то можно попытаться контролировать, то поток студентов, поступающих в Орту, отслеживать

трудно. К тому же монархисты всегда могут завербовать кого-то из тех, кто уже там учится. Как показывает практика, люди примерно вашего возраста очень падки на их идеи.

— Я буду иметь все это в виду, господин Ротт, — вежливо ответила я. — Но я не собираюсь запираюсь в собственном доме до конца жизни и бояться. Это ничем не отличается от смерти.

— Едва ли, — возразил он, — но я уважаю ваш взгляд на проблему. Мы будем стараться обеспечить вашу безопасность.

На этом важная беседа, судя по всему, оказалась закончена. Ротт с папой немного попрепирались на тему того, кто платит за обед. В итоге старший легионер настоял на том, что сегодня он нас угощал. Пока он оплачивал счет, двое его подчиненных вышли на улицу, как до этого первыми зашли в кафе. Мы последовали за ними буквально через несколько секунд.

Переулок оставался все таким же тихим и безлюдным. В Апарин для столицы целого мира на улицах вообще было не так много народу. Наверное, потому что маги предпочитали передвигаться порталами, а не пешком.

И все же что-то заставило сердце пропустить удар, а потом забиться сильнее. Пока папа с Роттом продолжали какой-то вежливый разговор ни о чем, я тревожно оглянулась по сторонам, чувствуя, как страх пробирается под кожу.

— Господин Ротт! — позвала я, чувствуя, что теперь сердце срывается в галоп, а дыхание сбивается. — Где ваши люди?

Он не успел ничего ответить. Даже просто отреагировать на мой вопрос. Мой отец, стоявший рядом с ним, вдруг вздрогнул всем телом, глаза его закатились, и он рухнул на землю.

— Папа!

Ротт обернулся в ту сторону, откуда могло прилететь заклятие, поразившее моего отца. Слишком медленно. Следующее заклятие оставило без сознания и его.

Задыхаясь от ужаса — за себя, за папу — я прижалась к стене и машинально выставила перед собой щит, еще не понимая, откуда мне угрожает опасность. А потом стиснула зубы от неприятного покалывания, когда по моему щиту ударило почти одновременно четыре разных проклятия.

Они появились, конечно, со стороны широкой улицы, с которой мы свернули час назад, загоня меня в тупик. Четверо незнакомых мне мужчин, в чьих глазах горел такой же фанатичный огонь, как и в глазах Нота.

Я затравленно оглянулась по сторонам. В переулок выходили окна и двери, но все они выглядели безжизненно. Если я закричу, придет ли мне кто-нибудь на помощь?

Да и не могла я закричать: ужас парализовал меня, все силы уходило на поддержание щита. Сколько бы я ни готовилась к новому нападению, я оказалась не готова к столь дерзкой атаке. Оказалась не готова к тому, что их будет четверо.

Впрочем, в отличие от папы и господина старшего легионера столицы, я пока еще оставалась в сознании и на ногах. На мгновение убрав щит, я послала веерный ударный импульс, но мои противники, конечно, легко закрылись щитами и тут же атаковали в ответ. Слаженно, одновременно они послали в меня сначала огненные заклятия, потом ледяные. Я узнала прием и на одном только инстинкте после второго заклятия сменила поглощающий щит отражающим. Двое оппонентов в итоге словили рикошет своего ударного импульса, но двое других успели закрыться щитами и теперь снова собирались атаковать.

Это было бесполезно. Их слишком много — взрослых, хорошо подготовленных магов, а я совсем одна. Соппротивление просто *бесполезно*.

«Твои противники всегда будут сильнее тебя... Не иди в лобовую атаку; не позволяй вовлечь себя в силовую борьбу. Будь хитрой, будь верткой... Борись за себя до конца».

Слова, которые мне говорил Норман, словно снова звучали в моих ушах, но я понимала, что оказалась бездарной ученицей. Ни одна хитрость не приходила мне в голову. Господи, если бы только он был здесь...

Я даже не сразу поняла, что за спинами нападавших открылся темный портал, я ведь видела его всего один раз в жизни. Но когда из него шагнул Норман, я испытала такое облегчение, что едва не разрыдалась. Все было точно так же, как пол года назад в подземелье под Ортой: я честно старалась постоять за себя, но без его помощи я была обречена.

Мужчины не сразу заметили появление нового персонажа, и это дало Норману время сориентироваться и атаковать первым. Двое отреагировать не успели, пополнив своими бесчувственными — надеюсь, все же не безжизненными — телами картину поля боя. Двое других просто сбежали.

Норман шагнул ко мне, на его лице читалось беспокойство. В одно мгновение он оказался рядом и сжал мои плечи.

— Ты цела?

Вместо ответа я скользнула руками вокруг его талии, крепко обняла и уткнулась лицом в плечо. Слез не было, но я все еще немного задыхалась от волнения. Он сразу обнял меня в ответ, привычным жестом погладил по голове.

Как хорошо, что его перстень был на мне.

Прежде, чем я успела поблагодарить Нормана за своевременное появление, рядом раздался знакомый, насмешливый голос.

— Это так трогательно, что я сейчас заплачу.

Норман отстранился и обернулся, я тоже пораженно посмотрела на Ротта, который стоял — целый и невредимый, хотя мой отец так и продолжал лежать без движения на земле — и довольно скалился.

— Ян Норман, я рад сообщить вам, что вы арестованы за применение темной магии без должного разрешения.

Одна рука Нормана еще продолжала обнимать меня за плечи, а я сама держалась за него обеими руками, словно не желая отдавать Ротту. Мы переглянулись, но секунду спустя поняли причину самоуверенности старшего легионера столицы.

Они начали появляться отовсюду: со стороны улицы, из домов, несколько вышло из ресторана, в котором мы ели, даже со стороны тупика, хоть я и не поняла, откуда легионеры могли взяться там. Сначала я насчитала десяток, но скоро их стало не меньше тридцати человек. В переулке внезапно стало слишком тесно.

— Сколько чести для меня одного, — презрительно хмыкнул Норман с некоторой обреченностью в голосе.

Я еще не хотела в это верить, но он уже понимал: ловушка захлопнулась. И оказалось, что она не для меня, я всего лишь служила приманкой. Настоящей целью был Норман.

— Когда арестовываешь темного мага, невозможно перестраховаться, — Ротт продолжал довольно улыбаться. — Легион близко, так что, надеюсь, ты понимаешь, что подкрепление тоже не заставит себя ждать. Лучше просто сдайся. Больше шансов, что Таня

не пострадает.

Не знаю, собирался ли Норман сопротивляться, но после этих слов он действительно сдался. Я увидела это в его глазах, когда он посмотрел на меня и попытался выпустить из объятий. Я вцепилась в него сильнее, взглядом умоляя не думать о том, что я могу пострадать. Убежать и спрятаться я вполне смогла бы. Он с улыбкой покачал головой.

— Таня, не надо, будет только хуже.

Осторожно, но настойчиво он освободился из моей хватки и сделал несколько шагов к Ротту, поддерживая рукава сюртука и обнажая запястья.

— Твоя взяла, Ротт, — признал он, протягивая руки вперед.

Серые браслеты, закрывшие ему доступ к магии, защелкнулись в одно мгновение. Только тогда легионеры, окружившие нас, заметно расслабились. Двое подошли ко мне со спины и взяли меня за плечи, хотя я и не пыталась ничего делать.

— Я уж думал, никогда тебя не поймаю, — покачал головой Ротт, словно действительно не верил в свою удачу. — Сколько ж вас, достойных мужчин, погубила такая банальность, как любовь к женщине.

Норман посмотрел на браслеты на своих запястьях, а потом привычно сцепил руки за спиной. Он стоял все такой же прямой, как палка, чуть вздернув подбородок. Мне было не видно его лицо, но я почему-то не сомневалась, что оно остается таким же спокойным, как и всегда.

— Уж лучше быть достойным мужчиной, которого погубила любовь к женщине, чем такой крысой, как ты, Ротт.

Красивое лицо легионера в одно мгновение стало злым. Он размахнулся и наотмашь ударил Нормана по лицу. Так сильно, что тот пошатнулся и едва устоял на ногах.

Я вздрогнула, из-за чего руки легионеров на моих плечах сжались сильнее. Происходящее казалось мне дурным сном. Я все ждала, что проснусь, но этого не происходило.

Я видела, как Норман коснулся рукой лица, потом посмотрел на свои пальцы. Возможно, на них остались капли крови, но мне этого, к счастью, не было видно.

— Ты бы хоть при даме этого не делал, — презрительно бросил Норман. — Не стоит ей видеть, на что способен досточтимый Легион.

Ротт бросил на меня быстрый взгляд, потом отвернулся и сделал несколько шагов прочь, как будто собирался уйти. Однако вдруг он резко обернулся и швырнул в Нормана какое-то заклятие.

Лишенный магии и возможности выставить даже слабенький щит, тот принял на себя всю силу удара заклятия и тоже повалился на землю. Я непроизвольно дернулась к нему, но легионеры не дали мне двинуться с места.

— Думаю, все видели, что он оказывал сопротивление, — усмехнулся Ротт, обведя своих людей вопросительным взглядом.

Те рассмеялись, а меня замутило.

— Этого в камеру, — Ротт кивнул на Нормана, — остальных к доктору. А госпожу Ларину доставьте в мой кабинет.

Сидя на жестком стуле в кабинете Ротта и чувствуя, как от страха выворачивает внутренности, я изо всех сил старалась не думать. Не получалось.

«Ты бы хоть при даме этого не делал. Не стоит ей видеть, на что способен досточтимый Легион».

Слова Нормана так и крутились в голове, вынуждая меня представлять разные ужасы, которые с ним сейчас, возможно, делали. И бояться, что реальность может оказаться куда ужаснее. В этом, наверное, и заключалась садистская задумка Ротта: оставить меня наедине с этими мыслями и в полном неведении на пару часов.

Если в злосчастном переулке я радовалась тому, что надела перстень, то теперь корила себя за это. Лучше бы вообще оставила его в Орте! Пусть бы эти чертовы монархисты меня убили, зато Норман не пострадал бы.

А теперь его жизнь в опасности. Из-за меня. От осознания этого становилось дурно и хотелось завить. От собственной беспомощности и никчемности.

Наверное, мне стоило беспокоиться и за папу, но почему-то казалось, что ему ничего не грозит. Что бы ни задумал Ротт, моя семья ему едва ли интересна. По крайней мере, я в это искренне верила. Ровно до тех пор, пока он наконец не появился в кабинете и не сел за свой стол, со странной улыбкой посмотрев на меня.

— Ну, здравствуй, Рона.

Я непроизвольно вздрогнула, а он внимательно всмотрелся в мое лицо.

— Или пока еще не Рона? Но уже ведь знаешь, что ты будешь ею?

Я с трудом сглотнула, а потом спросила:

— Где Норман? Что ты с ним сделал?

Я решила, что и дальше уважительно обращаться к Ротту на «вы» нет смысла.

— Да не переживай ты за него, — легкомысленно отмахнулся тот. — Ничего ему не будет. Он нужен мне живым. — Ротт вдруг нервно хохотнул, словно внезапно вспомнил очень смешную шутку. Смешную, но неприличную, поскольку он сразу как будто смутился. — Ну, то есть... Не все время, конечно. Он нужен мне живым ровно до того момента, как я смогу эффектно казнить его на центральной площади Апарин. В духе древних королей. Таких, как он сам.

Наверное, мое лицо как-то изменилось, потому что губы Ротта снова растянулись в довольной ухмылке. Сейчас его лицо совершенно не выглядело красивым.

— А ты думала, я все это затеял, чтобы снять с него иллюзию? Нет, дорогая, в этом для меня уже нет интереса. Я давно понял, кто он. Сначала он непроизвольно выдал тебя, а потом своим отношением к тебе и себя. Потому что в моей семье всегда знали и помнили о тайной связи Норда Сорроу и Роны Риддик.

Я молча смотрела на него, не задавая вопросов и стараясь не демонстрировать своего отношения к его словам. Мне не хотелось доставлять ему лишнее удовольствие, даже в обмен на полезную информацию. Но его, судя по всему, все равно распирало от желания поболтать.

— Да, в нашей семье предания тех времен хранятся с особой тщательностью. Видишь ли, меня действительно называли Геллертом в честь отца. А того в честь его отца. И так называют мальчиков в нашей семье уже пять веков. Потому что те, кто сослал Гордона

Геллерта на остров, запретили ему жениться во второй раз. Он не мог передать фамилию своим детям и потому решил передавать по наследству хотя бы имя.

Я поняла, что в глубине души уже давно все это знала. Гордон Геллерт. Геллерт Ротт. Это могло бы оказаться совпадением, конечно. Если бы я не была ревоплощением Роны Риддик, а Ян не был бы Нордом Сорроу.

— Значит, ты и есть тот самый наследник, который так рвется к власти, — протянула я, стараясь не выглядеть испуганной. — Теперь понятно, почему последние годы монархисты становились все сильнее: их главарь стоит и во главе Легиона.

Ротт снова ухмыльнулся.

— Поверь, все не так просто, как тебе кажется. Нелегко сдавать собственных людей. Сажать их в тюрьму и даже иногда отправлять на казнь. Учитывая, что все мы так или иначе приходимся друг другу родственниками. Дальними. Ведь у всех нас один предок. У Гордона было много детей от разных женщин. Но только по линии первенца наследуется власть. Зато остальные стали самыми преданными на свете слугами. Их приучают к этому с рождения. Сторонние рекруты совсем не такие.

— Это все отвратительно.

— Думаешь? — Ротт иронично приподнял брови. Сейчас он выглядел немного сумасшедшим. — Может быть. Но это не имеет значения. Веками мы шли к этому моменту. Набирали силы, плодили последователей. Занимали ключевые посты. Ждали тебя.

— Я-то вам зачем? — стараясь скрыть страх, спросила я, хотя и так все понимала.

Ему нужна моя смерть. То есть не моя, а Роны Риддик. Если он верит в ее угрозу, а он наверняка верит.

— Вообще-то мы давно ждали тебя, чтобы убить, — не стал меня разубеждать Ротт. — Потому что воля Роны Риддик мешает моему роду воцариться на престоле магического мира. И когда мой отец узнал, что Развоплощенная наконец вернулась, он послал людей убить тебя и твоих родителей. А когда не удалось и мы потеряли твой след, мы принялись ждать. Я был уверен, что тебя будут держать в мире людей до завершения ревоплощения. На сто процентов, поэтому собирался ограничиться убийствами тех, кто отказался от обучения. А Нот... Вилл считал, что твои родители могут и рискнуть. Поэтому он предпочел заранее внедриться в Орту, а я отправил еще несколько своих людей в другие университеты, где обучаются Покинувшие. Повезло мне, что ты пошла в Орту. Иначе я бы тебя пропустил. Но Вилл всегда был одним из самых умных и преданных моих людей.

— Тоже родственник? — с нервным смешком уточнила я.

— Да, кузен. Кажется, — Ротт неуверенно нахмурился. — Неважно. Он первым обратил на тебя внимание. А после той истории с Шарами Аргора... В моей семье знали про тайную комнату свиданий первого канцлера и будущей королевы. Я понял, что именно там ты и нашла артефакты, а значит, смогла открыть ее. Это подтвердило подозрения Вилла.

— И ты велел ему меня убить. Но так, тихо, чтобы тебе не пришлось устраивать полноценное расследование. Как вы убивали девочек из семей Покинувших.

— Именно. Нот задействовал своих рекрутов, но Норман оба раза сорвал его планы. Причем во второй раз Вилл не смог совладать со своей неприязнью к нему и довольно глупо подставился. Мне пришлось арестовать его, чтобы не вызвать ничьих подозрений. Сначала он взбесился, конечно, но потом отнесся с пониманием.

Внезапная догадка заставила сердце забиться сильнее:

— Это твои люди подсунули Анне Проявляющего, чтобы избавиться от Нормана? А

устроить темный ритуал тоже они надоумили?

Ротт недовольно поморщился.

— Это была импровизация рекрута, на которую я не давал согласия. Он считал, что окажет мне услугу, устранив Нормана. Но тут я даже обрадовался, что ничего не вышло. Это нарушило бы мои планы.

Значит, и после ареста Нота в Орте оставался рекрут монархистов, но меня почему-то больше не трогали. Больше того, Нормана тоже тронули по ошибке. Интересно, кто этот рекрут? Я вспомнила, как к Анне подсаживался Марек Кролл. Сын канцлера помогает монархистам? Едва ли. Дилан Морт, присланный на замену Ноту? Возможно.

— Какие планы? — задиристо спросила я, надеясь, что Ротт поделится ими в лучших традициях всех злодеев. Главное — чтобы потом у меня появился шанс воспользоваться этой информацией.

— О, а тут мы подходим к самому интересному, — глаза Ротта загорелись незнакомым огнем. — На том разбирательстве я кое-что понял. Я понял, кто скрывается под личиной Яна Нормана. Только тогда все окончательно встало на свои места и с Шарами Аргора. Я увидел в этом знак. Если раньше я только смутно чувствовал, что снятие иллюзии с Нормана может мне пригодиться, то теперь я видел по-настоящему захватывающую перспективу. Ты же можешь оценить красоту момента? Они были последними королями этого мира: Норд, Рона и Гордон. И теперь мы снова сошлись в одной временной точке: тот, кто пересек временной поток, Развоплощенная и наследник. Нас снова трое, и история готова к новому витку спирали.

— Какому еще витку? Что ты несешь?

Он откинулся на спинку кресла и одарил меня странным взглядом. Очень неприятным.

— Это же так просто. Пять веков назад Рона Риддик и Гордон Геллерт низвергли Норда Сорроу, поженились и возглавили Объединенное Королевство. Мы можем сделать почти то же самое. Ты можешь стать моей королевой. Маги боготворят Рону Риддик. И после официального признания тебя ее ревоплощением они сами захотят посадить тебя на трон. А я к тому моменту стану спасителем магического мира, национальным героем и временным правителем. Наш брак станет прекрасным поводом объявить нас обоим королями.

— Интересно, как ты собрался стать героем? — я снова презрительно фыркнула. — Ян прав: ты просто крыса. Мерзкий хорек. Куда тебе в герои?

Я затаила дыхание, гадая, не переборщила ли? Мне нужно было, чтобы он продолжал говорить. Я хотела разозлить его достаточно сильно, чтобы он потерял контроль и выдал то, что не собирался. Но была опасность, что я разозлю его слишком сильно. Что он сделает в этом случае, я боялась даже предположить.

Ротт едва заметно поморщился, но не вышел из себя, как во время разговора с Норманом.

— Очень просто. Я избавлю этот мир от монархического террора. Накрою сразу несколько крупных группировок и отправлю их членов в тюрьму. А еще я раскрою их главаря: алчного до власти, кровавого Норда Сорроу. И публично казнь его.

Я с такой силой стиснула челюсти, что зубам стало больно. Ладоням тоже стало больно, но я не сразу поняла, что впиалась в них собственными ногтями.

— Думаешь, все этому так обрадуются, что выберут тебя следующим канцлером?

— О, выборов не будет, — отмахнулся Ротт. — У меня есть идея получше. И ждать целых два месяца не придется.

— И какая?

Он усмехнулся и покачал головой.

— А ты присоединяйся ко мне и тогда все узнаешь первая.

Я склонила голову набок, изо всех сил изображая спокойное изумление.

— Не представляю, по какой причине в твоих больных фантазиях я помогаю тебе во всем этом и становлюсь твоей женой.

— По очень простой. Взамен я обещаю, что сохраню жизнь тебе и твоим родителям. А смерть Сорроу будет быстрой и безболезненной.

— Хреновые условия, меня они не устраивают, — ни на секунду не задумавшись, отвергла я. — Любой план, в котором Ян погибает, меня не устраивает.

— Что ж, к счастью, ты не в том положении, чтобы требовать чего-то, — он снова гадко усмехнулся. — Бери, что дают, или я обойдусь без тебя. Видишь ли, я давно знаю, как встану во главе магического мира. Твое участие сэкономит мне время и силы, а также доставит мне немало удовольствия, как мужчине, когда я сделаю тебя своей женой. Но я без тебя обойдусь. Правда, тогда мне придется вернуться к первоначальному плану и убить тебя. А заодно всех, кто тебе дорог. Просто так, из вредности.

Я смотрела на него, тяжело дыша, чувствуя себя в ловушке. Значит, ему нужны все наши жизни. В этот раз мне не заключить сделку, которой я смогу защитить Нормана. Мне нечем торговать. Ротт смотрел на меня, как победитель. Он уже мысленно примерял корону, и я видела, что мое решение действительно не так уж важно для него. Своим отказом я не разрушу его планы. Мое согласие станет лишь приятным бонусом, который позволит закончить его партию красиво. И за эту маленькую приятность он готов пощадить мою жизнь.

Еще никогда я так страстно не желала, чтобы Рона Риддик все-таки проснулась и заняла мое место. Прямо сейчас. Она была древней королевой, которая наверняка понимала толк в интригах. А еще сильным магом, бесстрашным воином. Она наверняка знала бы, как использовать ситуацию, в которой я видела только тупики. Она бы спасла своего Норда Сорроу, а вместе с ним и моего Яна Нормана. Пусть бы даже я об этом уже не узнала.

Но Рона Риддик не торопилась занимать мое место, а это значило, что решение должна принять я.

— Гори в аду, Ротт, — я покачала головой. — Я не собираюсь облегчать тебе задачу.

Он долго смотрел на меня, а потом вздохнул.

— Жаль. Что ж, твое право. Но я все же дам тебе немного времени и шанс передумать. — Он посмотрел на часы. — Ох, кажется, ты опаздываешь на свой выпускной. Какой я грубый!

Он подошел к двери и отдал приказ легионеру, который ждал за ней. Через пару минут в кабинете появился папа, который, к счастью, выглядел целым, невредимым и немного растерянным.

— Господин Ларин, вы можете забрать дочь обратно в Орту, — уже совсем другим тоном и с другой улыбкой сообщил ему Ротт. Он снова был сама любезность. — Учитывая обстоятельства, вам не стоит лишнего разгуливать по Апарин. Поэтому вот, — он протянул папе металлическую сферу размером с кубик Рубика. На вид сфера была не цельной, а состояла из двух склеенных половинок. — Воспользуйтесь экспресс-порталом Легиона. Кстати, Таня, он двусторонний. Оставьте его себе. Он всегда доставит тебя обратно в Легион.

Я не удостоила его ответом. Только поторопилась подойти к отцу, взглядом обещая

объяснить ему все позже.

Он и не стал ничего спрашивать. Просто протянул мне сферу и попросил положить на нее руку сверху. Когда мои пальцы сомкнулись на металле, папа повернул свою половину сферы.

Через мгновение полного сумбура мы оказались в моей комнате в общежитии Орты.

— Таня, что там произошло?

Папа задал вопрос еще до того, как я успела отойти от непривычного перемещения. На его лице растерянность сменилась тревогой, а выражение моего лица едва ли могло способствовать его успокоению.

— Ротт и есть наследник, — выдохнула я, сев на свою кровать.

Еще несколько минут я сбивчиво пересказывала содержание своего разговора с Роттом. Пришлось упомянуть и истинную личность Нормана, и отношения Роны Риддик с Нордом Сорроу. Теперь эти тайны уже не имели значения. Если Ротт знает, то и от папы скрывать нет смысла.

— Значит, все это время он бросался тебя спасать, потому что он Норд Сорроу? — ошарашенно протянул папа, рассеянно садясь на кровать Хильды. Та, судя по всему, уже отправилась в бальный зал, не дождавшись меня.

Я покачала головой.

— Нет, все это время он бросался меня спасать, потому что он меня любит, — возразила я.

Я чувствовала его пытливый взгляд на мне, но почему-то не решалась посмотреть в глаза. Я любила его и, несмотря на все ошибки, которые он совершил, считала самым лучшим отцом на свете. Но личную жизнь я с ним никогда не обсуждала. Я бы не удивилась, если бы он до сих пор считал, что у меня и с Сережей дальше поцелуев дело не зашло.

— А ты его, надо думать, тоже любишь, — обреченно выдохнул папа.

Это даже не было вопросом, скорее, констатацией факта. Мне оставалось только кивнуть.

— И меня наизнанку выворачивает от мысли, что он погибнет из-за меня, — призналась я тихо. — Пап, мы должны что-то сделать. Я не могу оставить его там. Не могу бросить. Он никогда меня не бросал.

— А что мы можем сделать? — возразил папа. — Вернуться в Легион и отбить его?

И он был прав. Мы были бессильны. Против целого-то Легиона... Что мог сделать человек, больше двадцати лет проживший в обычном мире, и девчонка, которая вообще в нем выросла?

Но я не хотела так просто сдаваться. Снова и снова я прокручивала в голове разговор с Роттом, надеясь за что-то зацепиться. Я должна была найти выход. Просто обязана. Еще в декабре, сидя рядом с бесчувственным Яном, я знала, что не смогу жить, если он умрет. Даже не понимая еще, что он значит для меня. Тогда ситуация тоже казалась безвыходной. Безвыходней некуда. Но мы справились. Какой бы слабой и беззащитной я себя тогда ни чувствовала, мне удалось поступить правильно. Дважды. Если я продолжу думать и сейчас, то наверняка что-то соображу.

— Как он собирается возглавить Республику? — я вопросительно посмотрела на папу. — Он сказал, что станет спасителем мира, героем и временным правителем. Так и сказал: временным правителем. Не канцлером.

— Это то же самое, — нахмурившись, возразил папа. — Канцлеры — временные правители.

— Но он сказал, что выборов не будет. Как он может стать правителем без выборов?

Папа, помоги мне, пожалуйста. Я просто слишком многого не знаю, чтобы догадаться самой.

Он вздохнул и на мгновение задумался, а потом вдруг побледнел и посмотрел на меня уже с испугом.

— Чрезвычайная ситуация, — пробормотал он, но потом продолжил уже более уверенно: — Если происходит что-то из ряда вон выходящее, угрожающее безопасности всего магического мира, канцлер может объявить чрезвычайную ситуацию. В этом случае демократические институты упраздняются, а Легион получает всю полноту власти.

— Вроде военного положения?

— Вроде того. Отменить его тоже может только канцлер.

— То есть главой государства формально все равно остается он?

— Да... Если только...

— Его не убьют, — закончила я за папу, подскочив на ноги и нервно заметавшись по комнате. — Значит, как это может выглядеть? Видимо Ротт собирается устроить от лица монархистов что-то ужасное. Настолько ужасное, что канцлер объявит чрезвычайную ситуацию. Легион получит всю полноту власти, после чего канцлер станет им не нужен. Разделавшись с ним, Ротт сможет героически спасти магический мир, арестовав членов своей же группировки. — Я замерла на месте, вспомнив статьи, которые читала о нем. — Точно так же он в свое время получил должность старшего легионера столицы...

— Фактического главы Легиона, который станет временным главой государства в случае гибели канцлера в условиях чрезвычайной ситуации.

— А потом он объявит, что монархистами руководил Норд Сорроу, он же Ян Норман. В этом мире так не любят темных магов и самого Сорроу, что все только рады будут в это поверить. Особенно если преданные Ротту монархисты подтвердят это на допросах. Яна казнят — и о чудо! Наступит мир и процветание.

— Окажется, что Республика была слишком слаба, чтобы справиться с этой угрозой, — кивнул папа. — А стоило Ротту взять власть в свои руки, проблема тут же решилась. Люди с удовольствием сделают его пожизненным канцлером. А потом и королем после некоторой подготовки сознания.

— Хорошо, так где мы можем разрушить его гениальный злодейский план? — я с надеждой посмотрела на папу, ожидая, что он сейчас подбросит мне пару вариантов.

Но он только с сомнением нахмурился.

— Знаешь, меня смущает, что он все это тебе рассказал и отпустил. Пахнет ловушкой.

Я на мгновение задумалась и покачала головой.

— Нет, он просто хотел аплодисментов, — уверенно заявила я. — Просто хотел показать, какой он умный и как он нас всех переиграл.

— Таня...

— Папа! — я вскинула руку, заставляя его замолчать. — Пожалуйста, мне надо сейчас сосредоточиться на чем-то одном. И это что-то — как мне помешать Ротту осуществить его план. Хотя бы настолько, чтобы спасти Яна.

Папа действительно замолчал, задумываясь над моими словами, а потом предложил:

— Натравить на него того, кто сильнее. По крайней мере, сейчас. Канцлера.

— Точно! — я обрадовалась. — Уж он-то на сто процентов будет заинтересован в том, чтобы остановить его.

— Есть только одна проблема, — остудил мой пыл папа. — Как убедить канцлера в том, что Ротт действительно планирует такой государственный переворот?

Я тут же сникла. Действительно, где канцлер, а где мы. Единственное, что нас связывает, — это тот эпизод с его сыном, который я отчаянно старалась забыть. Едва ли он прислушается к девушке, которая обвиняла Марека в попытке изнасилования. Кем вообще надо быть, чтобы к тебе прислушался целый канцлер?

Внезапная идея снова вселила в меня надежду, но я посмотрела на папу с сомнением. Ему это не понравится.

— А если я объявлю себя ревоплощением Риддик? Ко мне прислушаются? Я ведь смогу пройти проверку? Я уже ее прошла и не раз!

Как я и думала, папа пришел в ужас от этой затеи. Он вскочил со своего места, испуганно глядя на меня и упрямо качая головой. Кажется, его это так шокировало, что он даже не мог подобрать слов для возражений. Однако я не собиралась отказываться от этой идеи. Мне только нужно было понять, действительно ли эта карта — козырь.

— Пап, чего мне бояться? Те, от кого мы скрывались, уже все знают. Теперь обнародование этого факта скорее станет для меня защитой!

— Или ускорит завершение ревоплощения! Если ты сама начнешь воспринимать себя как Рону Риддик, использовать ее поток, чтобы доказать этот факт, это может сделать ее сильнее.

Я скрестила руки на груди и насупилась. На одно короткое мгновение эта перспектива вернула все мои страхи, но потом я снова покачала головой, стараясь выглядеть уверенно.

— Ян считает, что завершение ревоплощения не станет для меня концом. Он говорит, что я не исчезну, просто ее поток соединится с моим...

— О, ну если *Ян* так считает, то конечно, какие могут быть вопросы! — в голосе папы слышалось заметное раздражение.

— Зря ты так, — обиженно отозвалась я, все еще старательно контролируя голос, чтобы он звучал спокойно. — Ян замечательный человек. Лучший из всех, кого я знаю. Когда вы мне все рассказали, я тоже сначала взбесилась и перестала ему доверять, думая, что он использовал меня и хотел принести в жертву ради возвращения своей любимой. Но потом я поняла, что он бы так не поступил. Он очень достойный человек. Увидишь, когда узнаешь его лучше, он тебе понравится.

Папа посмотрел на меня, как мне показалось, печально.

— Насколько я понимаю, у меня нет ни одного шанса не познакомиться с ним поближе, да?

— Почему же, если мы не сможем его спасти... — на этих словах голос меня все-таки подвел и сорвался.

Папа внезапно сжал мои плечи и уверенно заявил:

— Мы спасем его, обещаю. Раз уж это нужно тебе, мы это сделаем. В конце концов, у меня остались некоторые связи в магическом мире. А вокруг Роны Риддик сложился целый культ за последние пять столетий. Когда ты объявишь себя ее ревоплощением, тебе присягнет целая армия. В том числе и многие легионеры. Канцлер не сможет не прислушаться к тебе. А если попытается, то вероятнее всего его место вместо Ротта займешь ты. Если ты готова ко всему этому, то мы можем сейчас же отправиться в Аларию, в Дом Риддик. И завтра утром о тебе будут знать все. Я не спрашиваю тебя, готова ли ты рискнуть тем, что отдашь кому-то другому свое тело. Я уже вижу, что вы с *Яном* друг за друга жизнь готовы отдать в любую секунду.

Я нервно облизнула губы, глядя на него со смесью страха и возбуждения.

— Готова ли я стать ожившей легендой? Да ничего подобного. Но выбора-то у меня нет. Так ведь?

Папа кивнул, и мы вместе поторопились в учебный корпус, к порталам. Уже в главном холле папа неожиданно спросил:

— А как же твой выпускной? Не жалеешь, что пропустишь?

— Ты издеваешься, да? — недоверчиво уточнила я.

Он только примирительно вскинул руки и попытался активировать портал. Однако тот не отозвался на эту попытку. Ни со второго, ни с третьего раза.

— Что за черт? — выдохнул папа.

— Вы же не думали, что все окажется так просто? — донесся из-за наших спин насмешливый голос Марека Кролла.

Мы с папой обернулись синхронно. Я встретила взглядом с Марекком и поняла, что момент реванша, который он давно мне молчаливо обещал, наконец настал. Правда, я пока не понимала, каким он будет. Зачем он заблокировал порталы?

— Марек?

— Удивлена? — он довольно усмехнулся. — А ты не такая сообразительная, как опасался Геллерт.

Значит, все-таки Марек. Я все еще не понимала, зачем ему это, но перед моими глазами промелькнуло воспоминание этого утра: Марек выходит из портала, бросает взгляд на меня, потом замечает легионеров и, почтительно поклонившись, отступает в сторону.

Почтительно поклонившись. Марек Кролл! Мне еще тогда показалось это странным, но я объяснила это себе страхом сына канцлера. Но я ошиблась.

— Что ты сделал с порталами? — папа, судя по всему, тоже уже все это сообразил.

— Уничтожил артефакты, на которых они работают, — без тени смущения ответил Марек. При всем своем самоуверенном виде и самодовольной усмешке он держался на расстоянии. И выставял перед собой щит. Заранее. — Так что никто не покинет Орту.

— Марек, что ты задумал? — я с отвращением услышала, как дрожит мой голос. — Ты не понимаешь! Ротт ведь стремится занять место твоего отца. Он убьет его!

— Да! Именно это Геллерт мне и обещал! — неожиданно зло воскликнул Марек. — Я наконец избавлюсь от своего папаши и всех его требований и запретов. Какой смысл быть сыном самого могущественного человека в Республике, если нельзя делать то, что хочется? Если надо постоянно оглядываться на мнение всякой черни, только потому что им дано право его выбирать? Пусть Ротт забирает свой престол, а я получу наследство и буду жить так, как хочется мне.

Я ошарашенно отступила назад. Требования и запреты? Требования вроде не кидаться на девушек, которые не хотят с тобой спать? От подобного тяжелого гнета так жаждет освободиться этот мерзавец? Что ж, канцлера можно поздравить: отличного он вырастил сына. Который теперь участвует в заговоре с целью убить его.

— В общем, я здесь только для того, чтобы передать тебе послание, — Марек все еще прожигал меня ненавидящим взглядом. — Геллерт не зря дал тебе экспресс- портал. Он дает тебе шанс спасти себя и своего отца и вам обоим присоединиться к нему. Больше никто не покинет Орту. Впрочем, я буду рад, если ты откажешься от этого предложения и сдохнешь здесь с остальными. Надеюсь, дрянь, тебе понравилось в прошлый раз в гостях у низших? Потому что сегодня они придут в гости к тебе.

Папа не выдержал и шагнул к Марекку, намереваясь проломить ему сначала щит, а потом и голову, но тот проворно отскочил назад и извлек из воздуха такую же сферу, какую нам дал старший легионер столицы. В одну секунду он повернул руками ее половинки и исчез.

Папа приглушенно выругался, а я почувствовала, как холодеют руки и ноги.

— Низшие... — с трудом выдавила я. — Они хотят впустить их в Орту.

— Оставайся тут, — велел папа. — А еще лучше беги в общежитие и закройся в комнате.

Я понимала, куда он собрался: проверить охрану. Наверняка он знал, как попасть к тем самым входам в подземелья, которые, по словам ректора, с декабря были опечатаны и

находились под круглосуточным присмотром.

Конечно, я последовала за ним. Закрыться в собственной комнате, когда вокруг творится такое, может быть, и было разумно, но определенно меня не устраивало. И это точно не помогло бы Норману. Пусть у нас появилась более срочная и более страшная проблема, это не значило, что я готова была забыть о нем.

Мы еще не успели дойти до первого входа, когда поняли, что опоздали. Один из охранников успел убежать достаточно далеко, прежде чем его догнали и загрызли. И все же мы дошли до конца коридора, чтобы своими глазами увидеть разрушенную дверь и окровавленные, разорванные на части тела охраны.

— Вот он, этот потрясающий воображение теракт монархистов, который задумал Ротт, — пробормотал папа, глядя на это. — Который повергнет магический мир в ужас и вынудит объявить чрезвычайную ситуацию.

— Погибший во время выпускного спецкурса? — онемевшими губами уточнила я.

— Достаточно кроваво и страшно, чтобы вызвать шок и гнев. Но это дети Покинувших и всего несколько преподавателей-магов. То есть напрямую магическое сообщество не будет затронуто, гнев не выйдет из-под контроля. Зато многие с радостью откажутся от части прав и свобод, лишь бы такого не произошло с их детьми. Возвращение старой угрозы в виде вырвавшихся низших усилит страх. Не знаю, как Ротт потом собирается их отлавливать.

«Вот, значит, для чего их развели в подземелье», — промелькнуло у меня в голове. Ротт давно готовил эту акцию. Он мог перебросить сюда всего несколько особей темным порталом. Он же глава Легиона и мог выдать на открытие такого портала разрешение. А потом его людям не составило бы труда поставлять в подземелье пропитание экспресс-порталами, чтобы низшие размножались. Кто знает, может, они и дрессировать их научились или управляли их передвижениями, подкладывая «вкусняшки» в нужные гроты. Отправив меня в подземелья, Нот просто использовал уже имевшуюся заготовку.

— Тогда чего мы стоим? Надо предупредить остальных. Они все в бальном зале!

Я повернулась, чтобы бежать, но папа остановил меня.

— погоди, надо закрыть проход. Может быть, еще не все выбрались.

Он направил руки на обломки двери, те медленно поднялись в воздух, а потом одним стремительным движением каждый встал на свое место. Через секунду они снова объединились в одно полотно и запечатали вход в подземелье.

На ходу спрятав меч в ножны и застегнув ремень, на котором все это держалось, я бегом кинулась к бальному залу. Судя по тому, что из приоткрытых дверей доносилась музыка, а не крики ужаса и боли, я успела.

— Круто! — я такого еще не видела, хотя собирать разбитую чашку или тарелку нас на бытовой магии, конечно, учили. — Теперь надо сделать то же самое со вторым входом. Ты иди к нему, а я предупрежу ректора и преподавателей. Встретимся в бальном зале.

Я сделала несколько шагов по коридору, собираясь следовать мною же озвученному плану но папа снова остановил меня, схватив за руку.

— Нет, ты пойдешь со мной. Или я пойду с тобой, но одну я тебя не отпущу! Это место теперь кишит низшими.

Как будто в подтверждение этих слов на его руку, которой он держал мою, капнула густая слюна. Я даже не стала поднимать голову вверх, чтобы не тратить драгоценные мгновения. Просто оттолкнула папу в одну сторону, а сама отскочила в другую.

На место, где мы только что стояли, тут же спикировал низший. От пронзительного

вскрика мне заложило уши. Мой кошмар полугодовой давности, который с тех пор остался только в редких снах, вновь оживал.

Только в этот раз я была готова. Я даже не успела подумать о том, что нужно достать сквозь пространство меч. Все необходимые для этого действия тело и магический поток выполнили машинально. Не зря Норман мучился со мной столько времени, обучая меня этой хитрой премудрости. В экстренной ситуации мне понадобилась всего одна секунда, чтобы оказаться при оружии. И еще одна — чтобы вытащить меч из ножен.

Низший кинулся на меня, но маневры уклонения Норман тоже успел довести у меня до автоматизма. Я даже смогла полоснуть кончиком меча по животу монстра. Кожа там была очень грубой, а потому большого урона я своими все еще недостаточно сильными руками не нанесла, но сейчас это и не было моей целью.

Переступив и сгруппировавшись, я дождалась новой атаки и на этот раз полоснула существо по горлу. Там кожа была гораздо тоньше, а потому кровь сразу брызнула во все стороны. Низший заверещал от боли и потерял способность адекватно оценивать ситуацию. Мне оставалось только подскочить ближе и со всего размаху, вложив в удар всю свою небольшую силу, проткнуть его насквозь в области солнечного сплетения.

Низший дернулся и моментально затих. Уперевшись ногой в его грудь, я вытащила меч из мертвого тела.

И посмотрела на папу, который замер в двух шагах от меня, тоже держа в руках меч, который он успел достать, но не успел пустить в дело.

Он несколько секунд смотрел на монстра, словно боялся, что тот окажется жив и бросится на нас, а потом перевел ошарашенный взгляд на меня. Наверное, с перепачканным в черной крови мечом я выглядела достаточно эффектно и устрашающе, потому что он сказал мне только одну фразу:

— Встретимся в бальном зале.

* * *

В огромном зале наш спецкурс даже вместе с преподавателями выглядел сиротливо. Хотя на этот раз здесь опять все украсили иначе и вместо общих столиков с закусками и напитками, которые устанавливали на других балах, поставили много столов как в ресторане, за каждым из которых могло поместиться четыре человека. Сейчас большинство из них пустовало, а мои сокурсники вновь отрывались в центре зала под музыку с моего плеера. Кажется, другой музыкой обычного мира в Орте так и не обзавелись.

Оценив ситуацию, я закрыла за собой двери, в которые вбежала, и направилась к столам преподавателей.

— Ректор Ред, уберите музыку! Надо срочно закрыть этот зал. В Орте низшие!

Я попыталась перекричать музыку, но то пи мне это не совсем удалось, то ли ректор уже успел спалить парочку своих самокруток. Он непонимающе уставился на меня.

— Что? Госпожа Ларина, в чем дело? Почему вы не в платье? И где Ян?

— Ректор, уберите музыку! — проорала я уже громче.

Он так и не шелохнулся, профессора Карр, Грокс и Дангл, сидевшие с ним за одним столом, напряженно переглянулись. Карр, рядом с которой я остановилась, заметила у меня на поясе меч и, кажется, уже хотела поинтересоваться, зачем я его притащила на бал. К

счастью, музыка все-таки стихла, а из-за дальнего столика поднялся Дилан Мор и, опираясь на трость, направился к нам. Музыка, должно быть, тоже убрал он.

— Что происходит?

Я внутренне сжалась, глядя на него. То, что Марек Кролл оказался рекрутом монархистов, еще не значило, что Мор не входит в их прекрасную тусовку. Немного смущало, что он остался здесь, в ловушке, но у него тоже мог обнаружиться при себе экспресс-портал. А если даже и нет, то среди монархистов вполне могли быть и смертники, готовые умереть за своего лже-короля.

И все же я ответила Мору, хотя бы для того, чтобы услышали остальные:

— Входы в подземелья были открыты, охрана — убита. Низшие в Орте. Надо немедленно закрыть зал, пока они не добрались сюда. Правда, там еще мой отец, он закрывает второй вход. Первый мы уже закрыли.

— Ларина, вы что, бредите? — возмущенно воскликнула Карр. — Я давно заметила, что вам нравится общее внимание, но не до такой же степени!

Мне захотелось заорать на нее. Нашему спецкурсу как-то с самого начала не повезло с куратором, никаких доверительных отношений! Уж лучше бы нашим куратором стал Норман... Впрочем, сейчас это было неважно.

И стало еще менее важным, когда я услышала, как за моей спиной распахнулись двери. Пронзительный крик заставил сердце пропустить удар. Я едва успела обернуться, потянуться к мечу и обнаружить, что ножны пусты. Несущийся на меня низший уже прыгнул, я инстинктивно подалась назад, едва не сев на стол ректора и куратора.

Широкая спина Дилана Мора закрыла мне обзор. Он каким-то невероятным образом успел вытащить меч из моих ножен, встать на пути низшего и мощным ударом проткнуть его. Одно слово — легионер.

Если до сих пор в зале слышались шепотки моих сокурсников, которые пытались понять, что происходит, то теперь стало очень-очень тихо. Меня еще трясло от пережитого ужаса. Мор вытаскивал меч из мертвого тела, а Карр, кажется, тихо ругалась: амулет-переводчик не стал переводить ее слова.

Створки дверей снова шевельнулись, на этот раз впуская моего отца. В одну секунду он нашел меня взглядом, а потом закрыл двери и запечатал их заклятием. Тут же со своих мест поднялись Дангл и Грокс и принялись закрывать и запечатывать другие двери, дверцы и окна. Меньше минуты спустя зал оказался полностью изолирован от внешнего мира. Теперь никто не смог бы сюда войти. Как никто не смог бы отсюда выйти.

Мор заклинанием очистил лезвие и протянул мне меч.

— Спасибо, — с трудом выдавила я, смущенно отходя от стола, на котором свалила несколько бокалов и опрокинула этажерку с канапе.

— Да не за что, — отмахнулся он, разглядывая меня со смесью любопытства и недоверия. — Лучше еще раз объясните, что происходит.

Я оглянулась по сторонам, замечая, что все присутствующие смотрят на меня, только иногда косясь на мертвого низшего. Сокурсники подошли ближе, Хильда прорвалась к самому столику, взволнованно рассматривая темные пятна на моей блузке.

— Таня?.. — выдохнула она, но так и не смогла сформулировать вопрос.

Я постаралась быть максимально лаконичной и точной:

— Это теракт монархистов. Они выпустили из подземелья низших, чтобы те сожрали нас всех. Акция устрашения. Им помогал Марек Кролл, как ни странно. Он вывел из строз

порталы, поэтому мы заперты здесь.

— Много их там? — деловым тоном уточнил Мор.

— Сложно сказать... — я пожала плечами, а папа перебил, подходя ближе и красноречиво вытирая темные пятна с лица:

— Чертовски много.

— Мы не знаем точно, сколько вырвалось, но в подземельях их были сотни, — добавила я.

— Таня, где Ян? — повторил свой вопрос ректор. Теперь его голос звучал гораздо более взволнованно.

— Арестован.

— Арестован? — переспросил Грокс пораженно. — Но за что?

— За то, что спас меня, — я не удержалась от выразительного взгляда в сторону Мора, но тот только удивленно вздернул брови. Кажется, он все-таки не в тусовке Ротта.

Ректор шумно вздохнул и досадливо покачал головой.

— Я так и знал, что этим рано или поздно кончится.

— И что же теперь делать? — немного растерянно спросила Карр.

— Если порталы отключены, то остается только один способ покинуть Орту, — мрачно заметил Мор, сложив руки не рукояти трости. — Пешком. Вот только далеко ли мы уйдем, если за нами потянется пара сотен голодных низших?

— Сможем ли мы вообще через них прорваться к выходу? — с сомнением заметил Дангл. — Далеко не все из нас легионеры и специалисты по боевой магии.

— Тем более, что биться с ними светлой магией бессмысленно, — напомнил Грокс.

— Вот бы среди нас было больше темных, — не удержалась я от едкого замечания. — Да, профессор Мор?

Тот хмуро покосился на меня, но не ответил, а я вспомнила то занятие по ТРЗ, на котором Норман впустил в меня темный поток. Я повернулась к Хильде и спросила:

— А кому-нибудь из вас удалось открыть темный портал? Норман ведь нас учил.

— Я открывал, — на мгновение обрадовал меня Грег, но тут же разочаровал: — Только вот Норман так и не показал нам, как призывать темный поток. Он всегда делал это сам.

— Трудно винить его за этого после того, что учудила Анна, — вставила Хильда.

Я кивнула и обвела вопросительным взглядом других преподавателей, однако за всех ответил ректор:

— Никто из нас никогда не связывался с темной магией. Даже если бы и пробовал... Создать стабильный темный портал, через который может пройти пол сотни человек, — это задача для настоящего темного.

— Нужно как-то позвать на помощь Легион, — предложила Хильда и посмотрела на Мора с надеждой. — У вас нет какого-нибудь способа связаться с ними? У легионеров же должна быть какая-то своя система связи.

— Она есть, — кивнул Мор. — Только я же не при исполнении, а потому сдал все служебные артефакты.

— У нас есть экспресс-портал, — вспомнила я. — Он остался в комнате, но я смогу его достать. Он как раз настроен на Легион, только есть одна проблема. Вы можете мне не поверить, профессор Мор, но ваш начальник, Геллерт Ротт, и есть главный монархист, а эта ловушка — его рук дело. Поэтому если вы знаете кого-то другого, к кому можно обратиться за помощью...

— Таня, он не сможет воспользоваться этим порталом, — перебил меня папа. — Это двусторонний экспресс-портал. Обрато он может доставить только того, кого перенес изначально. То есть нас с тобой.

В зале снова повисла тишина.

— Тогда в Легион должны вернуться мы, — я посмотрела на папу и почти кожей ощутила возросшую враждебность ко мне со стороны тех, у кого не было шансов выбраться из смертельной ловушки.

— Чтобы позвать на помощь? — папа с сомнением нахмурился. — Как мы узнаем, кому можно доверять?

— Во всем Легионе сейчас есть только один человек, которому мы можем доверять, — я нервно усмехнулась. — Ян Норман. Раз у нас не получилось с планом «А», пора перейти к плану «Б».

— А у нас есть план «Б»? — удивился папа.

— На самом деле, его ты придумал первым: вернуться в Легион и отбить Нормана у легионеров.

Папа посмотрел на меня как на сумасшедшую. Ректор и преподаватели, которые попадали в поле моего зрения, тоже с сомнением хмурились, а Мор и вовсе презрительно фыркнул:

— Удачи вам в этом...

Мне план тоже казался не самым гениальным, но нам нужно было сделать не так много: просто добраться до Нормана и снять с него браслеты. С остальным он справится и сам. И только он мог открыть темный портал обратно в Орту, а потом из нее. Только он мог что-то с делать с сотнями низших, которые сейчас уже стекались к бальному залу, а скоро начнут его штурмовать. Единственный известный нам темный маг с достаточно сильным светлым потоком. Он мог все, я в этом не сомневалась.

Разбираться с последствиями будем позже.

— Послушайте, если у кого-то есть идеи получше, пожалуйста, я готова их выслушать!

Я обвела вопросительным взглядом всех присутствующих, но мои сокурсники молчали как рыбы, а преподаватели только бессильно переглядывались. Резюмировал обсуждение мой отец:

— За неимением других предложений, принимаем это как план «Б».

И он сам ловко достал сквозь пространство сферу портала, оставшуюся в моей комнате, задумчиво покрутил ее в руках, а потом покачал головой.

— Нет, Тань, не получится. Ротт ведь только этого и ждет. Там, куда приведет нас этот портал, нас будут ждать. Я бы на его месте вообще настроил его на одну из камер предварительного заключения, чтобы наверняка. Из одной ловушки мы угодим в другую.

Я обиженно топнула ногой, чертыхнувшись. Да, рассчитывать на то, что Ротт в своих планах не учел этот момент, не приходилось. Он создал идеальную ловушку, из которой нам было не выбраться.

Из-за двери послышался приглушенный удар, а папа болезненно поморщился. Кажется, низшие добрались до зала и начали его штурмовать. Интересно, как долго продержатся заклятия? Наверное, этот вопрос очень живо отразился на моем лице, потому что папа пояснил:

— Здесь контакт не прямой, как при атаке низших заклятиями, но магический поток расходуется заметно. Так что времени мало.

— И что же нам делать? — без особой надежды спросила я.

— Дайте мне сюда портал, — тихо попросил Мор.

На его лице отражалась внутренняя борьба, которая не была закончена даже тогда, когда он озвучил свою просьбу, но папа все же протянул ему сферу.

— Что вы хотите сделать? — поинтересовался он.

— Изменю место назначения. Я сдал артефакты, но я не уволен из Легиона. Никто не проводил ритуал снятия с меня полномочий легионера.

— Что еще за полномочия? — не поняла я.

— Специальная метка на магическом потоке, — пояснил папа задумчиво. — Ставится при приеме на службу и позволяет совершать определенные действия с артефактами Легиона...

— Например, настраивать экспресс-порталы, — кивнул Мор. — Куда вас отправить?

Мы с папой переглянулись, и он уверенно попросил:

— В кабинет старшего легионера столицы.

Мор выглядел не очень довольным этой просьбой, но все же что-то сделал с порталом. Или сделал вид, что что-то сделал. Я не могла отделаться от мысли, что он мог играть на стороне Ротта.

И все же когда он протянул нам портал обратно, мы взялись за половинки сферы. А какой у нас был выбор? Краем глаза я увидела, как ректор Ред достал одну из своих самокруток и, откинувшись на спинку кресла, запалил ее.

А потом мы снова активировали портал.

Какие бы сомнения ни терзали меня по поводу Мора, мы с папой действительно оказались в кабинете Ротта. Папа, видимо, тоже не до конца доверял легионеру или ожидал другой опасности. Мы еще не успели толком закончить перемещение, а он уже выпустил из рук сферу портала и принял боевую позу, сразу выставляя перед нами щит. Однако это оказалось ни к чему: кабинет был пуст.

— Повезло, — выдохнула я.

— Дважды повезло, — убирая щит, пробормотал папа. — И твой преподаватель нас не подставил, и Ротт куда-то ушел. Ты запри дверь. Вас же учили этому?

Я только кивнула, удивившись тому, что он полез в стол Ротта вместо того, чтобы отправиться искать Нормана. Однако сначала я наложила запирающее заклятие на дверь, как он просил, только потом тоже подошла к столу.

— Что ты ищешь?

— Журнал распоряжений, — коротко пояснил папа, а потом издал победное восклицание, доставая из нижнего ящика внушительный фолиант. Золотое тиснение на обложке гласило, что это и есть тот самый журнал, который он искал.

— Старший легионер записывает в нем распоряжения: кого из задержанных в какой камере держать, кого отвести на допрос, кого доставить в зал суда. Каждое распоряжение в ту же секунду поступает ответственным за соответствующие действия легионерам.

— Что-то вроде электронного документооборота?

Папа на мгновение задумался, а потом продолжил искать среди последних заполненных страниц то, что нас интересовало, попутно бросив:

— Можно и так сказать. Ага, вот! — воскликнул он уже в следующее мгновение. — Распоряжение поместить Яна Нормана в одиночную камеру особого режима... Похоже, Ротт не доверяет даже надетым на него браслетам.

— Там очень плохо? — зачем-то спросила я, и мой голос прозвучал испуганно и несчастно.

— Таня, успокойся, — немного раздраженно потребовал папа, — это Легион, а не застенки гестапо. Там обычные камеры. Одиночная в нашем случае — это даже хорошо. В ней долго сидеть тяжело, а так твой Норман целее будет. Просто пробраться туда невозможно: слишком много охраны. И выбраться, соответственно, тоже. Так, еще тут написано, что на завтра назначено чрезвычайное разбирательство по его поводу. Надо же, смело...

— Что это значит? — я посмотрела на папу, который сидел в кресле старшего легионера столицы так уверенно, как будто все еще чувствовал это место своим.

— Это значит, что Ротт торопится. Еще ничего не произошло, а он уже назначил чрезвычайное разбирательство. Это ускоренное рассмотрение дела, при котором обвиняемый почти лишен возможности защищаться. Используется в ситуациях, угрожающих общей безопасности.

— Вроде терактов?

— Именно.

Я почувствовала холодок, пробравшийся внутрь и обернувшийся вокруг сердца. Посмотрела на папу с надеждой: он должен что-то придумать!

— Пап, теп ерь-то что будем делать?

Он сосредоточенно побарабанил пальцами по столу, хмуро глядя на журнал, а потом медленно, как будто неуверенно, потянулся к перьевой ручке, которая лежала тут же, на столе.

— Чем черт не шутит, вдруг получится, — пробормотал он, занося руку над чистой страницей.

— Что ты собираешься делать? — я во все глаза следила за его движениями. Но ведь не может же все быть так просто...

— Напишу распоряжение привести твоего Нормана сюда. Отсюда выбираться будет все-таки проще.

Но он медлил, как будто не решался внести запись. Видимо, его тоже что-то смущало.

— А что, каждый может тут писать? — удивилась я. — И оно сработает?

— Нет, не каждый, — он покачал головой и напряженно посмотрел на меня. — Только старший легионер столицы. Но этот твой преподаватель, Мор, заставил меня задуматься над одним обстоятельством.

— Каким?

— Формально с меня тоже никто не снимал полномочия, — он слабо улыбнулся. — Ведь я инсценировал свою смерть. Смерть автоматически прекращает полномочия, значит, никому не пришло бы в голову проводить ритуал, обратный назначению на должность. Я надеюсь. В этом случае формально, с точки зрения магии этого журнала, я все еще старший легионер столицы. Он может принять мое распоряжение.

— А если нет? — затаив дыхание, поинтересовалась я.

— Понятия не имею, — папа нервно усмехнулся. — Но, наверное, лучше мне снять иллюзию, чтобы лишняя магия не вмешивалась. Так что не пугайся сильно, ладно?

Я все же отпрянула назад, когда по его лицу прошла уже знакомая мне рябь. А потом открыла рот от удивления, на мгновение забыв, где я и зачем сюда пришла. Настоящее лицо папы было... старым. То есть не таким уж, конечно, и старым, но он вдруг оказался гораздо старше, чем я думала. До сих пор я считала, что моему папе сорок пять лет и он совсем ненамного старше Нормана. Однако теперь передо мной сидел мужчина под шестьдесят.

Папа снова улыбнулся, но уже иначе. Немного грустно.

— Дорогая, ты же не думала, что я мог стать старшим легионером столицы в двадцать два года? Мне было тридцать шесть, когда я получил эту должность. И исполнилось тридцать семь незадолго до того, как ты родилась.

Я не знала, что сказать. Конечно, это было логично, но почему, черт побери, мне ни разу не пришло это в голову раньше?

— А мама? — только и смогла спросить я.

— Нет, мама не меняла возраст, только внешность. Я сделал себя ближе к ней по возрасту, потому что ровесники привлекают меньше внимания.

Я кивнула, а потом совершенно не к месту и не ко времени уточнила:

— То есть возраст Яна — не проблема, я правильно понимаю?

Папа поджал губы и сдержанно проронил:

— Скажем так, его возраст стоит последним в списке проблем.

Я не стала уточнять, что идет в списке перед этим. И насколько он длинный. Тем более папа уже склонился над журналом и принялся аккуратно выводить в нем текст распоряжения, а мне пришлось затаить дыхание.

Всего минуту спустя он поставил последнюю точку и снова на мгновение задумался. Остальные распоряжения были подписаны Роттом, но папа все же поставил свою подпись. Еще через секунду буквы вспыхнули переливчатым сиянием и тут же погасли.

— Что это значит?

— Что я все еще старший легионер столицы, — папа улыбнулся и посмотрел на меня. — Сейчас его приведут сюда. У нас есть немного времени, чтобы подготовиться.

Мы встали по обе стороны от двери. Папа наложил на нас какое-то маскировочное заклятие и заверил, что до первой атаки конвой нас не заметит. Оставалось надеяться, что их будет не слишком много.

Конвоиров оказалось четверо. Двое вошли первыми, Норман — за ними, еще двое вошли следом. Все пятеро заметно растерялись, увидев абсолютно пустой кабинет.

— Сейчас, — тихо велел мне папа.

Мы синхронно выпустили заклятия в двух ближних легионеров. Папа успел атаковать еще одного до того, как они сообразили, что происходит. А вот я оказалась не так проворна и потому получила ответный удар. К счастью, щит я тоже умела выставлять в одну секунду, а Норман молниеносно избавил меня от второго оппонента, ударив его локтем в нос. Как он и говорил, иногда и магам нужна грубая физическая сила.

На этот раз папа сам занялся запиранием двери, а заодно наложил на легионеров парализующее заклятие, потому что я не смогла сдержаться: шагнула к Норману и повисла у него на шее, крепко обнимая. Он ответил таким же крепким объятием и удивленным:

— Как ты здесь оказалась?

— Мы пришли тебя спасать, — смущенно улыбнувшись, объяснила я и чуть отстранилась, чтобы взглянуть на него.

На первый взгляд никаких других повреждений, кроме синяка и царапины на скуле от удара Ротта, не было. Я провела по ним рукой, залечивая и невольно вспоминая, как пол год а назад в подземелье Норман лечил меня.

— Еще где-нибудь болит? — тихо спросила я. — Они тебя... они тебе что-нибудь сделали?

Норман смотрел на меня совершенно незнакомым взглядом, в котором причудливо смешались удивление, восхищение, недоверие и что-то еще, чему я так и не нашла определение. Он медленно покачал головой.

— Со мной все в порядке... Ты пришла меня спасать? — переспросил он, как будто не был уверен, что услышал правильно.

Я смутилась еще больше и кивнула, а он, как будто не замечая того, что мы не одни, снова привлек меня ближе и поцеловал. Невзирая на то, что рядом стоял мой родной отец, я ответила на этот поцелуй с необычной страстью. Наверное, сказывался весь пережитый за сегодня стресс.

Папа деликатно кашлянул, прерывая эту сцену.

— Таня, сосредоточься, — позвал он, но в голосе его не было недовольства, которое я ожидала услышать. — Орта, низшие, да и мы пока в самом сердце Легиона.

Я, должно быть, стала пунцовой и нехотя отстранилась от Нормана. Тот в отличие от меня даже бровью не повел, но из объятий выпустил. А потом еще раз взглянул на папу, и только тогда на его лице появилось удивление.

— Господин Вонен... Не узнал вас сразу.

На мгновение их взгляды встретились, а я нервно закусила нижнюю губу, наблюдая за

этим моментом. Двое самых важных мужчин в моей жизни. Я бы так хотела, чтобы они поладили. Потому что выбирать между ними было бы нечестно. И невозможно.

Папа внезапно улыбнулся и слегка поклонился Норману.

— Приветствую, ваше бывшее величество.

Норман нахмурился, а потом вопросительно посмотрел на меня.

— Ротт все равно уже знает, кто ты. Пришлось рассказать и папе.

— Ротт знает, кто я? — удивился Норман. — Разве он все это затеял не для того, чтобы снять с меня иллюзию?

— Нет, — я вздохнула и выпалила на одном дыхании: — Он потомок Гордона Геллерта и глава монархистов. Он давно понял, кто мы, поэтому на какое-то время оставил в покое. А теперь его человек выпустил из подземелий Орты низших и заблокировал порталы, поэтому весь спецкурс и преподаватели сейчас заблокированы в бальном зале. Ротт рассчитывает на чрезвычайную ситуацию после этой трагедии, чтобы получить дополнительные полномочия. После этого он убьет канцлера и станет временным правителем, а тебя выдаст за главного монархиста и публично казнит. Таким образом он надеется стать пожизненным канцлером или сразу королем. И судя по всему, он собирается все это проверить за пару дней, чтобы никто не успел опомниться. Поэтому мы спасаем тебя таким дурацким способом, потому что нет времени на нормальный. И ты очень... очень нужен тем, кто остался в Орте. Кстати, я убил низшего, как ты меня учил.

По мере того, как я говорила, удивление на лице Нормана сменялось гневом, потом тревогой, а в итоге превратилось в сожаление. Он вдруг коснулся рукой моей щеки и покачал головой.

— Демон меня заberi, Таня, это же день твоего выпускного бала. Он должен был быть совсем другим.

— В жизни есть трагедии и пострашнее, — отмахнулась я. — С балами у меня как-то сразу не заладилось.

— А если порталы Орты заблокированы, то как вы оказались здесь?

— Ротт дал нам экспресс-портал, — пояснил папа, который терпеливо наблюдал за нашим разговором. — Думал, Таня испугается низших и согласится стать его королевой.

— Его... что? — судя по реакции, во всем дьявольском плане Ротта больше всего Нормана взбесил именно этот пункт.

— Он хочет повторить историю, — я неловко пожала плечами. — Вашу с Роной и Гордоном историю.

Глаза Нормана сузились, и в них мелькнула еще пока незнакомая мне злость. Даже мне стало не по себе от этого выражения. Норман перевел взгляд на моего отца и голосом, ставшим вдруг холодным, как лед, поинтересовался:

— Какой у вас план? У вас ведь есть план, правда?

— Прорываемся к выходу из Легиона, а потом вы открываете темный портал в Орту.

— А темный портал нельзя открыть отсюда? — удивилась я. Я-то думала, мы в шаге от спасения.

— Нет, здесь действуют специальные чары, — пояснил папа. — Легион закрыт для порталов. Исключения составляют экспресс-порталы, выданные легионерами.

— Пока на мне эти браслеты, — Норман поднял руки и подтянул рукава сюртука, чтобы было лучше видно, — я бессилен. А снять их могут тоже только легионеры.

Папа подошел к нему и без труда освободил от сдерживающих магический поток

артефактов.

— Как мы только что выяснили, я все еще считаюсь легионером, — с улыбкой пояснил он, а потом склонил голову набок и неожиданно заметил: — Знаете, нам как-то надо уже познакомиться поближе, что ли? Посидеть, пообщаться. В семейном, так сказать, кругу. Может, вы как-нибудь придете к нам на обед? Вместе с Таней, конечно.

Надо отдать должное Норману: он сумел сохранить свою фирменную невозмутимость. Даже злость на Ротта куда-то делась, и он вежливо улыбнулся. Лишь скрестил руки на груди, этим выдавая, что чувствует себя немного неловко.

— Да, конечно. Как только предотвратим государственный переворот. Если, конечно, нас всех за это не посадят.

— Чудно, тогда в следующие выходные ждем вас у себя.

От их абсурдного разговора посреди кабинета нашего общего врага, который задумал нас всех убить, у меня кружилась голова, но, наверное, нам всем нужен был этот момент. Прежде чем выйти навстречу новой битве.

Этаж, на котором находился кабинет старшего легионера столицы, мы миновали почти без приключений. Два легионера на посту охраны, которые находились практически у каждой лестницы, даже не заметили нашего приближения и были мгновенно оглушены папой и Норманом. Мне оставалось только задуматься, на какой срок тянет в этом мире нападение на представителей власти при исполнении... Кажется, после этой истории мы все-таки все вместе сядем, но, скорее всего, в разные тюрьмы.

Думать об этом сейчас было не резон: в Орте нашей помощи ждали полсотни человек и их жизни были куда важнее. А нам предстояло еще преодолеть восемь лестничных пролетов и как-то прорваться через главный холл, чтобы оказаться на улице.

На уровне второго этажа папа внезапно потянул нас в коридор, коротко пояснив на наши вопросительные взгляды:

— Здесь находится Большой зал суда, для особо важных процессов. У него есть свой выход на улицу. Его могут открыть только старшие офицеры, но у меня должно получиться. Это лучше, чем ломиться через главный вход.

Мы с Норманом переглянулись, молча соглашаясь. Я уже почти поверила, что наша дерзкая затея удастся без лишнего кровопролития. Но когда мы пересекли почти половину Большого зала, лавируя между десятками странно расставленных столов для зрителей и участников процесса, дверь, к которой мы стремились, внезапно обернулась каменной стеной.

Мои спутники заметили это первыми и резко затормозили. Я не успела среагировать и уткнулась в Нормана.

— Не успели... — обреченно выдохнул папа.

— Хороший был план, жаль, не удался, — пробормотал Норман.

— Надо же, какая наглость! — раздался за нашими спинами голос Геллерта Ротта.

Я даже не поняла, как внезапно снова оказалась за спинами мужчин, хотя мы повернулись на сто восемьдесят градусов. Кажется, эти двое уже начали действовать синхронно, защищая меня.

Вот только их было всего двое, а легионеров, догнавших нас вместе с Роттом, в десять раз больше. Они уже растекались вдоль стен, пытаясь взять нас в кольцо, но пока оно еще не замкнулось.

— Глупо, очень глупо, Таня, — Ротт покачал головой. — Ты ведь могла стать моей королевой.

— Да я лучше руку себе откушу, — процедила я больше от страха, чем из желания его уязвить.

Наше положение выглядело незавидно. Я понимала это по тому, как тревожно переглядывались папа и Норман, одновременно следя за передвижениями легионеров.

— Что ж, это твой выбор, ты имеешь на него право, — великодушно «разрешил» Ротт, а потом посмотрел на Нормана. — Мне кажется, мы уже были в аналогичной ситуации несколько часов назад. Не вижу причин, по которым сейчас все должно развиваться иначе.

— А я вижу, — по губам Нормана скользнула совершенно незнакомая мне улыбка. Холодная, пугающая. Даже немного... кровожадная. Он покосился на папу и тихо велел: — Господин Вонен, прикройте дочь своим щитом.

Без лишних вопросов и возражений папа обхватил меня за плечи, крепко прижал к себе и потянул вниз, заставляя присесть. Его щит накрыл нас куполом. На боевой магии нам про такое рассказывали, но не учили, поскольку это не входило в программу спецкурса из-за своей сложности и энергоемкости.

Вокруг поднялся невообразимый шум: ножки столов скрежетали по полу, мебель с глухим ударом опрокидывалась, воздух трещал от электрических разрядов, вскрикивали люди. Я чувствовала потоки энергии, прорезающие пространство, и как бы мне ни хотелось убедиться в том, что Норману не нужна наша помощь, я просто не находила в себе сил вырваться из крепкой хватки отца и посмотреть. Я боялась помешать: мне казалось, папа и Норман поняли друг друга, а вот я не до конца осознавала, что происходит. Или просто не хотела осознавать, памятуя о том, что такое темный поток и каково это — пропускать его через себя.

В один момент нас неожиданно смело. Видимо, полетевшим в сторону столом. Купол защитил нас самих от удара, но по звуку, вырвавшемуся у папы — похожему одновременно и на рык, и на стон — я поняла, что ему было больно. Слишком сильный удар по щитам всегда чувствовался, только отдавался не внешней болью, а внутренней — она исходила от магического потока.

Мы отлетели к стене, но я поняла это только еще через несколько секунд, когда вокруг все внезапно стихло и папа ослабил хватку. Теперь я смогла оторваться от его плеча и посмотреть по сторонам.

Зал суда оказался разгромлен. Вся мебель — разметена и разломана. Даже по стенам, полу и потолку шли заметные трещины. Все два десятка легионеров лежали без движения. Я не знала, мертвы они или только оглушены. Один только Ротт оставался на ногах, хоть и выглядел немного потрепано.

У Нормана сбилось дыхание, немного растрепались волосы, черты лица странно заострились, а глаза как будто... помертвели. Я надеялась, что это временный эффект, просто побочное действие темного потока. Отпустит. Я сделаю все, чтобы отпустило.

Они стояли друг против друга посреди теперь уже пустого зала. Древний король и потомок, желавший вернуть своему роду былую славу. Воздух между ними искрился от напряжения. Ротт недобро ухмылялся, хоть его положение и выглядело плачевно. Норман был спокоен. Как всегда.

— Темная магия, — протянул Ротт. — Не зря предок забросил тебя в другое время.

— Не повезло тебе, что время оказалось твоим, — Норман поднял руку, словно готовясь сотворить еще одно проклятие и избавиться от последнего противника.

— Убьешь меня? — Ротт покачал головой. — Достойно ли это короля? Хотя, постой, ты же так поступал всегда. Устранял на неравных дуэлях всех, кто тебе был неуютен.

Норман замешкался, я видела, что слова легионера достигли цели. Однако пауза была недолгой.

— Ни тебя, ни Нота не останавливала беззащитность Тани. Почему я должен поступать иначе в отношении тебя?

Темный искрящийся шар сорвался с его руки. Смертельное проклятие, пробивающее любой светлый щит. Норман действительно собирался его убить.

Не вышло. Шар разбился о темную стену, выросшую у него на пути. Ухмылка Ротта стала шире, а Норман пораженно отступил на шаг назад.

— Ты связался с демоном? Ты? Наследник Гордона Геллерта? Старший легионер

столицы?

— Сюрприз, — Ротт пожал плечами. — Я извлек урок из ошибок тех, кто пытался вернуть наш престол раньше. Скрывать свою сущность не так уж сложно, когда ты являешься тем самым человеком в Республике, который контролирует использование темной магии. А главное: не нужно никого просить, когда перебрасываешь низших в подземелье Орты темным порталом. Посмотрим, чей демон окажется сильнее!

— Посмотрим...

Они схлестнулись на этот раз уже в равной магической дуэли. Метали проклятия, закрывались щитами, обрушивали друг на друга всю мощь демонического измерения, заставляя здание Легиона дрожать и шататься. Как все вокруг не разлетелось на куски, не представляю. Мне казалось, весь мир должен вот-вот рухнуть. Я не знала, сколько это может продолжаться, но ведь должен был где-то быть предел и у темных магов?

Оказалось, что он действительно есть, и Ротт достиг его раньше: после очередного удара Нормана он повалился на пол, но подняться уже не смог. Он обессилел, ведь темный поток все равно черпался за счет светлого. Пусть темные маги были в сотни раз сильнее светлых, но в схватке друг с другом у них все равно решало вопрос то, чей светлый поток окажется сильнее.

Ротт нервно рассмеялся, когда Норман медленно приблизился к нему, тяжело дыша и машинально оправляя преподавательскую форму.

— Демон тебя задери, Сорроу, почему ты не можешь просто сдохнуть?

— Почему? — Норман удивленно приподнял брови. Чуть наклонившись и понизив голос, он как будто по секрету сказал: — Потому что ты только возомнил себя истинным королем. А я на самом деле король.

Он снова поднял руку, собираясь бросить в Ротта последнее заклятие, но тот внезапно воскликнул, как-то совсем по-детски закрывшись рукой:

— Пощади!

В этом возгласе было столько страха, мольбы и отчаяния, что Норман замер, так и не сотворив заклятие. Он смотрел на Ротта со смесью удивления и презрения. Наверное, сам он бы ни за что не попросил пощады, но и хладнокровно прикончить человека, к ней взывающего, не мог.

— Я оставлю тебя в покое, — принялся обещать Ротт, почувствовав, что ему удалось зацепить противника своей просьбой. — Тебя и Рону, ее семью. Я немедленно отправлю людей в Орту, чтобы они остановили низших. Я все сделаю. Только, пожалуйста, не убивай меня.

Рука Нормана сама собой опустилась вниз, я видела борьбу, отразившуюся на его лице. Мое собственное сердце заходило в груди, захлебываясь пульсирующей кровью. Я давно забыла, как дышать и уже не понимала, чего хочу: чтобы Норман пощадил Ротта или чтобы он его прикончил.

Норман тяжело сглотнул и сделал несколько шагов назад, почему-то качая головой.

— Знаешь, Ротт, Ян Норман сейчас пощадил бы тебя. Он простил бы тебе все обиды и оскорбления, нанесенные ему. Ян Норман старается быть хорошим человеком... Но Норд Сорроу никогда не прощал своих врагов, — он еще не закончил произносить эту фразу, а его внешность уже изменилась. Перед нами предстал древний король, словно сошедший с собственного портрета. — Особенно тех, кто угрожал дорогим ему людям. Мне поздно постигать эту науку.

Знакомым движением он извлек из воздуха меч и вытащил его из ножен.

— Но я дам тебе еще один шанс оказаться сильнее меня. И это самое большое милосердие, на которое ты можешь рассчитывать.

Ротт медленно поднялся на ноги. Его лицо снова стало злым, заставляя меня поверить, что собственные обещания он забыл бы в одно мгновение. Он тоже достал сквозь пространство меч.

Они снова сошлись в поединке. Бывший король и наследник. Оба прекрасные фехтовальщики. Металл звенел о металл, яростные удары высекали искры. Ротт был моложе, но устал сильнее, а на стороне Нормана сражались опыт и ярость, которую я замечала в его глазах каждый раз, когда он оказывался ко мне лицом. Можно было подумать, что мысленно он сейчас снова на той дуэли пять веков назад, которая прервала его прежнюю жизнь. Превратила из Норда Сорроу в Яна Нормана.

Схватка не продлилась долго. Ротту удалось полоснуть Нормана по руке. Ткань форменного сюртука мгновенно пропиталась кровью, но это лишь распалило бывшего короля еще больше. Его удары стали сильнее и всего через три-четыре выпада он пронзил грудь противника насквозь. Прямо в области сердца.

Ротт захлебнулся хрипом, его рука опустилась, а глаза расширились от удивления. И тут же закатились, колени подогнулись.

Норман вынул меч из уже мертвого тела, позволяя тому упасть.

В Большом зале суда снова стало очень тихо. Стук сердца, звучавший у меня в ушах, остался единственным звуком. Пока в этой тишине Норд Сорроу не произнес:

— Теперь мы в расчете и с тобой, Гордон Геллерт...

Не знаю, сколько времени прошло до того момента, как я заставила себя подняться. Мне хотелось верить, что всего пара секунд. Я осторожно приблизилась к Норману, который все еще оставался в образе Норда Сорроу.

— Ян, — осторожно позвала я, почему-то опасаясь подходить близко.

Он вздрогнул и повернулся ко мне. Как и прежде, совершенно чужое лицо казалось мне таким знакомым. И сейчас оно выглядело таким уставшим. На лбу и висках блестели капельки пота, а темные глаза пугали пустотой. Буквально через пару мгновений по лицу Сорроу прошла рябь — и вот уже перед нами снова стоял мой преподаватель из Орты. Правда, выглядел он не менее уставшим и опустошенным. Рукавом сюртука он вытер лицо, едва заметно поморщившись от боли в раненной руке, и хрипло заметил, кивнув на дверь, которая появилась снова, едва Геллерт Ротт умер:

— Кажется, здесь мы закончили. Можем возвращаться в Орту.

— Вы идите, а я останусь здесь, — неожиданно заявил папа, тоже подходя к нам. В ответ на мой вопросительный взгляд он пояснил: — Танюш, тут сейчас такое начнется... Ты сама подумай: старший легионер столицы убит сбежавшим темным магом. Нужно найти, чем оправдываться. В настоящий момент я единственный уполномоченный старший легионер столицы и имею доступ ко всем документам и всем следящим чарам. Я постараюсь использовать это. Использование Роттом темной магии должны были зафиксировать, нужно это запротоколировать. И он должен был выписывать самому себе тайные разрешения на темные заклятия, чтобы их не заметили. Надо найти эти разрешения. Времени мало и действовать надо быстро.

Мне не нравилась эта идея. Совсем не нравилась. Ни капельки. Оставлять папу здесь одного... Мне казалось, что это как бросить его в стане врага. Однако он выглядел довольно уверенно.

— Не бойся за меня, — он улыбнулся. — В конце концов, тут до сих пор остались мои прежние друзья. И если я оперативно доберусь до них и изложу им свою версию событий... Они помогут мне. А я постараюсь прислать в Орту помощь, как только будет возможность.

— Не лучше ли тогда Тане остаться с вами? — предложил Норман. — Здесь все-таки безопаснее, чем сейчас в Орте.

Этот вариант нравился мне еще меньше, и я инстинктивно вцепилась в его руку, словно боялась, что он действительно уйдет без меня. Папа заметил это движение и грустно улыбнулся.

— В жизни каждого отца наступает момент, когда приходится отдать свою девочку другому мужчине. Теперь моя дочь — ваша забота, лорд Сорроу. Берегите ее. У вас это лучше получается, чем у меня.

Норман кивнул. Так торжественно и серьезно, что у меня ком встал поперек горла. Я не могла отделаться от мысли, что папа прощается с нами. Но могла ли я ему указывать? Конечно, нет. Поэтому только крепко обняла, чмокнула в щеку и пообещала, что мы скоро увидимся.

После этого он выпустил нас на улицу, где Норман открыл темный портал, как только мы оказались за пределами действия ограничивающих чар.

В бальном зале напряжение витало в воздухе. Я почувствовала его, стоило мне шагнуть

из портала. Наше с Норманом появление привело в движение все вокруг.

— Ян, Таня, наконец-то! — воскликнул ректор, поднимаясь со стула нам навстречу.

Могло показаться, что он так и просидел на этом стуле все то время, что я отсутствовала, смоя свои самокрутки. Но я заметила чрезвычайную бледность и тени, залегшие под глазами, которые говорили о серьезном истощении магического потока. Остальные преподаватели выглядели не лучше, а главное — большинство студентов спецкурса тоже. Похоже, мы едва успели: еще чуть-чуть — и сил поддерживать запирающие заклятия ни у кого не осталось бы.

Норман наверняка тоже все это заметил, бросил быстрый взгляд на окна, которые до сих пор не были разбиты только благодаря заклятиям. За их стеклами виднелись морды низших, пытавшихся прорваться внутрь. Грохот и скрежет доносился и со стороны дверей. Не теряя времени даром, он первым делом направил темный поток на то, чтобы заменить заклятия на дверях и окнах. Я некстати задумалась о том, надолго ли еще его хватит. Ведь его силы тоже были не безграничны.

Укрепив защиту, Норман открыл новый темный портал.

— Уходите, — велел он, кивнув на него головой. — Ректор Ред, я открыл портал к вашему дому, дальше уже сами разберетесь.

— Почему не сразу к Легиону? — недовольно поинтересовался Мор, наблюдая, как остальные преподаватели направляют выпускников в портал, требуя соблюдать очередность и дистанцию и не замирать у выхода.

— В Легионе сейчас... беспокойно, — пояснила я.

Мне не нравилось выражение лица Нормана. И эта его фраза: «Дальше уже сами разберетесь». Значило ли это, что он не собирался присоединиться к остальным?

Ректора Реда взволновал тот же вопрос:

— Ян, что ты задумал?

— Я не оставлю им Орту, — спокойно ответил Норман, оглядываясь по сторонам, словно подбирая подходящее место.

Ректор схватил его за плечо и развернул к себе. Столь серьезное и гневное выражение на его лице мне еще не доводилось видеть. В портале тем временем исчезли все мои бывшие сокурсники. Теперь за ними следовали преподаватели. Мор тоже поковылял к порталу, глядя на него с опаской.

— Не сходи с ума, — процедил ректор, сверля Нормана взглядом. — Их может быть очень много. Начнешь — уже не сможешь остановиться. Если их сотни, потребуется очень много темной энергии. Тебе не хватит светлого потока, чтобы ее компенсировать. Я же вижу, что ты уже на пределе.

У меня и от слов ректора, и от его непривычного тона руки похолодели, а на Нормана они как будто не произвели впечатления. Он смотрел на Реда, упрямо сжав губы.

— Я не оставлю им Орту, — повторил он, делая ударение на каждом слове. — Я справлюсь. Пожалуйста, заберите Таню и уходите отсюда.

К тому моменту в бальном зале остались только мы трое: я, Норман и ректор. Мужчины сверлили друг друга взглядами, а я беспомощно смотрела то на одного, то на другого.

— Рогатый демон, Ян, тебя жизнь ничему не учит? Однажды твоя самоуверенность уже подвела тебя! Ты хочешь повторить ту же самую ошибку? И опять все потерять?

Уверенность Нормана на мгновение пошатнулась, он перевел взгляд на меня. Ректор решил закрепить результат, добавив:

— Себя не жалко, девочку пожалей, Ян. Хотя бы ее не подведи.

На лбу Нормана появилась болезненная складка, а я теперь смотрела только на него.

— Я не могу, понимаешь? — тихо произнес он, обращаясь ко мне. — В Легионе сейчас начнется бардак, сил очищать Орту от низших не будет. Не стали же они очищать подземелья. Оцепление низших не сдержит, эта зараза расползется по всему региону. Люди снова будут гибнуть, как раньше. Я не могу этого позволить и должен остановить это здесь и сейчас, пока это еще возможно. Ты ведь понимаешь?

Мне казалось, что понимаю. Пусть на нем давно не было короны, в глубине души он все равно оставался королем. И благополучие этого мира до сих пор воспринимал как личную ответственность.

— Конечно, — кивнула я, отчаянно соображая, что же делать. — Но позволь мне помочь...

— Чем помочь? — чуть ли не закричал ректор, теперь разозлившись и на меня тоже. — Вы оба спятили! Ян, ты понимаешь, что даже если выживешь после такого, ты приведешь демона в наш мир? Твоего потока сейчас не хватит, чтобы удержать его. Ничьего потока не хватит!

— А если я поделюсь своими? — спросила я, заставив их обоих посмотреть на меня с удивлением. — Я расколола гранитную плиту обычным ударным импульсом, когда задействовала оба! Такой светлой энергии хватит?

— Вы не можете так просто взять и влить свой поток в Яна, Таня, — раздраженно отрезал ректор.

— Вообще-то, может, — возразил Норман, неожиданно приободрившись. — Она уже так делала, когда Анна подсунула мне Проявляющего и демон рвался сюда. И мне это очень помогло.

— Так не бывает...

— Эйб, мы еще столько не знаем о собственной магии! Давай сейчас не будем об этом спорить? Она это уже делала, она сможет повторить.

— Только мне нужен усиливающий артефакт, — вспомнила я. — Тогда работают оба потока и даже вступают в резонанс.

Ректор покачал головой, еще пару секунд смотрел на нас обоих, а потом с обреченным видом снял с шеи один из амулетов и протянул мне.

— К демону вас, двоих мне не переспорить. Желаю удачи.

Он повернулся и очень быстро зашагал к порталу, а потом исчез в нем, после чего Норман закрыл его. Мы остались вдвоем посреди пустого бального зала. Мне вдруг стало очень страшно: я так уверенно говорила, что смогу поделиться с Яном своими потоками, но на самом деле делала это только один раз и случайно. Вдруг у меня не получится это повторить? Вдруг я подведу его?

— Ты готова? — спросил Норман, коснувшись моего плеча.

Я повернулась к нему, заглянула в глаза. В них все еще было заметно воздействие темного потока. Норману уже не хватало сил его в полной мере компенсировать. И тогда я поняла, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы его не подвести. Демону я его не отдам.

Дождавшись моего кивка, он повел меня к центру танцевальной площадки, где мы встали друг против друга, словно собираясь исполнить какой-то танец. Норман соединил руки и прикрыл глаза, но я прервала его подготовку, нервно спросив:

— Мне сразу делиться с тобой потоком или подождать?

— Нет, ты поймешь, когда будет пора, — заверил он.

Больше тратить время на разговоры он не стал. Снова закрыл глаза, концентрируясь. Когда он чуть развел ладони в стороны, между ними появилась полупрозрачная, переливающаяся тьмой сфера. Норман развел ладони больше — и сфера увеличилась в объеме. Еще одно движение — и он сам оказался внутри сферы. А потом раздвинул ее границы так, что она накрыла собой нас обоих. Поверхность сферы походила на тонированное стекло, по которому проползали электрические разряды. Выглядело это красиво, но пугающе.

Норман открыл глаза и одними губами прошептал:

— Входите.

В одно мгновение заклятия, опечатавающие зал, пропали. Первыми оказались разбиты окна, мерзкие чудовища полезли через них. Потом поддались и двери. Я смотрела только на Нормана, стараясь не пропустить тот момент, когда ему потребуется моя помощь. Отвлеклась я только однажды, когда заметила краем глаза, как один из низших добрался до сферы. У меня сердце ушло в пятки, но монстр мгновенно был поражен молнией, сорвавшейся с поверхности сферы, и испепелен.

Низшие лезли и лезли в зал, добирались до сферы и тут же сгорали дотла, пронзительно крича. Лицо Нормана кривилось, иногда хмурилось, выдавая его напряжение, а потом настал, как мне показалось, тот самый момент. Когда сквозь человеческие черты лица начали проступать демонические.

Я сжала в кулаке усиливающий артефакт, отданный ректором, и направила поток через него, надеясь, что, как и в прошлый раз, пройдут оба. Стараясь не думать ни о каких заклятиях, второй рукой я направила чистый поток Норману.

Демонические черты пропали, а это означало, что я все сделала правильно.

Когда несколько десятков низших оказались испепелены, остальные потеряли интерес к нам и бальному залу, обратившись в бегство. Однако Норман не убрал сферу. Теперь электрические разряды отрывались от ее поверхности, превращались в подобие шаровых молний и уносились прочь. Я не сразу поняла, что он делает, но потом догадалась: хочет уничтожить тех, кто сбежал и затаился по углам.

Я уже чувствовала себя выжатой, как лимон, а Норман все создавал и создавал искрящиеся шары. Если поначалу я направляла ему свой поток, то теперь он сам выкачивал его из меня. И я не знала, надолго ли меня хватит.

Не знаю, сколько времени прошло до тех пор, пока Норман не опустил руки и сфера не исчезла. Для меня — целая вечность. Только тогда я, наконец, смогла прервать передачу энергии.

Голова кружилась, ноги подкашивались и глаза почему-то закрывались. Я чувствовала себя так, словно не спала и не ела как минимум неделю. Норман тоже выглядел уставшим, но держался на ногах увереннее. Я хотела ему что-то сказать. Кажется, спросить, все ли в порядке, но мир внезапно опрокинулся.

Я успела услышать, как он тревожно выкрикнул мое имя, и почувствовать, что его руки успели подхватить меня, но на этот все закончилось. Я провалилась в глухую бездонную черноту, успев задаться всего парой вопросов.

Вернусь ли я из нее?

И я ли из нее вернусь?

Мне даже не потребовалось открывать глаза, чтобы понять: я нахожусь в лазарете. Запах этого места я бы не перепутала ни с одним другим в Орте. Только кровать подо мной в этот раз была удобнее, чем обычно, да свет, как мне показалось, падал иначе. Мне стало интересно, почему так, и я подняла веки.

Ослепительно яркий луч солнца на мгновение ударил по глазам, и мне пришлось снова зажмуриться. Я тут же попыталась немного изменить позу, но солнце скрылось само. Или кто-то прикрыл окно шторой. Я снова попробовала открыть глаза, и на этот раз все прошло успешнее. Я поняла, что нахожусь не в общей палате лазарета, а в таком же боксе, в каком в свое время лежал Норман.

Сам Норман тоже был здесь: именно он избавил меня от назойливого солнца, а потом подошел к моей кровати и присел на ее край. В его глазах волнение причудливо переплеталось с облегчением, но мое внимание привлекла его одежда: вместо уже надоевшей преподавательской формы на нем были темно-серые брюки и светло-синяя рубашка. Выглядел он в этом очень необычно, но невероятно привлекательно.

Наверное, на моем лице красноречиво отразилось удивление, потому что Норман вдруг улыбнулся и сказал:

— Да, у меня есть другая одежда, просто я ее редко ношу.

— Не понимаю почему, — мой голос прозвучал немного хрипло, как после долгого сна, ия откашлялась, чтобы привести его в норму. — Тебе очень идет.

— В учебные дни мне полагается ходить в форме. И это удобно: не надо думать, что надеть. Но сейчас ведь каникулы.

— Действительно, — пробормотала я, окончательно осознавая реальность, в которой очнулась. На меня нахлынули воспоминания о бесконечном дне выпускного. — Что случилось? Как давно я тут?

— Меньше суток. Выпускной был вчера. У тебя случилось истощение. Моя вина, — его лицо заметно помрачнело. — Слишком много энергии взял у тебя, прости.

— Да ничего, — отмахнулась я. — Главное, все получилось. У нас ведь все получилось? Он кивнул.

— Орта очищена от низших, а я не привел в этот мир демона. И даже... вот, полюбуйся.

Он расстегнул манжету рубашки, осторожно поднял край рукава выше локтевого сгиба и продемонстрировал место, на котором раньше стояла метка. Сейчас там красовался свежий ожог. Не слишком серьезный, но наверняка болезненный.

— Что это значит? — я осторожно коснулась кожи рядом с ожогом, гадая, почему никто его до сих пор не залечил.

— Кажется, я разозлил демона своей жадностью и тем, что даже она не позволила ему занять мое тело. Он разорвал связь между нами со своей стороны. Я даже не знал, что такое возможно. Думал, если уж сам маг не может разорвать связь, то она нерушима.

— Значит, ты теперь не темный? — осторожно уточнила я, садясь на кровати. Голова слегка закружилась, несмотря на то, что я делала это медленно.

— Даже не знаю, какой я теперь, — тихо признался Норман, глядя на свою руку, а не на меня. — Я не чувствую демоническое измерение, как раньше, но мне по-прежнему не требуются артефакты, чтобы сфокусировать светлый поток. Темный я пока не пробовал

призывать.

Из всего этого я услышала только слова о том, что он больше не чувствует демоническое измерение. Меня захлестнуло такой радостью, что я едва не подпрыгнула на месте.

— Это же здорово!

Его лицо не выражало подобного восторга, поэтому я неуверенно уточнила:

— Это же здорово?

Он задумчиво кивнул, опуская рукав обратно.

— Наверное, это хорошо, просто... так странно. Особенно то, что не приходится больше дистанцироваться и... контролировать себя каждую секунду.

Норман снова посмотрел на меня, и я поняла, что сегодня он действительно выглядит непривычно расслабленным. Дико уставшим при этом, но спокойным. Вероятно, он так и не спал со вчерашнего дня, а потому каждый прожитый им год явно отражался на лице, особенно сильно подчеркивая, насколько он старше меня. Зато глаза были живыми и как будто светились изнутри. Впервые за все время. И от этого у меня на душе становилось невероятно тепло и радостно. Я не могла отвести взгляд от его глаз и перестать улыбаться.

Не знаю, как долго мы сидели так — глядя друг на друга, улыбаясь и наслаждаясь уютом момента. Он развеялся, стоило в мою пустую голову ползть тревожным мыслям.

— Где папа? Что с ним?

— Твой отец все еще в Легионе. Там полный бардак. Половина легионеров ему подчиняется, другая половина — пытается противостоять. Ему удалось найти что-то против Ротта. Так что канцлер и несколько министров уже тоже там, разбираются в ситуации. Полагаю, он рассказал им и о том, кто ты, потому что канцлер изъявил желание с тобой встретиться и поговорить.

— Папа точно в порядке? — усомнилась я. — Ты его видел?

— Да, он перемещался сюда экспресс-порталом пару часов назад. Хотел узнать, как ты, а заодно рассказал все новости. Он, конечно, выглядел обессиленным, но обещал держаться, пока ты не придешь в себя. Его влияния в любом случае надолго не хватит. Пока легионеры, министры и канцлер растеряны, ему удастся контролировать ситуацию, но потом потребуется фигура более влиятельная.

— Ух ты, — я непроизвольно поморщилась, понимая, на что он намекает. — Значит, все-таки придется становиться ожившей легендой... Эта новость, прямо скажу, паршивая.

Норман чуть склонил голову набок и неестественно спокойным тоном сообщил:

— Есть только одна проблема: в тебе больше нет второго потока.

— Как это нет? И куда же он делся?

Он пожал плечами.

— Я вижу три варианта. Первый: один поток был исчерпан полностью. Такое случается очень редко, но история знает магов, которые лишались силы из-за того, что расходовали поток полностью. Обычно организм не дает нам этого сделать, но в твоем случае это возможно: ведь я тянул из тебя энергию принудительно, а у тебя был поток в запасе. Второй: один из потоков подавил другой, как того ожидали современные теоретики Развоплощения. Но судя по тому, что ты — это все еще ты, подавлен был поток Роны. Третий: ваши потоки наконец слились в один, как это предсказывал я. Возможно, из-за того, что ты довольно долго пропускала их через усиливающий артефакт. Или просто время пришло.

Я на мгновение задумалась, прислушиваясь к себе. Определенно я все еще была Таней Лариной. Мои воспоминания быпи на месте, новых не появилось, я чувствовала себя как

раньше, но следовало проверить еще кое-что.

— В моей комнате в общежитии в нижнем ящике стола лежит дневник Роны. Можешь его достать для меня? У меня нет сил.

Норман кивнул, сделал знакомое движение рукой и через секунду протянул мне уже знакомую тетрадь в кожаном переплете.

Я раскрыла ее в произвольном месте и даже не стала читать текст, хватило и того, что я все еще его видела.

— Я по-прежнему могу это прочесть, — тихо призналась я. — Значит, потоки все-таки объединились и во мне осталась ее магия?

— Или так, или остаточный след ее потока все еще позволяет артефактам распознавать в тебе свою хозяйку, — Норман пожал плечами. — Так или иначе, но Роной ты не станешь. Теперь это уже точно.

Чувство облегчения, которое я испытала в этот момент, я даже не смогла бы описать словами. Наверное, что-то подобное испытывают люди, узнав, что предполагаемая раковая опухоль оказалась безвредной кистой.

Я закрыла дневник и отложила его в сторону, прижала ладони к лицу, чувствуя, что сердце ненадолго срывается в галоп, а потом постепенно успокаивается, и тяжесть, лежавшая на нем все это время, рассасывается.

Через какое-то время я отняла руки от лица и снова посмотрела на Нормана. Он, как всегда, терпеливо ждал, пока я все осмыслю и переживу. Святой человек. Мне захотелось кинуться ему на шею, но я удержала себя.

— Значит, бессмертия все-таки не существует?

— Увы...

— Разочарован?

Этот вопрос заставил Нормана нахмуриться.

— Хочу напомнить тебе, что я в него и не верил. Я не ждал возвращения Роны.

— Возможно, осознанно — нет, — я обхватила руками колени и положила на них подбородок. — Но ты же все равно еще любишь ее. Наверняка же в мыслях у тебя иногда проскальзывало: «А вдруг?»

— Тебя всегда будут преследовать эти сомнения? — заметно помрачнев, спросил он.

Я пожалала плечами.

— Ты смирился с ее смертью, потому что не можешь этого изменить. Это естественно и правильно, я все это понимаю. И иногда совсем про нее забываю, но потом что-то напоминает и... И я опять думаю: а вот если бы она все-таки вернулась...

— Ты просто думаешь, что в этом случае я бы предпочел ее, но это не так.

Я тут же подняла голову и удивленно посмотрела на него.

— Не так?

— Конечно, нет, — по его губам снова скользнула едва заметная улыбка. — Я уже совсем не тот человек, каким был одиннадцать лет назад. Да и Рона прожила почти шесть лет без меня. Даже если бы вдруг она появилась здесь, мы бы не смогли просто взять и продолжить с того места, на котором остановились. Такое невозможно, понимаешь? Да, я всегда буду ее помнить. И в своих воспоминаниях я всегда буду ее любить. Она часть моего прошлого, часть меня. Во многом она сделала меня тем человеком, которого ты знаешь и которого ты любишь. Я буду помнить ее, потому что забыть — это все равно что предать. Нельзя перечеркивать прошлое и делать вид, что оно ничего не значит. В конце концов,

память живущих — единственное доступное нам бессмертие. Но прошлое остается в прошлом. А мое настоящее — и, я надеюсь, мое будущее — это ты.

Глаза предательски защипало и в горле подозрительно заскребло, но я была полна решимости больше не реветь по пустякам. И поэтому плотно сжала губы, чтобы не дрожали, и старалась не опускать веки, чтобы скопившиеся в глазах слезы не полились по щекам.

— Рогатый демон, — в отчаянии выдохнул Норман. — Таня, ну что я опять сказал не так?

Я помотала головой, неожиданно рассмеявшись сквозь слезы. Внутри бушевал такой ураган эмоций, что я окончательно перестала их понимать. Поэтому скользнула руками по плечам Нормана и крепко обняла его.

— Ты раньше мне этого сказать не мог? — через силу спросила я, утыкаясь лицом в изгиб его шеи.

— Да я же говорил... и не раз, — досадливо заметил он, прижимая меня к себе и глядя по волосам.

— Значит, до сих пор звучало не так убедительно!

Он сдержанно рассмеялся.

— Рад, что мне все-таки удалось тебя убедить. Тогда у нас остался всего один вопрос, госпожа Ларина. Я обещал задать его, когда наши отношения перестанут считаться незаконными, и собирался сделать это на выпускном, но... не сложилось. Поэтому я спрошу сейчас. Ты окажешь мне честь, став моей женой?

У меня перехватило дыхание. Еще недавно я так ждала и предвкушала этот момент. Не знала, каким он будет, и, наверное, все получилось бы куда красивее и романтичнее, если бы этот вопрос Норман задал, как и планировал, во время выпускного бала. Но это не имело значения. Все же в предложении руки и сердца важно не то, как оно сделано, а кем оно сделано.

Я отстранилась от него и, сдержанно улыбаясь, ответила:

— Нет, не окажу.

На его лице отразилось замешательство, но прежде, чем оно успело перерасти во что-то еще, я поторопилась добавить:

— Стать твоей женой будет честью для меня.

К счастью, он рассмеялся, оценив мое мелкое хулиганство. И поцеловал, заставляя забыть обо всем на свете. Учитывая наличие кровати и уединенной комнаты, наш поцелуй грозился перерасти в нечто гораздо большее. Рука Нормана уже скользнула под одеяло, пытаясь найти край моей ночной сорочки, но в это мгновение дверь в палату распахнулась и на пороге показался ректор Ред собственной персоной. Я успела по привычке испугаться, но вспомнив, что уже имею право целоваться с кем захочу и в этом мире, только смутилась.

— Я прошу прощения, что прервал вас на самом интересном месте, — пряча ухмылку, сказал ректор, — но там притаился канцлер и с ним дюжина легионеров. Все серьезные такие. Вам придется ответить на их вопросы.

Норман разве что не зарычал, а я нервно рассмеялась.

— Мы сейчас выйдем, — пообещал он. — Дай нам две минуты.

— Ян, имей совесть, — возмутился ректор, — если тебе хватает двух минут, это еще не значит, что их хватает девушке...

— Абрахам! Прокляну!

— Все, понял, скажу, что вы уже идете.

И ректор закрыл за собой дверь, а я снова рассмеялась. Надо было как-то взять себя в руки, но меня била нервная дрожь. Слишком много событий, слишком много эмоций.

Я растерянно посмотрела на Нормана.

— Что мы будем делать?

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Это тебе решать. Но что бы ты ни решила, знай: я всегда буду рядом.

И, пожалуй, большего я бы у судьбы и не попросила.

Я смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Если в день Бала Развоплощенных я чувствовала себя принцессой, то сейчас моя самооценка поднялась до уровня королевы. Жемчужного цвета платье с пышной юбкой в пол и небольшим шлейфом сзади выглядело сказочно, хоть и казалось немного тяжелым из-за расшитого мелким жемчугом корсета. Зато этот корсет красиво поднимал грудь и делал талию непривычно тонкой. Главное, не задыхаться. Мне немного не нравилось, как выпирают ключицы, но тут уж виновата сама: надо было меньше нервничать и лучше питаться. Зато за обнаженные плечи и руки не было стыдно. Я сама себе напоминала сейчас точеную фарфоровую фигурку балерины, которая когда-то стояла у нас дома.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — хитро улыбаясь, спросила Хильда, появляясь рядом со мной в зеркале.

— Зависит от того, о чем думаешь ты, — я смущенно коснулась волос, желая их поправить, но тут же остановила себя: рыжие локоны профессиональный магический парикмахер усмирлял добрых пятнадцать минут, где-то подвивая, где-то вытягивая, потом все это закалывая и украшая булавками с жемчужинами покрупнее, поэтому каждый волосок лежал на своем месте и трогать эту красоту не стоило.

— Я думаю о том, как ты во всем этом офигительном великолепии сегодня весь день в туалет ходить будешь.

Мгновение мы смотрели друг другу в глаза в отражении, а потом одновременно рассмеялись. Хильда была в своем репертуаре, хоть ей и пришлось сегодня снова надеть пристойное платье. Я была благодарна ей за эту шутку, которая немного сбила градус серьезности предстоящего мероприятия.

— Ну что, ты готова? — спросила она, доставая экспресс-портал, выданный нам моим отцом.

Я отрицательно помотала головой, но за свою половинку сферы взялась. От перемещения такими порталами каждый раз кружилась голова, поэтому Хильде пришлось коснуться моего плеча, чтобы помочь удержать равновесие мне и удержать его самой, когда мы оказались у дверей Дома Риддик в Апарин.

Как мне и говорила мама, это место мало чем отличалось от церквей в нашем мире, что лишний раз подтверждало: как бы маги ни дистанцировались от людей, как бы ни отгораживались от них Занавесью, они все равно оставались людьми. Разве что христианской атрибутики здесь не было, а по своей архитектуре здание походило на уменьшенную Орту.

— Так, ну я пошла, а ты давай, держись, — Хильда обняла меня. — Не трясись так! И смотри не наступи на подол. Если упадешь, будет очень неловко.

Мне захотелось ее стукнуть, но она проворно скрылась за дверями, оставив меня одну.

Я сделала глубокий вдох и медленный выдох, стараясь унять бешенное сердцебиение и дрожь в руках. Скорее бы все это закончилось!

Двери Дома распахнулись, приглашая меня войти. Я приподняла юбку, чтобы действительно не наступить на край длинного подола и медленно двинулась навстречу своей судьбе. И хотя накануне я проделала это несколько раз в рамках репетиции, я все равно оказалась не готова к тому водовороту эмоций, что захлестнул меня сейчас.

Стоило мне ступить на порог, как из-под стрельчатого свода полилась торжественная, почему-то немного печальная и довольно медленная мелодия, против обыкновения сопровождаемая хорovým пением. Все присутствующие в зале поднялись со своих скамей и повернулись ко мне. Людей было так много, что я даже не могла понять, сколько их. Сотни? Тысячи? Они смотрели на меня, улыбались, кивали, словно хорошо знали, словно я была их близким другом. А я не знала никого из них, но все равно улыбалась в ответ и кивала, неосознанно ускоряя шаг, хотя накануне мне несколько раз настойчиво повторили, что я не должна идти к хозяину Дома слишком быстро. Только музыка останавливала меня от того, чтобы побежать вперед.

Дойдя до первых рядов, я все-таки притормозила, чтобы посмотреть на знакомые лица. Правда, видеть родителей без привычных иллюзий было все еще очень странно. Но как и в случае с Яном, чужие черты имели такую родную мимику, что она сглаживала впечатление.

Папе очень шла форма Легиона. От полномочий старшего легионера столицы его освободили почти сразу, но обратно на службу все равно приняли, на какую-то административную должность. Мама была безумно рада вернуться в Аларию, но к местной моде в одежде ей теперь предстояло привыкать заново: в Москве она искренне полюбила джинсы.

Норман тоже был здесь, стоял рядом с моим отцом, ободряюще улыбаясь мне. Я впервые видела его в белом костюме и подозревала, что больше никогда не увижу. Но сегодня он имел на него право. И выглядел в нем ослепительно.

Мое внимание привлекла Инга, помахав мне рукой в нарушение протокола, но ее, бедную, восторг и так разрывал на части. Оставалось радоваться, что она не пищит от счастья, наконец оказавшись в настоящем магическом мире. Моя мама, рядом с которой она стояла, только закатила глаза. А я точно так же в нарушение протокола помахала своей лучшей подруге. Собственно, почему я не могла этого сделать?

Наконец я приблизилась к хозяину Дома. Здесь не было алтаря, хозяин сидел на большом кресле, похожем на трон. Он поднялся мне навстречу, когда я добралась до первой ступеньки и начала подниматься к нему «на сцену», как я называла про себя небольшое возвышение. Он протянул мне руку, я подала ему свою, позволяя ее поцеловать в знак приветствия. Судя по тому, что его ладонь показалась мне горячей, моя была ледяная.

Музыка и пение стихли. Я почувствовала, как все гости Дома Риддик замерли в благоговейном ожидании, когда хозяин Дома взял слово и объявил, что сегодня — великий день и все такое. Я стояла вполборота к гостям, вполборота к хозяину и почти не слушала его слова, дожидаясь момента, когда церемония признания подойдет к концу. Мне не нравилось быть здесь, не нравилось это делать, но приходилось.

В тот день канцлер не оставил мне выбора. От одного взгляда в его маленькие, злые глазки мне стало нехорошо. Я поняла, что договориться по-человечески не получится. Папа мог доказать только то, что Ротт был темным магом. Доказать заговор мы просто не успели бы. Я поняла, что нас всех уже давно бы арестовали, если бы не одно «но». Канцлер опасался, что я действительно могу оказаться ревоплощением Роны Риддик. Видимо, в этом случае мой арест мог плохо сказаться на его политической карьере.

От мысли, что brave легионеры, пришедшие с канцлером, арестуют и Нормана, и меня, а потом и папу, у меня сердце ушло в пятки. Я не знала, как еще защитить их и себя заодно. Разыграть карту с ревоплощением все-таки было единственным вариантом. И я ее разыграла, для лучшего эффекта сделав вид, что я стала Роной Риддик. Кажется, Норман был

шокирован, но, как и стоило ожидать, очень быстро сориентировался. И подыграл, сняв иллюзию и с себя.

Папа не ошибся. Даже среди легионеров, пришедших с канцлером, сразу почувствовалась перемена в настроении. И канцлер это тоже заметил. Идти против двух древних королей, учитывая нестабильность Республики, имеющиеся верования и предсказания, он не рискнул. Злой взгляд моментально исчез, и мы заговорили на позиции равных.

Мы рассказали ему всю правду. О Ротте, его коварном плане и о роли, которая была в нем отведена Норману. О судьбе, которую наследник Геллерта готовил самому канцлеру, и об участии во всем этом Марека. По-моему, последнее в каком-то смысле раздавило Кролла-старшего, но мне не было его жаль.

В итоге канцлер предложил нам сделку: он не преследует никого из нас за преступления, которые мы совершили, стараясь помешать Ротту, но ни я, ни Норман не раскрываем свои истинные личности как минимум до выборов. Мы согласились, но оба понимали, что после выборов ничто не мешает канцлеру убрать нас по-тихому.

Поэтому сегодня я была здесь. Выборы прошли неделю назад, и тогда же мы раскрыли хозяину столичного Дома Риддик мою тайну. Новость об этом, конечно, в считанные дни облетела весь город. Мы надеялись, что после этого канцлер не решится на какие-либо действия против нас. Пока он не решился.

Хозяин закончил свою короткую речь и получил в награду аплодисменты, под которые поднял с небольшого столика, стоявшего у его кресла, шкатулку и протянул ее мне. Аплодисменты тут же стихли, мне показалось, что все присутствующие затаили дыхание.

Я и сама его затаила, хотя прекрасно знала, что смогу открыть шкатулку. Настоящую проверку я прошла еще неделю назад, а то, что происходило сейчас, было скорее спектаклем для публики.

Как и полагалось, я провела рукой по крышке, направляя магический поток на отпирающее заклятие, и открыла шкатулку, получив свою порцию аплодисментов, под которые вернула ее хозяину. Тот поставил шкатулку на место, а потом вынул из нее небольшую, изящную диадему из белого золота, украшенную изумрудами и бриллиантами. Она прекрасно подходила к перстню Нормана. Видимо, Рона Риддик любила это сочетание. Хозяин надел диадему на мою голову, взял за руку и развернул лицом к гостям.

— Дамы и господа, — торжественно изрек он, — позвольте представить вам Татьяну Ларину, урожденную Дарлу Вонен. Революция Роны Риддик!

Торжественная музыка снова ударила по барабанным перепонкам. На этот раз она звучала веселее. Я ждала новой волны аплодисментов, но произошедшее дальше заставило мой желудок перевернуться и завязаться в узел. Гости смиренно опустили на одно колено и почтительно склонили головы. Абсолютно все: мужчины и женщины, молодые и пожилые, немногочисленные дети. Даже Инга, вероятно, просто из уважения к торжественности момента.

И даже Норман, хотя это ощущалось до того неправильно, что мне хотелось плакать от этого. Это он был их королем, это перед ним они должны были преклонять колени, а не он передо мной. Кто я такая? Всего лишь самозванка, использующая местные убеждения в своих целях.

Однако Норман не пожелал раскрывать свою личность, сославшись на то, что это только все испортит. Рону Риддик несколько веков возводили в ранг полубогини, а личность

Норда Сорроу не вызывала общественных симпатий. Норман сказал, что предпочел бы остаться Яном Норманом до конца своих дней.

Я не стала тогда спорить: это его выбор. Мне нравится Ян Норман, но я надеюсь, что однажды он передумает и захочет снова стать собой. Пусть он уверяет, что ему комфортно в этом образе, мне кажется, что каждый должен быть собой — так правильней. Я приму любое его решение, но слухи о том, кто он на самом деле, уже расползаются по столице. Джин выпущен из бутылки: я знаю правду, ректор ее знает, мои родители, канцлер и многие легионеры. Лишь вопрос времени, когда тайна официально перестанет быть тайной.

А пока нести бремя известности предстоит мне. Конечно, я не планирую становиться ни настоящей королевой, ни даже канцлером. Хотя Норман порой шутит, что через пять лет у меня есть все шансы. Но я слишком молода, по-прежнему слишком плохо знаю магический мир и соваться в политику не хочу. У меня другие интересы в жизни. Зато мне кажется, что сам Норман станет отличным канцлером, когда наконец будет раскрыта его настоящая личность. «Однажды древний король вернется, и Республику ждет новой расцвет» — думаю, это пророчество станет отличным слоганом для избирательной кампании. А что касается отношения магов к Норду Сорроу... Я в силах его изменить.

Признание меня ревоплощением Роны Риддик давало не только защиту, но и возможность говорить и быть услышанной. Благодаря дневнику Роны и рассказам Нормана я знала достаточно много о событиях тех времен и могла выдать это знание за собственные воспоминания. Едва меня проверили на «истинность» ревоплощения, еще до официального признания посыпались предложения об интервью, которые я охотно принимала. И в каждом рассказывала о том, что на самом деле произошло пять веков назад и каким в действительности был Норд Сорроу. Отношение к нему уже начало меняться, и я намерена полностью восстановить эту историческую справедливость.

Норман делает вид, что ему все равно, но я знаю, что это не так. Я еще помню, как в начале учебного года он говорил о Норде Сорроу и о том, как потомки извратили большую часть того, что он сделал. То, чего не сделала для него настоящая Рона Риддик, — не защитила память о нем — теперь делаю я. Уверена, сумею она на самом деле вернуться к жизни, она поступила бы так же.

Когда все гости наконец выпрямились, снова грянули аплодисменты, а Норман взял заранее подготовленный небольшой букет неизвестных мне белых цветов и подошел вручить его мне. Настало время перейти к более приятной части церемонии.

— Как ощущения? — тихо спросил он.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — так же тихо пожаловалась я. — Почему ты не предупредил меня, что вы все бухнетесь на колени?

— Боялся, что тогда ты не придешь на церемонию, — усмехнулся он. — И хотя меня мало волнует официальное признание тебя ревоплощением, я очень хотел, чтобы ты пришла на нашу свадьбу.

— Злостный манипулятор, — шутливо проворчала я.

Он рассмеялся, неожиданно привлек к себе и поцеловал, тоже бесстыдно нарушая протокол, но, кажется, вызывая этим умиление всех присутствующих. Хозяин Дома деликатно кашлянул рядом с нами.

— Господин Норман, бы слишком торопитесь. Я еще не объявил вас мужем и женой.

— Прошу прощения, — без тени раскаяния извинился Норман, отстраняясь и поворачиваясь к хозяину. — И, пожалуйста, сделайте это уже побыстрее.

Да, чтобы как-то скрасить всю эту канитель с церемонией признания, мы решили совместить ее с церемонией нашего бракосочетания. Как сказал папа: «Сэкономим на банкете». Именно поэтому Норман сегодня был в белом: по местной традиции жених и невеста могли надевать наряды любого цвета, но обязательно — одинакового, допускались только разные оттенки. Для меня свадьба ассоциировалась с белым платьем, а Норман сказал, что он ничего не имеет против, хотя никогда не носил белого. Вопрос с цветом его форменного костюма еще решался, а пока он продолжал носить черный. Несмотря на то, что больше не был темным. С его магией пока не все было понятно, потому что от светлых он тоже слишком отличался.

Сейчас, стоя в Доме Роны Риддик бок о бок с Яном Норманом и в торжественной тишине внимая словам человека, соединяющего наши судьбы в глазах местного общества, я думаю о том пути, что прошла за последний год. Точнее о пути, который прошли мы оба. Завершение ревоплощения не изменило меня, как бы сильно этого ни боялись мои родители и я сама, но меня изменил магический спецкурс, ради которого я отправилась в Орту. Правда, которую я узнала в процессе, опасность, которая мне угрожала в связи с ней, новый мир, который принял меня... Но сильнее всего меня изменил Ян Норман, который так многому меня научил.

А я изменила его. Я не знаю точно, в какой момент он наконец простил себя и по-настоящему отпустил прошлое, державшее его все эти одиннадцать лет, но это произошло. Я уже не говорю о том, что демон все-таки оставил его, хоть это и считалось невозможным. И только ради этого я согласилась бы заново пережить весь последний год, каким бы ужасным он порой ни был. Если все это произошло в моей жизни ради того, чтобы в нужный момент я могла освободить Нормана, то оно того стоило.

Узнав всю эту историю, Инга авторитетно заявила, что я все-таки настоящая реинкарнация Роны Риддик, просто у моей души был шанс вспомнить предыдущую жизнь, но я его упустила. Ей нравится думать, что мы с Норманом две половинки одного целого, созданные друг для друга, и мы шли друг к другу сквозь столетия и потому оказались в одном времени. Я даже не знала, что моя подруга такой романтик.

Более прагматичная Хильда предположила, что Норман во время своего ритуала намеренно расходовал светлый поток Роны больше, чем мой. Чтобы в момент слияния я доминировала.

Папа, ознакомившись с древней Теорией о Развоплощении, пожалел, что не знал о ней раньше.

— Помогла бы мне избежать многих ошибок, — сказал он, давая понять, что поверил в нее.

Мама поделилась со мной мнением, что я просто все-таки оказалась сильнее и подавила поток Роны Риддик самостоятельно. Она мной в связи с этим очень гордится.

Для магического мира поток Роны Риддик подавил поток Тани Лариной, но не убил в полной мере личность и воспоминания. Местные ученые уже правят Теорию и Развоплощения.

Что касается меня самой... Я не знаю.

Я не знаю, есть ли у меня душа. Или я — всего лишь смертное тело, которое со временем обратится в прах. А если даже у меня есть бессмертная душа, я не представляю, что с ней случится после моей смерти: уйдет ли она куда-то за грань или вернется для нового воплощения.

Я не знаю, были ли мы с Яном предназначены друг другу, написана ли наша любовь на звездах и шли ли мы друг к другу сквозь века. Или же наша встреча — результат многочисленных поворотов наших судеб, на каждом из которых мы могли разминуться во времени и пространстве навсегда.

Я не знаю... И мне все равно. Сейчас я там, где хочу быть. С тем, с кем хочу быть. Я больше не строю великих планов, но я знаю, что буду делать дальше. И знаю, что у меня все получится. У нас получится.

Мне все равно, кем меня считают. Мне все равно, как меня называют.

Я та, кто я есть. И никто у меня этого не отнимет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На этом история Тани Лариной и Яна Нормана заканчивается. Спасибо всем, кто дошел вместе с автором и героями до этого момента. И особенное спасибо всем тем, кто писал отзывы, ставил лайки, делал репосты и давал награды. Мне было приятно ощущать вашу поддержку и именно благодаря ей другие читатели тоже находили эту историю. И чем черт ни шутит, возможно, благодаря вам однажды эта история будет издана в бумаге.

Если история вас какими-то поворотами сюжета разочаровывала и отвращала от себя, мне жаль, но я рассказала ее как умела. Конечно, если в какой-то момент вы ее бросили, то вы, скорее всего, этого не прочтаете, но я все равно надеюсь, что вы на меня не в обиде:)

Если же история вам понравилась и хочется еще чего-то такого же, то приходите читать роман "Проклятый ректор" (уже на моей странице). Действие будет разворачиваться в том же мире, но из Орты переместится в Леке. И хотя там не будет по паданки из нашего мира, тема с адаптацией в новой среде будет присутствовать. Любовь, нежность, переживания и приключения, конечно, тоже будут. А в самом начале новой истории нас ждет еще одна небольшая встреча с Таней и Яном. Появится возможность немного узнать о том, как протекает их "долго и счастливо".

На этом желаю всем хорошего дня!) И хороших вам историй!